

ISSN 2078-1024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Майкопский государственный технологический университет»

ВЕСТНИК МАЙКОПСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 16 № 4 2024

<i>История издания журнала:</i>	Журнал издается с 2009 года
<i>Наименование</i>	Вестник Майкопского государственного технологического университета Том 16, № 4 2024
<i>Периодичность:</i>	4 выпуска в год
<i>Префикс DOI:</i>	10.47370
<i>ISSN</i>	2078-1024
<i>Свидетельство о регистрации средства массовой информации</i>	Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-85521 от 04 июля 2023 г.
<i>Условия распространения материалов</i>	Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
<i>Подписка на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета»</i>	Подписку на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета» можно оформить по индексу Э66022 на сайте Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-uf.ru , в электронном каталоге Почты России по индексу ПК399, а также по индексу 66022 в электронном каталоге УРАЛ-ПРЕСС https://www.ural-press.ru/
<i>Учредитель / издатель:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191
<i>Редакция:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191, тел.: 8(8772)52 30 03 e-mail: vestnik@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Типография:</i>	Индивидуальный предприниматель Кучеренко Вячеслав Олегович 385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, д. 403, офис 33 e-mail: slv01@yandex.ru
<i>Дата публикации:</i>	26.12.2024
<i>Тираж:</i>	500 экз.
<i>Стоимость одного выпуска:</i>	Цена свободная

ISSN 2078-1024

Federal State budget Educational Institution
of Higher Education «Maykop State Technological University»

**VESTNIK
MAJKOPSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
TEHNOLOGIČESKOGO
UNIVERSITETA**

Volume 16 No 4 2024

<i>Journal publishing history:</i>	The journal has been published since 2009
<i>Title:</i>	Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta Volume 16, No. 4 2024
<i>Frequency:</i>	4 issues a year
<i>DOI prefix:</i>	10.47370
<i>ISSN</i>	2078-1024
<i>Mass media registration certificate:</i>	Registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate PI № FS77-85521, July 04, 2023
<i>Content distribution terms:</i>	Content is distributed under Creative Commons Attribution 4.0 License
<i>Subscription to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal</i>	You can subscribe to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal on the website of the «Press of Russia» United Catalog www.pressa-rf.ru under the E66022 index and in the electronic catalog of the Russian Post under the PK399 index, and in the electronic catalog of the Ural Press under the 66022 index https://www.ural-press.ru/
<i>Founder/Founder/Publisher:</i>	«Maykop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str.
<i>Editorial office:</i>	«Maykop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8(8772)52 30 03 e-mail: vestnik@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Printing house:</i>	Kucherenko Vyacheslav Olegovich sole proprietorship 385008, Maykop, 403 Pionerskaya str., office 33 e-mail: slv01@yandex.ru
<i>Publication date:</i>	26.12.2024
<i>Circulation:</i>	500 issues circulation
<i>The cost of one issue:</i>	Free price

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Тхакушинов Асланчерий Китович, доктор социологических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования, президент ФГБОУ ВО «МГТУ», заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «МГТУ»

Зам. главного редактора:

Овсянникова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и инновационному развитию

Члены редакционной коллегии:

Бадмаев В.Н., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «КалмГУ им. Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Россия);

Нехай В.Н., доктор социологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп, Россия);

Азашиков Г.Х., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГУ», г. Краснодар, Россия);

Сиюхова А.М., доктор культурологии, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Кудаева С.Г., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Сефербеков Р.И., доктор исторических наук, профессор (ФГБУН ИИАЭ ДФНЦ РАН, г. Махачкала, Россия);

Мухаджиев С.-Х.Х., кандидат исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Поддубная Т.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КГУФКСТ», г. Краснодар, Россия);

Алиева С.И., доктор исторических наук, профессор (Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджанская Республика);

Сопов А.В., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Шувакович У.В., доктор политических наук, профессор (PhD), (Приштинский университет, г. Белград, Сербия);

Кечина Е.А., доктор социологических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Амирова Л.А., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия);

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия);

логического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия);

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор (РУДН, г. Москва, Россия);

Омер Туран, доктор исторических наук, профессор (Технический университет Ближнего Востока, г. Анкара, Турция);

Хагуров А.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГАУ», г. Краснодар, Россия);

Пивненко П.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «РостГМУ», г. Ростов-на-Дону, Россия);

Бегидова С.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп, Россия);

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор (ОУП ВО «АТиСО», г. Москва, Россия);

Панеш А.Д., доктор исторических наук, доцент (ГБУ РА «АРИГИ им. Т.М. Керашева», г. Майкоп, Россия);

Чумичева Р.М., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «ЮФУ, Академия психологии и педагогики», г. Ростов-на-Дону, Россия);

Лукьяненко В.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «СКФУ», г. Ставрополь, Россия);

Мусханова И.В., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ЧГУ», г. Грозный, Россия);

Гапуров Ш.А., доктор исторических наук, профессор (ГКНУ «Академия наук Чеченской республики», г. Грозный, Россия);

Соловей Т.Д., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

Карлов В.В., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

Бенин В.Л., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия);

Жаркынбаева Р.С., доктор исторических наук, профессор (Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан);

Краснощекова Г.А., доктор педагогических наук, доцент (Южный федеральный университет, г. Таганрог, Россия);

Ромашина Е.Ю., доктор педагогических наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия);

Бобкова Е.М., доктор социологических наук, доцент (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Институт государственного управления права и социально-гуманитарных наук, г. Тирасполь, Молдова. Приднестровье);

Маликов Р.Ш., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Chief Editor:

Tkhakushinov Aslancheriy Kitovich, Doktor of Sociologikal Sciences, Professor, a full member (academician) of the Russian Education Academy, President of FSBEI HE «MSTU», head of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogics of FSBEI HE «MSTU»

Deputy Chief Editor:

Ovsyannikova Tatiana Anatoljevna, PhD, Professor, prorector for scientific work and innovative development

Members Editorial Board:

Badmayev V.N., Ph.D., professor (FSBEI HPE «KalmSU named after B.B. Gorodovikov», Elista, Russia);

Nekhay V.N., Dr Sci. (Sociology), associate professor (FSBEI HE «ASU», Maikop, Russia);

Azashikov G.H., Ph.D, professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Khagurov T.A., Dr Sci. (Sociology), professor (FSBEI HE «KubSAU», Krasnodar, Russia);

Siyyukhova A.M., Dr Sci. (Culturology), associate professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Kudayeva S.G., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Seferbekov R.I., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBIS IHAЕ DFSC of the RAS, Makhachkala, Russia);

Muskhadzhiyev S.-H.H., PhD (History), associate professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Poddubnaya T.N., Dr Sci. (Ped.), professor (FSBEI HE «KSUPCS», Krasnodar, Russia);

Alieva S.I., Dr Sci. (Hist.), professor (Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku the Azerbaijan Republic);

Sopov A.V., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Shuvakovich U.V., Dr Sci. (Politics), professor (Pristina University, Belgrad, Serbia);

Kechina E.A., Dr Sci. (Sociology), professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Amirova L.A., Dr Sci. (Ped.), associate professor (FSBEI HE «BSPU named after M. Ak-mulla», Ufa, Russia);

Golenkova Z.T., Dr Sci.(Philosophy), professor (Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia);

Narbut N.P., Dr Sci. (Sociology), professor (PFUR, Moscow, Russia);

Omer Turan, Dr Sci. (Hist.), professor (Middle East Technical University, Ankara, Turkey);

Khagurov A.A., Dr Sci. (Sociology), professor (FSBEI HE «KubSU», Krasnodar, Russia);

Pivnenko P.P., Dr Sci. (Ped.), professor (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia);

Begidova S.N., Dr Sci. (Ped.), professor (FSBEI HE «ASU», Maikop, Russia);

Volkova O.A., Dr Sci. (Sociology), professor (EITU HE «ALandSR», Moscow, Russia);

Panesh A.D., Dr Sci. (Hist.), associate professor (SBI RA «ARIHR named after T.M. Kerahev», Maikop, Russia);

Chumicheva R.M., Dr Sci. (Ped.), professor (FSAEI HE «SFU, Academy of Psychology and Pedagogy», Rostov-on-Don, Russia);

Lukyanenko V.P., Dr Sci. (Ped.), professor (FSAEI HE «NCFU», Stavropol, Russia);

Muskhanova I.V., Dr Sci. (Ped.), associate professor (FSBEI HE «ChSU», Grozny, Russia);

Gapurov Sh.A., Dr Sci. (Hist.), professor (SOSI «The Chechen Republic Academy of Sciences», Grozny, Russia);

Solovey T.D., Dr Sci. (Hist.), professor (MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia);

Karlov V.V., Dr Sci. (Hist.), professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia);

Benin V.L., Doktor of Pedagogics, a professor, (FSBEI HE «BSPU named after M. Akmulla», Ufa, Russia);

Zharkynbayeva R.S., Dr Sci. (Hist.), professor, (Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Kazakhstan);

Krasnoshchekova G.A., Dr Sci. (Ped.), associate professor (The Southern Federal University, Taganrog, Russia);

Romashina E.Yu., Dr Sci. (Ped.), professor (Tula state pedagogical university named after L.N. Tolstoy, Tula, Russia);

Bobkova E.M., Dr Sci. (Sociology), associate professor (Trans-Dniester state university named after T.G. Shevchenko, Institute of Public Administration, Law and Social and Human sciences, Moldova, Tiraspol, Trans-Dniester);

Malikov R.Sh., Dr Sci. (Ped.), professor (Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

М.М. Амирханова. Изменения в социально-профессиональной структуре аграриев Дагестана и их бюджет в 1970-х годах	13
И.А. Бандурко, З.Ш. Дагужиева. Исторические аспекты возделывания груши на Кавказе	25
Р.Н. Богданов. Становление и развитие системы школьного образования в Крымской АССР (1920-е годы XX века)	39
Я.В. Валяев, А.А. Крисанов, О.С. Акупиян. Система мер по оздоровлению военнослужащих Российской императорской армии в годы Первой мировой войны	54
Г.Ш. Каймаразов, Л.Г. Каймаразова. Развитие дагестанской поэзии в 1970–1980-е годы: исторический и гендерный аспекты	69

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.М. Евтыхова. О выборе методов обучения в процессе математической подготовки будущего учителя начальных классов	85
И.В. Деткова, А.В. Леонтьева, Т.А. Цергой. Организация научной работы студентов классического университета: проблемы и пути их решения	99
П.В. Клименко, О.В. Шпырня. Военно-патриотическое воспитание как детерминанта эффективной организации работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции	113

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.С. Новикова. Теоретико-методологические подходы к исследованию поколений: сравнительный анализ	128
Е.С. Рязанова. Ключевые факторы развития общественных объединений женщин в современной России	144

Т.Л. Салова. Социогуманитарный аспект теории информационного общества
в трудах отечественных ученых-футурологов156

А.М. Сиюхова, И.А. Абдокова. Праэlementы утопии в северокавказском
традиционном эпосе «Нарты»: осмысление в контексте современной
социальной реальности169

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- M.M. Amirkhanova.** Changes in the social and occupational professional structure of the farmers of Dagestan and their budget in 1970s 13
- I.A. Bandurko, Z.Sh. Daguzhieva.** Historical aspects of pear cultivation in the Caucasus 25
- R.N. Bogdanov.** Formation and development of schooling in the Crimean ASSR (1920s) 39
- Ya.V. Valyaev, A.A. Krisanov, O.S. Akupiyan.** Measurements on improving the health of military servants of the Russian Imperial Army during the First World War ... 54
- G.Sh. Kaymarazov, L.G. Kaymarazova.** Development of Dagestan poetry in 1970–1980s: historical and gender aspects 69

PEDAGOGICAL SCIENCES

- N.M. Evtykhova.** Revisiting the choice of teaching methods in mathematical training of a future primary school teacher 85
- I.V. Detkova, A.V. Leontyeva, T.A. Tsergoi.** Management of scientific activities of classical university students: challenges and solutions 99
- P.V. Klimenko, O.V. Shpyrnya.** Military training and patriotic upbringing as a determinant of effective management of youth work in universities in the context of a unilateral military action 113

SOCIOLOGICAL SCIENCES

- V.S. Novikova.** Theoretical and methodological approaches to the study of generations: a comparative analysis 128
- E.S. Ryazanova.** Key factors in the development of non-governmental women's associations in modern Russia 144

T.L. Salova. Social and humanitarian aspects of the theory of information society
in the works of Russian futurologists156

A.M. Siyukhova. I.A. Abdokova. Primary utopian elements in the North
Caucasian traditional epic «The Narts»: understanding in the context of modern
social reality169

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-13-24>
УДК 631(470.67)

Изменения в социально-профессиональной структуре аграриев Дагестана и их бюджет в 1970-х годах

М.М. Амирханова ✉

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра Российской академии наук,
г. Махачкала, Российская Федерация
✉ madinat63@mail.ru*

Аннотация. Актуальность. Сельское хозяйство играет уникальную роль в жизнеобеспечении любого общества. Современные реформы в аграрной сфере требуют тружеников нового типа, экономически грамотных, всесторонне образованных, профессионально подготовленных, инициативных. В данном контексте определенную ценность представляет опыт одного из регионов Российской Федерации – Дагестана – в кадровом обеспечении аграрной отрасли, способствовавший качественному обновлению состава ее работников. В работе впервые предпринята попытка показать эффективное развитие кадрового потенциала сельскохозяйственного производства республики на основе модернизации материально-технической базы. **Постановка проблемы.** В статье рассматривается влияние процесса превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального на изменения социально-профессиональной структуры работников аграрного производства в Дагестане. Отмечается, что эти изменения способствовали и повышению жизненного уровня аграриев.

Цель работы – выявить факторы, обусловившие изменения в профессионально-квалификационных группах в совхозном и колхозном производствах, показать сближение размеров оплаты труда колхозников, рабочих и служащих с промышленно-производственным персоналом. **Методы исследования:** научная объективность и историзм, сравнительно-исторический, логический, статистический, которые позволили воссоздать научную картину рассматриваемой темы. Формулируется вывод, что индустриализация сельского хозяйства способствовала изменению характера труда, приближению его к уровню промышленности по технической оснащен-

ности и организации производства. Как следствие, отмечается сближение размеров оплаты труда работников сельского хозяйства к промышленно-производственному персоналу, что способствовало росту их доходов.

Ключевые слова: Дагестан, сельское хозяйство, социально-профессиональная структура, совхозы, колхозы, работники совхозов, колхозники, доходы

Для цитирования: Амирханова М.М. Изменения в социально-профессиональной структуре аграриев Дагестана и их бюджет в 1970-х годах. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):13–24. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-13-24>

Changes in the social and occupational professional structure of the farmers of Dagestan and their budget in 1970s

M.M. Amirkhanova ✉

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan
Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, the Russian Federation
✉ madinat63@mail.ru*

Abstract. Relevance. Agriculture plays a unique role in the livelihood of any society. Modern reforms in the agricultural sector require workers of a new type, i.e. economically literate, comprehensively educated, professionally trained, and proactive. In this context, the experience of one of the regions of the Russian Federation, Dagestan, in staffing the agricultural sector, which has contributed to the qualitative renewal of its employees, is of particular value. For the first time, an attempt has been made to show the effective development of the human resources potential of agricultural production in the Republic on the basis of modernization of the material and technical base. **The problem statement.** The article examines the influence of transformation of agricultural labor into a kind of industrial labor on changes in the social and occupational structure of agricultural production workers in Dagestan. It has been noted that these changes also have contributed to an increase in the standard of living of farmers. The goal of the research is to identify the factors that have caused changes in professional qualification groups in state farm and collective farm production, to show the convergence of wages of collective farmers, workers and employees with industrial and production personnel. The research methods used are scientific objectivity and historicism, comparative historical, logical, statistical ones, which allowed us to recreate the scientific picture of the topic under consideration. It has been concluded that industrialization of agriculture has contributed to changes in the nature of labor, bringing it closer to the level of industry in terms of technical equipment and production organization. As a result, there is a convergence in the wages of agricultural workers to industrial and production personnel, which leads to the growth of their incomes.

Keywords: Dagestan, agriculture, social and occupational structure, state farms, collective farms, state farm workers, collective farmers, incomes

For citation: Amirkhanova M.M. Changes in the social and occupational professional structure of the farmers of Dagestan and their budget in 1970s. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024; 16(4):13–24. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-13-24>

Введение. Современная Россия переживает один из самых сложных периодов в своей новейшей истории. Санкции,

принятые западными странами, затронули практически все отрасли внутреннего экономического комплекса России, в том

числе и агропромышленный сектор. Этот факт в определенной степени способствует сохранению бедности в стране. По данным Росстата, в 2023 году за чертой бедности оказались более 13,5 млн человек, большинство из которых проживают в сельской местности с высоким уровнем бедности¹.

Для улучшения ситуации необходимо активизировать внутренние резервы страны, в первую очередь кадровый потенциал в аграрном секторе.

Согласно ряду ключевых показателей, касающихся размещения кадров, ситуация в сельской местности за последние годы несколько улучшилась. Однако в кадровом составе существуют проблемы с уровнем образования, профессионализма и компетентности руководителей и специалистов аграрного сектора экономики. Поведенческие установки специалистов, занятых в сельскохозяйственном производстве, в основном определяются престижностью их работы, уровнем оплаты труда и качеством жизни в сельской местности.

В этой связи вполне закономерен интерес к истории советского агропромышленного комплекса, где были достигнуты важные успехи в кадровой политике. Опыт Дагестана, одного из регионов Российской Федерации, имеет определенную научную и практическую ценность в решении проблемы повышения качественного уровня кадрового состава аграрного сектора.

Объект и методы исследования. Региональные особенности изменения социально-профессиональной структуры работников сельского хозяйства Дагестана на основе модернизации материально-технологической базы. Соответственно, немаловажным является и учет бюджета работников сельского хозяйства.

Расширение доступа к партийным, государственным архивам в общественной науке привело к новому подходу в освещении недавнего исторического прошлого.

Историки Дагестана также приступили к изучению вопроса социально-экономического развития дагестанского села на основе более широкого круга литературы и источников. Характер и тенденции развития социально-профессиональной структуры крестьянства Дагестана, улучшение его материального положения рассмотрены во втором томе «Истории советского крестьянства Дагестана»² Г.А. Искендеровым, Талибовой Д.Б. [3], А.И. Османовым [4], А.И. Османовым, Г.А. Искендеровым [5] и другими.

Данная статья основана на материалах Центрального архива Республики Дагестан (ЦГА РД), в частности статистических материалах фонда р-22 Статистического управления ДАССР, которые позволили нам показать появление новых профессий в аграрном секторе под влиянием механизации и электрификации сельскохозяйственного производства. В них также представлены отдельные данные о численности рабочих и заработной плате по отраслям производства, включая сельскохозяйственный сектор.

Сравнительно-исторический метод позволил осмыслить причины, особенности и результаты изучаемых процессов. Широко использовался статистический метод исследования, показавший обусловленность количественных и качественных аспектов в изменении социально-профессиональной структуры работников аграрного производства и в росте их доходов. Анализ фактических и статистических данных показал, что рассматриваемая проблема не была предметом специального изучения региональных исследователей.

Основная часть. В 1970-е годы на долю сельскохозяйственной продукции и товаров, произведенных из сельскохозяйственного сырья, приходилось более 70% розничной продажи государственной

¹ Коммерсантъ. 2024. 7 марта (№ 41). С. 2.

² История советского крестьянства Дагестана. 1917–1980 г.: в 2-х т. Т. 2. 1941–1980 гг. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988.

и кооперативной торговли, а на долю сельского хозяйства – около трети национального дохода и более 30% доходной части советского государственного бюджета³.

В Дагестане, традиционно аграрной республике, роль работников сельского хозяйства в развитии экономики региона всегда была значительной.

В конце 1960-х годов произошел пересмотр доли использования национального дохода, используемой в пользу сельского хозяйства. Это обстоятельство способствовало совершенствованию экономических отношений между государством и сельскохозяйственными предприятиями. Все это неизбежно привело к тому, что руководители и специалисты сельскохозяйственных предприятий стали вести хозяйство на более высоком уровне и непосредственно организовывали и направляли производственный процесс.

Массовое внедрение различных марок новой техники, распространение механизации и электрификации производства, новые технологии и автоматизированные линии на перерабатывающих предприя-

тиях, создание механизированных мясо-молочных комплексов, индустриализация рабочей силы в сельскохозяйственных предприятиях – все это было характерно для 60–80-х годов.

Как следствие, сельскохозяйственное производство усложнялось и хозяйствам постоянно требовались грамотные руководители и опытные специалисты.

В целом, к началу 70-х годов в государственных сельскохозяйственных предприятиях Дагестана сформировался грамотный управленческий аппарат, и проблема укомплектования совхозов руководящими кадрами – директорами предприятий, начальниками отделов, главными агрономами, главными зоотехниками, главными техниками, главными ветеринарами и даже специалистами – агрономами, зоотехниками и ветеринарами, – практически решена.

О том, как изменился состав различных категорий руководителей и специалистов совхозов к началу 1970-х годов, наглядно свидетельствуют следующие данные (табл. 1).

Таблица 1. Состав руководящих кадров и специалистов совхозов Дагестана, имеющих высшее и среднее специальное образование (в %)⁴

Table 1. Management personnel and specialists of state farms in Dagestan with higher and secondary specialized education (in %)⁴

Должность	1970	1972
Директора совхозов	96,7	98,8
Управляющие отделениями (фермами)	65,7	73,1
Главные агрономы	97,3	98,9
Главные зоотехники	94,3	96,2
Главные инженеры	85,2	87,1
Главные ветврачи	98,3	97,9
Агрономы	95,8	94,5
Зоотехники	85,1	94,0
Ветврачи, ветфельдшеры, веттехники	84,2	90,7
Инженеры, техники-механики	56,2	60,8
Зав. ремонтными мастерскими	56,8	52,9
Бригадиры строительных бригад	46,4	66,5
Бригадиры производственных бригад	38,5	46,3
Экономисты, нормировщики	89,4	92,0
Инженеры по труду и зарплате	54,5	61,4

³ Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1975 гг. // Материалы конференции (19–21 нояб. 1973 г.). / отв. ред. Ким М.П. М.: Наука. 1975. С. 5.

⁴ Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: юбил. стат. сб. Махачкала: Даг. книж. изд-во, 1972. С. 120; Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет: стат. сб. Махачкала: Даг. книж. изд-во, 1987. С. 148.

Данные показывают, что в совхозах увеличилось количество директоров, главных специалистов, техников, инженеров-механиков и работников бухгалтерии с высшим и средним техническим образованием. Это объясняется тем, что с конца 60-х годов совхозы перешли на хозяйственный расчет, что вызвало необходимость быстрого увеличения штата бухгалтеров. Расширение материально-технической базы, обновление машинно-тракторного парка и внедрение современных достижений науки и техники в производство и обработку земли в совхозах потребовали увеличения численности техников и инженеров-механиков.

Изучение структурных изменений в среде, окружающей работников государственных сельскохозяйственных предприятий в исследуемые годы, выявляет сложное и многообразное влияние технического прогресса не только на уровень сельскохозяйственного производства, но и на внутренние процессы его развития.

Один из ключевых показателей развития этих процессов – структурные изменения в составе работников сельскохозяйственных предприятий – проиллюстрировал

глубокие и всесторонние связи между различными социальными группами. Благодаря этим связям и взаимодействию всех структурных категорий весь коллектив стал работать как единая система. В процессе трудовой деятельности происходит взаимообмен и усвоение качеств каждой социальной общности, формирование приемлемых для всех качеств и свойств.

В 1979 г. в сельском хозяйстве республики работали 584 инженера, 747 экономистов с высшим образованием, 1812 техников, 2085 плановиков и статистов со средним специальным образованием. Для колхозов и совхозов также были подготовлены 61 мастер-наладчик, 297 слесарей по ремонту, 46 механизаторов по обслуживанию животноводческих ферм, 115 мастеров машинного доения, а также 1417 человек прочих рабочих специальностей⁵. Это означало увеличение удельного веса социальной прослойки промышленного вида труда внутри крестьянства. А часть сельского населения, в том числе крестьянства с образованием, которая работала в сфере культуры, образования, медицинского обслуживания, перешла в разряд интеллигенции (табл. 2).

Таблица 2. Распределение рабочих и служащих Дагестана по основным отраслям народного хозяйства (тыс. чел.)

Table 2. Distribution of workers and employees of Dagestan by main sectors of the national economy (thousand people)

	1970	1980
Всего рабочих и служащих	381,0	528,4
Промышленность	85,8	115,4
Сельское хозяйство	92,6	130,0
В том числе:		
Совхозы	82,9	120,0
Лесное хозяйство	1,4	1,4

Данные показывают, что в совхозах увеличилось количество директоров, главных специалистов, техников, инженеров-механиков и работников бухгалтерии с высшим и средним техническим образованием. Это объясняется тем, что с конца 60-х годов совхозы перешли на хозяйственный расчет, что вызвало необходимость

быстрого увеличения штата бухгалтеров. Расширение материально-технической базы, обновление машинно-тракторного

⁵ Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Махачкала, 1972. С. 112; Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет. Махачкала, 1987. С. 117.

парка и внедрение современных достижений науки и техники в производство и обработку земли в совхозах потребовали увеличения численности техников и инженеров-механиков.

Основные тенденции в развитии социальной структуры Дагестана были такими, что к 1980 году сельскохозяйственные рабочие составляли большинство занятого населения. В социально-классовой структуре они занимают ведущее место (табл. 2).

Эта особенность отличала социально-классовую структуру населения Дагестана от остальной части Российской Федерации.

В 1979 году в сельском хозяйстве республики было занято 584 инженера с выс-

шим образованием, 747 экономистов, 1812 технических специалистов со средним специальным образованием и 2085 плановиков и статистиков. В колхозах и совхозах были подготовлены 61 техник-регуляторщик, 297 техников-ремонтников, 46 техников по обслуживанию животноводческих ферм, 115 техников-механизаторов по доению и 1417 других специалистов. Это означало увеличение удельного веса социального слоя индустриального труда среди крестьянства. Часть сельского населения, в том числе образованные крестьяне, работали в сфере культуры, образования и здравоохранения и попадали в категорию интеллигенции (табл. 3).

Таблица 3. Распределение сельского населения Дагестана по общественным группам в % к общей численности населения*

Table 3. Distribution of the rural population of Dagestan by social groups as a % of the total population*

	1970 г.	1979 г.
Рабочие	43,4	55,0
Служащие	15,3	16,4
Колхозники	40,8	28,4

Таким образом, доля коллективного крестьянства в сельском населении сократилась, а доля рабочих и служащих возросла. К рассматриваемому времени произошло дальнейшее сближение рабочего класса и крестьянства в отношении средств производства и, соответственно, производственных отношений.

Сельскохозяйственные рабочие превосходили по численности все другие социальные группы населения республики и оказывали определенное влияние на все сферы социально-экономической жизни села, на масштабы, характер и глубину общественных процессов.

Усиление дифференциации сельскохозяйственного производства и расширение общественного разделения труда оказали существенное влияние на углубление

специализации, изменение характера и вида производственной деятельности и в целом на расширение профессионально-квалификационной структуры работников сельскохозяйственных предприятий.

В связи с этим в контексте проблем социального развития аграрного отряда рабочего класса особое значение придавалось изменению содержания труда работников, повышению его привлекательности и творческого характера, ликвидации тяжелого малоквалифицированного физического труда.

Под влиянием научно-технического прогресса в социально-профессиональной структуре работников государственных сельскохозяйственных предприятий наметились две взаимосвязанные тенденции развития.

* Таблица составлена по материалам Всесоюзных переписей населения 1970, 1979.

Первая – количественная тенденция изменения и роста социально-профессиональной группы работников: если в 1970 году численность трактористов-машинистов, трактористов-комбайнеров и шоферов в государственных сельскохозяйственных предприятиях республики составляла 6,8 тысячи человек, то в 1980 году – 14,3 тысячи⁶. Статистические данные выявляют устойчивую постепенную тенденцию: численность работников, занятых механизированным трудом, увеличивается, а численность рабочих, занятых неквалифицированным трудом, сокращается.

Вторая качественная составляющая показывает изменения в социально-профессиональных группах рабочих по квалификации, профессиональным навыкам, образовательной и культурно-технической подготовке. Под влиянием научно-технического прогресса в сельском хозяйстве динамично развивались социально-профессиональные группы механизаторов, животноводов, специалистов и рабочих.

В 1970-е годы в связи с развитием аграрно-промышленной интеграции среди рабочих государственных сельскохозяйственных предприятий появилась новая социально-профессиональная группа. Это была группа работников совхозов-заводов, занятых на перерабатывающих предприятиях. В Дагестане, например, быстрый рост числа агропромышленных предприятий, таких как совхозов-заводов, привел к заметному увеличению численности работников этой группы. Например, в 1980 году в состав «Дагвино» входило 20 совхозов; только за десятилетие 1970–1980 годов численность совхозных рабочих в этом объединении выросла с 12,6 тыс. до 31,1 тыс. человек⁷.

Работники этого государственного сельскохозяйственного предприятия отличались

квалифицированным характером и содержанием труда, а также более высоким статусом в системе сельскохозяйственного производства.

Исходя из опыта деятельности таких государственных хозяйств, как производственно-совхозные объединения «Дагвино», «Дагконсервпром», «Дагплодоовощхоз», птицефабрики НТО «Дагпропром» и треста «Птицепром», можно делать вывод, что изменения в профессиональной структуре сельскохозяйственного населения происходили в направлении увеличения перечня разнообразных профессий и специальностей. В конце 1970-х годов в крупном комплексном сельскохозяйственном производстве было занято около 120 профессий и специальностей⁸. В государственных сельскохозяйственных предприятиях Дагестана насчитывалось около 80 профессий, в той или иной степени связанных с использованием машин, механизмов, электроэнергии и других технических средств производства.

Только механизаторские кадры были представлены следующими группами: трактористы, комбайнеры, мотористы, слесари, токари, монтажники, электрогазосварщики, специалисты по обслуживанию, ремонту и технологии автотракторной техники, электростанций и сетей, материально-технических баз.

Более высокая квалификация требовалась и в таких направлениях, как молочное животноводство, выращивание телят, разведение птицы, пастушество, виноградарство, садоводство. С развитием науки и техники труд становился все более сложным и требовал более глубоких знаний.

Увеличение числа работников, занятых механизированным трудом, отражало

⁶ Дагестан к 70-летию Великого Октября: стат. сб. Махачкала: Даг. книж. изд-во, 1987. С. 179.

⁷ Госкомстат РД. Материалы отдела сельского хозяйства за 1980 г. // Ф. р-22. Оп. 61. Д. 1096.

⁸ Ленинский кооперативный план и современная деревня: материалы XVII сессии Симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1980. 223 с.

тенденцию к индустриализации сельского хозяйства и его переходу на промышленную основу. Внедрение машин и механизмов способствовало увеличению численности промышленных рабочих, но в то же время существенно изменило характер и содержание труда рабочих традиционных профессий в сельскохозяйственном производстве.

В то же время недостаточный уровень механизации производства определял низкие темпы социально-экономического развития совхозов республики. Механизация различных видов работ в растениеводстве и животноводстве происходила медленно. Это, в свою очередь, замедляло дальнейшее вытеснение неквалифицированного ручного труда в совхозах.

В результате механизации и электрификации сельскохозяйственного производства исчезли или изменились ранее существовавшие сельскохозяйственные профессии, появились новые. В животноводстве это были операторы внутрихозяйственного оборудования и транспорта, электрического доильного оборудования, автоматов для поения и другой техники, а также животноводы, работающие на конвейерах и транспортерах.

В конце 1970-х годов на фермах страны появились и мастера механического доения: в 1975 году в 102 совхозах разных систем насчитывалось 2194 доярки, из них 1536 работали на фермах с ручным доением, 539 – на механизированных фермах с раздельным процессом и 119 – на фермах с машинным доением⁹.

Фермеры на комплексно-механизированных фермах должны были обладать знаниями в области зоотехнии, освоить несколько смежных профессий и совмещать их с производственной деятельностью. На комплексно-механизированных животноводческих фермах Дагестана, где производство перешло на индустриальную основу, а совмещение профессий

стало более распространенным, производительность труда выросла в два раза: на 100 дойных коров приходилось шесть человек вместо прежних¹⁰.

С другой стороны, материальное благосостояние сельских работников в исследуемый период напрямую определялось уровнем оплаты труда, размером общественных фондов потребления на одного работника и доходами от личных подсобных хозяйств. Основной целью государственной социальной политики был рост благосостояния, улучшение условий труда и быта населения, преодоление значительных диспропорций между умственным и физическим трудом, между городом и селом; по сравнению с 1970 годом планировалось увеличение денежных доходов на 22 млрд руб. В 1971–1975 гг. планировалось повысить темпы роста производства средств потребления на 48,6%, средств производства – на 46,3%; в 1975 г. планировалось произвести почти в два раза больше товаров, чем в 1970 г. [4, с. 569].

Основным источником доходов населения оставалась заработная плата. По мере развития экономики страны заработная плата имела тенденцию к росту. Продолжался поиск наиболее приемлемой формы оплаты труда в сельском хозяйстве. Особое значение имело применение аккордно-премиальной формы оплаты труда. Положительным моментом этой системы было то, что размер оплаты напрямую зависел от объема производства.

Как правило, коллективы работников при новой системе оплаты труда образовывали постоянные бригады, отряды и звенья. В целом они благотворно влияли на трудовую активность и производительность труда: в среднем за 1975–1980 гг. урожайность овощей в этих звеньях составила 474 ц с гектара; среднемесячный доход членов звена Г. Усачева в эти годы

⁹ ЦГА РД. Ф. 22-р. Оп. 38. Д. 1450. Л. 2.

¹⁰ ЦГА РД. Ф. 22-р. Оп. 38. Д. 1451. Л. 17

составил 290 рублей, что для всего совхоза в 2,5 раза больше, чем у овощеводов [5, с. 280–281].

Одновременно принимались меры по стимулированию роста доходов колхозного крестьянства: если реальные доходы рабочих и служащих (в расчете на одного занятого) в 1979 году выросли в 3,9 раза по сравнению с довоенным периодом, то доходы колхозников – в 6,7 раза¹¹.

16 мая 1966 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О повышении материальной заинтересованности колхозного крестьянства в развитии общественного производства», в котором рекомендовалось с 1 июля 1966 года ввести во всех колхозах гарантированную денежную (не реже одного раза в месяц) и натуральную (после получения продукции) оплату за труд. К концу 1969 года более 95% колхозов страны перешли на гарантированную оплату труда [3, с. 280].

В Дагестане переход на гарантированную оплату труда был практически завершен в 1968 году. Рост доходов колхозов, финансовая помощь государства и повышение трудовой активности колхозников способствовали увеличению оплаты труда и сближению уровней оплаты труда колхозников и рабочих совхозов.

К сожалению, комплексное бюджетное обследование национального дохода в республике за рассматриваемый период не проводилось. Имеются лишь отрывочные данные из актов выборочного обследования доходов колхозников и отчетов статистического управления ДАССР о численности рабочих и заработной плате по отраслям народного хозяйства. Это затрудняет сравнительный анализ доходов различных групп сельского населения в изучаемый период.

Например, из отчета о численности и заработной плате по отраслям народного

хозяйства за март 1981 года следует, что среднесписочная численность работников в совхозах составляла 118 719 человек, а средняя заработная плата – 105 рублей. В межхозяйственных сельскохозяйственных предприятиях численность работников составляла 470 человек, а средняя заработная плата – 140 рублей. В ветеринарных учреждениях и в эксплуатационных организациях мелиоративной системы работало 6824 человека, среднемесячная заработная плата составляла 135 руб.¹²

В то же время, согласно сводному отчету статистического управления ДАССР о расчетах с колхозниками по оплате труда на 1 января 1977 года, колхозов было всего 301, колхозникам было выплачено 296 тысяч руб. (доплаты всех видов), из них 56 417 тысяч руб. – деньгами. В то же время разница в оплате труда в индивидуальных хозяйствах была обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, она зависела от рентабельности хозяйств (передовые, средние и слабые). Во-вторых, в Дагестане размеры хозяйств несколько различались в зависимости от природно-экономических зон – равнины, предгорья и гор. Например, в 1976/1977 гг. дневной заработок на душу населения в равнинном Хасабултовском районе составлял от 2 до 3 рублей, а в горном Хунзавском районе – 4 руб. в 1976 г. и 2 руб. в 1977 г. соответственно¹³.

Хотя и фрагментарно, но сведения о доходах колхозников содержатся в данных (абсолютных величинах) единовременного выборочного обследования доходов рабочих, служащих и колхозников в Дагестане в сентябре 1978 года. Так, число семей колхозников составило 700. Из них 358 семей имели доход до 35 рублей, и ни одна семья не имела дохода более 175 рублей¹⁴.

Личные подсобные хозяйства приобретают все большее значение как в общем

¹¹ История советского крестьянства Дагестана. 1917–1980 гг.: в 2-х т. Т. 2. 1941–1980 гг. Махачкала, 1988. С. 359.

¹² ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 22. Д. 461. Л. 13.

¹³ ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 61. Д. 113. Л. 3.

¹⁴ ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 61. Д. 113. Л. 54, 55

объеме производства сельскохозяйственной продукции, так и в качестве источника доходов населения. В 1970–1976 гг. их доля в общем объеме производства Дагестана составляла 31,2% [4, с. 570]. Наибольший удельный вес в производстве животноводческой продукции, картофеля, овощей и многих других продуктов имели подсобные хозяйства. Несмотря на наличие крупных птицефабрик, личные подсобные хозяйства в республике показывали хорошие результаты в этой отрасли, благодаря интенсификации труда. Если всеми категориями хозяйств было произведено 138,5 млн штук яиц, то из них 53,4 млн штук – частными хозяйствами [1, с. 142].

Введенные в 1965 году такие государственные меры, как выплата пенсий колхозникам и последующее социальное страхование, были направлены на повышение уровня жизни колхозников. В марте 1975 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, а затем постановление Совнаркома СССР «О внесении изменений в положение о порядке назначения и выплаты пенсий членам колхозов».

По состоянию на 1 января 1971 года численность колхозных пенсионеров в Дагестане составляла 84 917 человек, из них 60 056 женщин¹⁵. В то же время в 1975 году государственные пенсии по линии Министерства сельского хозяйства получали 17 000 совхозных рабочих и бывших рабочих. Размер суммы пенсий в Дагестане в 1979 г. увеличился до 131 000 000 рублей, что в 783 раза было больше, чем в 1937 г. [1, с. 138].

С января 1980 г. минимальный размер пенсии для колхозных крестьян был увеличен на 40 %. Эти постановления коснулись и колхозных крестьян Дагестана. Средний размер пенсии составлял 39,6 рубля¹⁶. А к 1981 году средняя пен-

сия составила около 52 рублей в месяц [4, с. 570].

В исследуемый период также наблюдаются существенные изменения в распределении общественных фондов потребления, которые играли важную роль в выравнивании материальных, культурных и бытовых условий горожан и селян. Общественные фонды потребления составляли определенный процент национального дохода и предоставлялись государством, колхозами и органами государственной власти бесплатно или на льготных условиях для удовлетворения социальных, культурных и бытовых потребностей населения. Доля общественных фондов потребления в реальном национальном доходе составляла 26,8% в 1970 году и 30,2% в 1978 году [6, с. 170].

Почти половина общественных фондов потребления направлялась на удовлетворение потребностей членов общества, из них около 1/4 – на повышение уровня общего образования, 2/5 – на материальную поддержку инвалидов и 12% – на оплату трудовых отпусков [6, с. 170]. В начале 1970-х годов общественные фонды потребления стали более равномерно распределяться между городскими и сельскими жителями. Для этого предусматривалось расширение бесплатных услуг и увеличение денежных выплат сельским жителям. В результате в Дагестане общественные фонды потребления в колхозах и подшефные отчисления в ЦСУ по колхозам выросли с 29,7 руб. в 1970 г. до 38,4 руб. в 1975 г. *

Выплаты и льготы из общественного фонда потребления значительно повысили реальные доходы работников совхозов: Например, в 1975 году рабочие и служащие совхозов республики получали из

* Текущий архив Республиканского комитета работников АПК. Информация об итогах выполнения Постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС от 27 марта 1970 г. «О мерах по осуществлению социального страхования членов колхозов». Л. 2.

¹⁵ ЦГА РД. р-14. Оп. 16. Д. 40. Л. 5.

¹⁶ ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 68. Д. 189. Л. 6.

общественного фонда в среднем около 50 рублей в месяц, а в целом по стране этот показатель для рабочих и служащих всех отраслей народного хозяйства составлял в среднем 52 руб. [5, с. 145–146].

Заключение. Это означает, что: а) исчезли профессии тяжелого ручного труда; б) многие профессии ручного труда наполнились и видоизменились новым содержанием; в) увеличилось число профессий, связанных с техникой и промышленной технологией; г) появились новые профессии промышленного труда; д) возросла интеллектуализация многих профессий в сельском хозяйстве, особенно административных работников, механизаторов и других.

Однако уровень квалификации колхозников все еще значительно отставал от уровня квалификации промышленных рабочих. Много еще предстояло сделать

для решения проблемы формирования грамотных кадров в сельском хозяйстве. Быстрые темпы технического прогресса и последовательная интенсификация сельскохозяйственного производства увеличивали потребность колхозов в квалифицированных кадрах.

В то же время повышение уровня квалификации работников сельского хозяйства способствовало повышению их жизненного уровня. Основным источником роста доходов, а значит, и материального благосостояния сельскохозяйственных работников была оплата их труда. В то же время заработная плата колхозных крестьян, рабочих и служащих сближалась с заработной платой промышленного и производственного персонала. Другим источником дохода были общественные фонды потребления и частные субсидии на сельское хозяйство.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиева З.Н. Южный Дагестан. 1960–1970-е гг. Экономическое и социально-культурное развитие сельских районов. Махачкала, 2023. 192 с.
2. Искендеров Г.А. Изменение социально-культурных и бытовых условий тружеников дагестанского села в 60-х – нач. 80-х годов // Социально-культурное строительство в дагестанском селе (1920–1980): сборник статей. Махачкала, 1989. С. 139-150.
3. Искендеров Г.А., Талибова Д.Б. Социально-экономическое развитие дагестанского села. (1950–1985 гг.). Махачкала, 2007. 320 с.
4. Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития: в 2-х кн. Кн. 2. Общественно-политическая жизнь и социо-культурное развитие народов Дагестана. Махачкала, 2007. 622 с.
5. Османов А.И., Искендеров Г.А. Дагестанское село: экономика, культура, социальная инфраструктура. (70–80-е годы XX века). Махачкала, 1997. 255 с.
6. Саркисян Г.С. Уровень, темпы и пропорции роста реальных доходов. М., 1978. 215 с.

REFERENCES

1. Gadzhieva Z.N. Southern Dagestan. 1960–1970s. Economic and socio-cultural development of rural areas. Makhachkala, 2023. 192 p. (In Russ.)
2. Iskenderov G.A. Changes of socio-cultural and living conditions of Dagestan village toilers in 1960s – early 1980s / Socio-cultural construction in Dagestan village (1920–1980). Collection of articles. Makhachkala, 1989. P. 139-150. (In Russ.)

3. Iskenderov G.A., Talibova D.B. Socio-economic development of the Dagestan village (1950–1985). Makhachkala, 2007. 320 p. (In Russ.)

4. Osmanov A.I. Dagestan in the XX century: historical experience of regional development. In two books. Socio-political life and socio-cultural development of the peoples of Dagestan. Book two. Makhachkala, 2007. 622 p. (In Russ.)

5. Osmanov A.I., Iskenderov G.A. Dagestan village: economy, culture, social infrastructure. (70–80 years of XX century). Makhachkala, 1997. 255 p. (In Russ.)

6. Sarkisyan G.S. Level, rates and proportions of real income growth. M., 1978. 215 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Мадина Магомедовна Амирханова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории Дагестана. Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, Российская Федерация, e-mail: madinat63@mail.ru

Madina M. Amirkhanova, PhD (Hist.), Senior researcher, Department of New and Modern History of Dagestan, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, the Russian Federation, e-mail: madinat63@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 02.08.2024

Received 02.08.2024

Поступила после рецензирования 29.09.2024

Revised 29.09.2024

Принята к публикации 01.10.2024

Accepted 01.10.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-25-38>
УДК [634.13:631.53.04](470.6)

Исторические аспекты возделывания груши на Кавказе

И.А. Бандурко, З.Ш. Дагужиева✉

*Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
✉ zaradaguzhiy@mail.ru*

Аннотация. Актуальность. Кавказ является одним из наиболее богатых мировых центров происхождения: здесь произрастает более 260 видов 37 родов дикорастущих плодовых и ягодных растений. Такое разнообразие послужило основой для широкого развития садоводства. В научной литературе отмечается, что культура садоводства в этом регионе насчитывает свыше 3000 лет. Обилие видов и форм груши способствовало созданию оригинального местного сортамента этой ценной культуры, отличающегося своеобразием в различных экологических условиях. Многие местные сорта груши имеют не только хозяйственную и научную ценность, но и являются историческим достоянием нашей страны.

Проблема данного исследования заключается в том, что многие сорта груши Кавказа в настоящее время малоизвестны, сохраняются в коллекциях научных учреждений и в любительском садоводстве.

Целью является исследование процесса возникновения местных сортов груши и развития садоводства на Кавказе.

Методы исследования: общенаучные (анализ, сравнение, обобщение, синтез), источниковедческий и историко-сравнительный.

Результаты исследования: рассмотрены исторические аспекты создания сортамента груши в различных регионах Кавказа, обоснована важность сохранения генофонда местных сортов груши для практического использования и в качестве объекта для научно-исследовательской деятельности студентов и проведения воспитательной работы.

Ключевые выводы: обращение к историческому опыту создания и развития садов будет способствовать пополнению данных о региональной истории возделывания груши и использованию их в работе по выявлению, сохранению и использованию старых черкесских сортов.

Ключевые слова: Кавказ, груша, дикорастущие плодовые, грушевые леса, садоводство, сорта груши, экспедиционное обследование, черкесские сады, народная селекция

Благодарности: Материалы печатаются в рамках мероприятия, проводимого при финансовой поддержке Майкопского государственного технологического университета, регистрационный номер научного проекта: НП 8-2024.

© Бандурко И.А., Дагужиева З.Ш., 2024

Для цитирования: Бандурко И.А., Дагужиева З.Ш. Исторические аспекты возделывания груши на Кавказе. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):25-38. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-25-38>

Historical aspects of pear cultivation in the Caucasus

I.A. Bandurko, Z.Sh. Daguzhieva✉

Maykop State Technological University, Maikop, the Russian Federation

✉ zaradaguzhiy@mail.ru

Abstract. The relevance. The Caucasus is one of the richest world centers of origin: more than 260 species of 37 genera of wild fruit and berry plants grow here. Such diversity has served as the basis for the widespread development of horticulture. In the scientific literature it is noted that horticulture in this region is over 3000 years old. The abundance of species and forms of pear has contributed to the creation of an original local assortment of this valuable crop, distinguished by its originality in various environmental conditions. Many local varieties of pear have not only economic and scientific value, but are also a historical heritage of our country.

The problem of the research is that many varieties of Caucasian pear are currently little known, preserved in the collections of scientific institutions and in amateur gardening.

The goal is to study the process of the emergence of local varieties of pear and the development of horticulture in the Caucasus.

The research methods used are general scientific ones (analysis, comparison, generalization, synthesis), source study and historical-comparative methods.

The results of the research: historical aspects of the creation of a pear assortment in various regions of the Caucasus have been considered, the importance of preserving the gene pool of local pear varieties for practical use and as an object for students' research activities and educational work has been substantiated

Key conclusions: an appeal to the historical experience of creating and developing gardens will help to replenish data on the regional history of pear cultivation and use them in the work to identify, preserve and use old Circassian varieties.

Keywords: the Caucasus, pear, wild fruit, pear forests, gardening, pear varieties, expeditionary survey, Circassian gardens, folk selection

Acknowledgements. The materials are published as part of an event held with the financial support of Maikop State Technological University, scientific project registration number: NP 8-2024.

For citation: Bandurko I.A., Daguzhieva Z.Sh. Historical aspects of pear cultivation in the Caucasus. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(4):25-38. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-25-38>

Введение. Груша – самая распространенная после яблони плодовая семечковая культура. Нужно быть специалистом-языковедом, чтобы знать весьма многочисленные названия груш. Самые древние названия встречаются у греков, римлян, басков, иберов, кельтов, у народов, обитавших по побережьям Чёрного и Каспийского морей, в Китае. Позднейшие названия являются

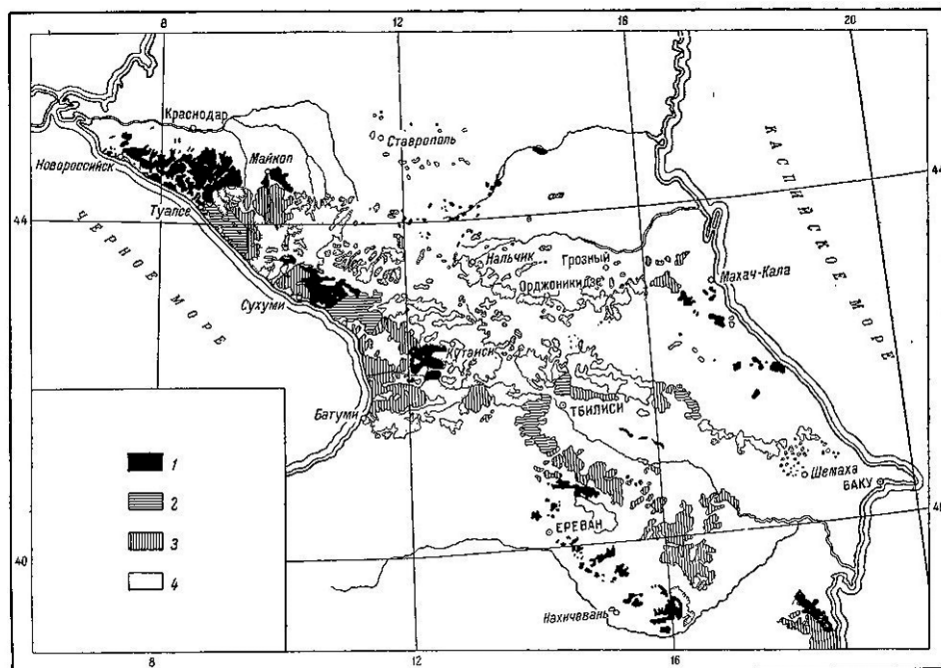
большой частью позаимствованными или производными первых. В научных описаниях и в производстве народных названий груши в западно-европейских языках широкое применение получили греческие и особенно латинское названия: греческое – «ахрас», «апиос»; латинское – «пирус» [14].

В некоторых местностях (в Крыму, на Северном Кавказе, Украине, в Повол-

жье) дикая груша имеет народное название – дичка, плоды ее называют просто грушами, а привитые груши с крупными плодами – дулями, с более мелкими – поддульками.

Развитие садоводства было вполне естественным для богатого многими дикорастущими растениями Кавказского

региона. На заре письменной истории ученые, посетившие регионы Кавказа не обходились без того, чтобы не сделать упоминания о значительной распространенности и некоторых видов хозяйственного использования дикорастущих плодовых деревьев (рис. 1).

1 — области с преобладанием плодовых деревьев и кустарников; 2 — области, весьма богатые плодовыми деревьями и кустарниками; 3 — области, богатые плодовыми деревьями и кустарниками; 4 — области, сравнительно бедные плодовыми деревьями и кустарниками.

Рис. 1. Карта распространения дикорастущих плодовых растений на Кавказе (По: Н.И. Вавилову, 1931. Сост. Н.П. Кобранов)

Fig. 1. Map of the distribution of wild fruit plants in the Caucasus (according to N.I. Vavilov, 1931. Comp. by N.P. Kobranov)

Русские путешественники и ученые-естествоиспытатели, побывавшие на Кавказе, в своих путевых заметках и в печатных трудах указывали на обилие в лесах яблонь, груш, каштанов и других плодовых и орехоплодных пород. Об этом неоднократно упоминает Н.А. Тхагушев [20]. Так, например, Платон Зубов, побывавший на Кавказе в 1835 году, писал: «Из деревьев, в Ширванских лесах растущих, весьма обыкновенны... дикая иволжистая груша». М.И. Венюков в 1863 году, изучая

районы пространства между Кубанью и Белой, писал: «...Особенно великолепна древесная флора на черных горах и к югу от них, в углубленных продольных долинах. Тут встречаются... прекрасные груши и яблони, составляющие почти сплошные леса». М. Уварова, путешествуя по Черноморскому побережью Кавказа, в 1886 г. писала: «...дикие груши, алычовое дерево и все это обросло целыми гнездами омелы, сок которой употребляется как целебное средство против укушения скор-

пиона». Н.И. Кузнецов в 1889 г. указывал на обширные грушевые леса Кубанских гор, являющиеся источником дохода для местного населения. П. Альбов, Н.Я. Динник, И.Я. Акинфиев и другие упоминали о значительной распространенности дикорастущих плодов деревьев по северным склонам Кавказского хребта.

Г.А. Рубцов [14] писал о том, что «закавказские формы *Pyrus communis* L. более близки к реликтовым видам *P. boissieriana*, *P. longipes*. Вместе с тем он считал, что груша уссурийская *P. ussuriensis* Max. является более древним видом, чем груша обыкновенная *P. communis* L.

Значительная распространенность дикорастущих плодовых на Кавказе, а также большое разнообразие форм пробуждали у естествоиспытателей интерес к определению их систематической принадлежности. Одним из первых, кто непосредственно занимался вопросом систематики яблонь и груш на Северном Кавказе, был П.С. Паллас.

П.С. Паллас, совместно с Зуевым, Соколовым, Быковым и другими исследователями, более 40 лет (1767–1810 г.) изучали флору России. В 1776 году на Северном Кавказе, вблизи станицы Червленной Грозненской области, П.С. Паллас описал иволлистную грушу *P. salicifolia* Pall., а позднее, в 1784 г., в районе горы Бештау, яблоню раннюю *M. praecox* Pall. За дикой грушей, широко распространенной на Кавказе, около двухсот лет сохранялось название, данное Линнеем в 1753 году [17].

Объекты и методы исследования.

В ходе подготовки данной статьи были изучены архивные документы, текстовые литературные источники, научные публикации, материалы официальных сайтов и периодической печати. Хронологические рамки статьи охватывают основные этапы возникновения первых садов и определены периодом 6 тыс. лет назад – настоящее время. Объект исследования – груша как составной элемент промышленных насаждений.

Методами исследования при проведении ретроспективного анализа развития садоводства на Кавказе, а также возникновения «черкесских садов» на Северном Кавказе, стали общенаучные методы исследования (анализ, сравнение, обобщение, синтез), источниковедческий и историко-сравнительный.

Результаты и обсуждения. Если рассуждать о Северном Кавказе, который включает северную часть и западную часть южного склона Большого Кавказского хребта до реки Псоу и Предкавказье, первыми садоводами и селекционерами, скорее всего, были древние народы. Также активно садами занимались и греческие колонии Черноморского побережья.

Возраст археологических находок в Армении (3–4 тыс. лет) указывает на то, что во времена существования племен хеттов и урарту сельское хозяйство было уже хорошо развито. В основном на Араратской равнине выращивают грушу, так как она менее холодостойка, чем другие культуры, такие как яблоня. Садоводами Азербайджана уже шесть тысяч лет назад были освоены методы прививки плодовых. Местное население селилось вблизи лесов и использовало дикорастущие плодовые деревья в качестве подвоев, а привоями были местные сорта фруктовых деревьев. В результате на опушках лесов возникали фруктовые сады. Таким образом и в наше время садоводы Куба-Хачмасского и Шеки-Закатальского районов прививают деревья. В результате обследований найдены ещё не описанные в литературных источниках 14 диких форм и более 170 местных разновидностей груши. Согласно мнению А. Раджабли, «...в Азербайджане некогда существовало более 400 сортов груши народной селекции, половина из которых сегодня находятся под угрозой исчезновения». Но, несмотря на это, все еще можно найти неописанные разновидности этой плодовой культуры в лесах и домашних хозяйствах [13].

Большая часть территории Грузии относится к гористой местности. Б.А. Мухигулашвили¹⁷ пишет: «...плодоводы строили террасы для выращивания винограда и плодовых деревьев, а также выводили сорта, приспособленные к горным условиям. Груши выращивались в Грузии в течение многих столетий. Даже сегодня можно найти старые грушевые деревья, которые принадлежат к популярному в прошлом местному сорту Панта мхали».

По мнению Л.В. Хачетловой¹⁸, «...у кабардинцев, населяющих центральную часть Северного Кавказа по рекам Малка, Баксан, Терек, садоводство занимало главное место среди других отраслей сельского хозяйства, как и для балкарцев, населяющих северные склоны центральной части Главного Кавказского хребта».

Первые промышленные насаждения у осетин, населяющих центральную часть Кавказа по обеим сторонам Главного Кавказского хребта, появились с середины XIX века. Первый фруктовый сад был заложен в 1852 году в Алагире. Селение Унал в 15 км от Алагира, где возникли богатые фруктовые сады, превращается в крупнейший садоводческий центр. Самым известным стал сорт груши Алагирская Черная. На юге Осетии первые фруктовые сады были посажены в некоторых поселениях, расположенных на равнинах, в частности в п. Цхинвали. Позже садоводство распространилось и в горы.

Чеченцы, населяющие центральную и восточную части Северного Кавказа, также занимались садоводством с середины XIX века, особенно в районах Урус-Мар-

тан, Шали, Ведено. В садах Ведено было выведено много новых местных сортов. Сады имелись в большинстве хозяйств, причем эти сады, как правило, находились при усадьбе. У немногих хозяев они имелись и за пределами аула. Выращивали там, в основном, грецкие орехи, яблони, груши, сливы, вишни. Наряду с ними в садах росли дикие плодовые деревья. Судя по сообщениям ряда авторов, можно предположить, что в крае были аулы, специализировавшиеся на разведении фруктовых садов. Садоводство в Чечне, писал К.И. Иванов, «прежде (до начала Кавказской войны) процветало, чему, очевидно, доказательством служит множество садов, которыми окружены развалины аулов» [9, с. 426].

По мнению М.А. Гаджиева и др. [5], «...среди многочисленных народностей Дагестана особое значение садоводству уделяли аварцы. Фрукты продавались на специальные консервные заводы кустарного типа (в Карадахе, Гочатле, Тлохе, Гимрахе). Часть фруктов сбывали в город, меняли на хлеб, заготавливали впрок. Славились садами Ботлихский, Унцукульский, Гергебильский районы. Из местных сортов груш использовалась как лечебно-диетическая Баараб гени с розовой мякотью, на сухофрукты – Чакар гени, Магуур гени, для мочения – Чадир гени, Аминтазил гени, для длительного хранения – Гимринская, Азде бараш, Мундерил гени».

Местные сорта Дагестана, Западного Азербайджана, Восточной Грузии по всем признакам имеют сложное происхождение, независимое от груш европейского происхождения: по-видимому, участие принимали такие виды, как груша кавказская и груша Буасье, произрастающая в Ленкоранской низменности и Гирканских лесах. Местными сортами являются: в Грузии – Латанзи, Бжо, Дыдвана, Самариобо; в Азербайджане – Кура-вигир, Бал армуд, Килик баар и др. К востоку от Грозного и далее от Дербента по побережью Каспия, не поднимаясь высоко в горы, располага-

¹⁷ Мухигулашвили Б.А. Хозяйственно-биологические особенности местных и интродуцированных сортов груши в условиях Восточной Грузии : автореф. диссер.... канд. с.-х. наук: 06.01.05/ Мухигулашвили Бадри Арсенович. – Тбилиси, 1990. – 19 с.

¹⁸ Хачетлова, Л.В. Хозяйственно-биологическая оценка сортов груши в предгорной зоне центральной части северного Кавказа: автореф. дисс. ... канд с.-х. наук: 06.01.07/ Хачетлова Людмила Владимировна. – Мичуринск, 1989. – 24 с.

лась груша иволлистная. В южной части Кавказа имеется многочисленная группа груш (до 15 видов), сосредоточенных в большинстве в остаточных лесах Армении и на востоке Грузии [19].

На территории Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного побережья Черноморья располагались адыгские поселения с традиционной культурой земледелия, в том числе садоводства. История садоводства в этом регионе насчитывает более 3 тыс. лет, возможно, принадлежит к старейшим в мире. На местах древних черкесских поселений на Северо-Западном Кавказе и вдоль побережья Черного моря были многочисленные фруктовые плантации, где возделывались местные сорта народной селекции, происходящие от груши кавказской, т. н. «черкесские сады». Выращивалось большое количество сортов яблони, груши, айвы, сливы, черешни, фундука, грецкого ореха и других плодовых. Общая площадь садов занимала не менее 100 тысяч гектаров [20].

Представители первых племен, проникших в леса предгорий Северо-Западного Кавказа, расселялись прежде всего по долинам рек. Близость воды, наличие ровных пространств с плодородными почвами, пригодными для хлебопашества и пастбищ, во многом содействовали этому. В целях создания сельскохозяйственных угодий леса вырубались. Образующаяся поросль также подавлялась рубкой или пасущимися животными. Однако попадавшие в небольшом количестве дикие плодовые деревья сохранялись и оберегались. Более, чем другой какой-либо породе, человек покровительствовал диким плодовым. Люди охотнее селились около них. С этого времени плодовые деревья превратились в постоянных спутников человека. Человек способствовал все большему появлению отдельных деревьев и целых массивов груши с участием яблони и алычи [21].

По всей вероятности, в середине XIX в. заросли диких плодовых пород в ле-

сах Северо-Западного Кавказа встречались реже, чем в настоящее время; это связано с интенсивным использованием полей под пастбища и сенокосные угодья адыгами, что исключало возможность зарастания их плодовыми породами. На расчищенных от леса пространствах оставлялись высокоурожайные грушевые деревья, в определенные моменты они становились источником семенного материала.

Одновременно с увеличением количества плодовых пород происходило изменение и их формового разнообразия. Встречая деревья с более крупными и вкусными плодами, адыги, естественно, предпочитали их другим деревьям; высаживая их около своих жилищ, положили начало их примитивной селекции. Посещая другие страны, они привозили семена и черенки культурных плодовых деревьев. В процессе неизбежного перекрестного опыления между культурными деревьями и дикими происходила гибридизация, возникало множество переходных форм, и формовое разнообразие, как указывает В.В. Пашкевич [12], стало исключительно большим. Основываясь на наличии в кавказских лесах целой гаммы переходов от типичных диких форм к культурным расам, многие исследователи высказывают предположение, что именно на Кавказе, в области исключительно широкого естественного распространения в лесах диких плодовых, находится родина многих культурных сортов груш, яблонь, алычи.

Согласно В.В. Пашкевичу [12], в восточной части Северного Кавказа, более ксерофильной по сравнению с западной частью, дикие плодовые породы приурочены по преимуществу к узким глубоким ущельям рек. При этом П.Н. Богушевский [3] замечает, «что самые низкие места в долинах являются менее пригодными для ...плодовых пород вследствие недостатка освещения. Кроме того, в таких местах при значительном количестве осадков деревья будут сильно развиваться, но качество урожая будет хуже, и усилится подвер-

женность поражению грибками и другими вредителями. Помимо этого, здесь имеется значительный риск от заморозков.

По словам указанных авторов, грушевые древостои представляют собой

полные, стройные насаждения с единичной примесью широколиственных пород; приурочены они к долинам рек или пологим склонам; на крутых склонах, по их мнению, груша встречается редко (рис. 2).

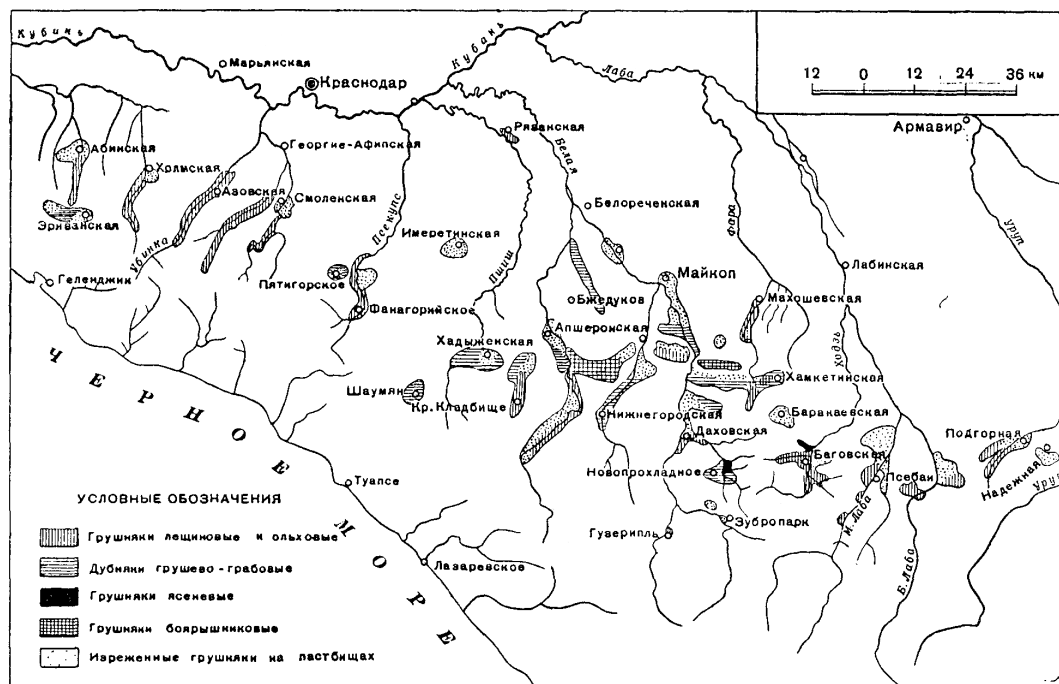

Рис. 2. Схематическая карта распространения грушевых лесов в предгорной части Северо-Западного Кавказа (по: И.Н. Елагин, 1951)

Fig. 2. Schematic map of the distribution of pear forests in the foothills of the northwestern Caucasus (according to I.N. Elagin, 1951)

Кроме закладки приусадебных садов, местное население в больших масштабах прививало черенками культурных сортов плодовых пород дикорастущие деревья на лесных полянах. Так, Н.А. Тхагушев пишет: «...характерные особенности адыгских насаждений в сравнении с современными садами состоят в том, что они росли маленькими рощами посередине или с краю поля или леса, были также сады, расположенные на террасах горных склонов. Остатки этих лесосадов и сейчас встречаются в черноморских и предгорных районах Краснодарского края» [20].

Опираясь на многовековой практический опыт и свои агротехнические приемы и навыки в сложных почвенных и климатических условиях (в горных районах),

адыги сумели создать оригинальную народную систему в области земледелия и мелиорации, включающую, по описанию Н.А. Тхагушева [20], технику корчевки леса, очистки полевых участков от камней, террасирования склонов, устройства водотводных канав и живых изгородей поперек склонов. К элементам этой системы автор относит и адыгское плодоводство.

Повсеместно возделывались многочисленные деревья местных сортов яблони, груши и других плодовых пород, плоды которых население использовало в пищу. Практически в каждом регионе были сорта фруктовых деревьев, наиболее приспособленные к местному климату. Благоприятные природные условия, а также трудолюбие адыгов способствовали тому,

что животноводство, полеводство и садоводство достигли высокого уровня [21].

Начиная с середины 19 века, появилась в печати первая информация, показывающая высокий уровень развития садоводства у адыгов. Оригинальные системы выращивания плодовых деревьев с учетом элементов рельефа, мелиоративные и противозерозионные приемы, высокоурожайные и приспособленные к местным условиям сорта – все это вызывало большой интерес специалистов и широкого круга исследователей.

Спенсер, побывавший в Адыгее в 1837 г., писал: «С первого же момента, когда открылись передо мной черкесские долины, вид страны и населения превзошел самое пылкое мое представление. Вместо пустыни, населённой дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных холмов, почти ни одного клочка земли некультивированного; огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях по колено в траве».

Садоводством занимались и переселенцы из других регионов России. Возделывали они сорта, привезенные ими с родных мест, лучшие отобранные формы дикорастущих плодовых деревьев, сорта иностранной селекции. Старые деревья этих посадок нередко встречаются на местах бывших поселений.

Известный ученый-селекционер И.В. Мичурин высоко оценивал генетический потенциал местных черкесских сортов плодовых культур. Он непосредственно проводил селекционную работу с адыгейскими сортами яблони и фундука. «Об изумительном богатстве так называемых старых черкесских садов, – писал он, – мне известно давно. Дикие заросли плодово-ягодных растений Адыгеи представляют собой ценнейший исходный материал для селекционеров Кавказа» [11].

Значительная работа по изучению плодовых насаждений Черноморского округа была осуществлена проф. КСХИ С.В. Краинским, который проводил исследования

в районе Михайловского перевала и даже использовал гибридизацию с участием сеянцев адыгейских сортов яблони [18].

Н.А. Тхагушевым были проведены фундаментальные исследования черкесских садов и сортов: изучена и описана земледельческая культура, проведено экспедиционное обследование многих районов Краснодарского края и Адыгеи, выявлены места произрастания местных сортов плодовых и орехоплодных культур, приведены в известность и охарактеризованы основные сорта плодовых культур стародавней народной селекции на Западном Кавказе, благодаря чему они стали известны мировой науке. При этом им обращается внимание на ценные качества адыгейских сортов груши: долговечность, мощность, высокую продуктивность деревьев, устойчивость к неблагоприятным условиям; в этом они напоминают исходный вид – грушу кавказскую.

Результаты наших исследований [1, 7, 22] показывают, что и по внешним признакам листьев, цветков, плодов многие местные сорта груши Кавказа имеют большое сходство с дикорастущей грушей кавказской, которая произрастает здесь повсеместно (рис. 3). Большинство адыгейских сортов груши сохраняют биологические свойства типа, хотя отличаются от диких более крупными плодами, более разнообразной их формой; мякоть плодов темнеет при перезревании, что характерно и для дикорастущей груши кавказской [2]. В большинстве случаев деревья очень поздно вступают в плодоношение (на 12–18-й год) и медленно наращивают урожай.

Вопрос о происхождении аборигенных (автохтонных) кавказских сортов груши до сегодняшнего дня является спорным. А.С. Туз [19] отмечает: «...на формирование сортимента груши в Кавказском регионе оказали сорта груши туркменской, а также сорта, завезенные из Средней и Малой Азии, которые вполне могли попасть на Кавказ по торговым путям древнего

Рис. 3. Распространение груши кавказской по территории Кавказа (по: А.А. Гроссгейм, 1952)

Fig. 3. Distribution of the Caucasian pear across the Caucasus (according to A.A. Grossheim, 1952)

мира». По ряду версий, «...местные сорта груши Кавказа и были завезены (интродуцированы) из вышеуказанных территорий. Это также могли быть наиболее ценные формы дикорастущей груши кавказской или естественные гибриды между завезенными сортами и грушей кавказской».

Внести ясность в вопрос происхождения сортов позволяют современные методики анализа ДНК. В частности, использование методов ДНК-маркирования (анализ полиморфизма SSR-локусов) позволило провести изучение генетической взаимосвязи природного генофонда груши кавказской и староадыгских сортов. Полученные данные подтверждают предположение о происхождении адыгейских сортов груши от форм груши кавказской из местных популяций и, соответственно, свидетельствуют в пользу наличия на Северном Кавказе обособленного очага одомашнивания груши [15].

Н.А. Тхагушевым [20] выявлено 13 адыгейских сортов яблони и 9 сортов груши. У яблони это Агуемий, Азиатка, Альмэ, Гошомий, Миешхатам, Мыплэ, Мыцебы, Мычезен, Мычудыги, Бсибажиешхамий, Псебашхамий, Хакошомий, Черкесская из Пшады. Сорта груши – Азиатка, Бжелякоуж, Бжихакуж, Дейлекуж, Кужипоху, Мокоонокоуж, Хутемы, Черкесская мелкоплодная, Шахакуж. Выделены также сорта айвы, сливы, черешни, фундука, грецкого ореха, каштана, винограда.

Названия многих адыгейских сортов отражают их местное происхождение. Например, Мокоонугокуж – в переводе с адыгейского на русский язык означает – «груша поры сенокоса». Бжелякоуж – в переводе с адыгейского на русский язык – «груша из Бжеляко». Бжеляко – название местности (с. Пляхо, Туапсинский район), кууж – «груша».

Часто местные сорта груши носили имя человека, который срезал черенки с грушевых деревьев, произраставших в бывших адыгейских садах, и делал прививки. Таковыми являются Дейлекуж (синоним Ханджалакокуж, что значит «Ханджалава груша»); Бжихакуж (на русском языке – «Зимняя черкесская»), в переводе с адыгейского на русский язык – зимняя груша. Бжих – на шапсугском диалекте означает «зима», куж – «груша». Синоним – Аджерекуж. Можно полагать, что сорт назван по фамилии садовода, который вывел этот сорт.

Многие местные адыгейские сорта груши до настоящего времени мало изучены, названия которых (Талюстанэкуж, Хъужъарыс, Хъамщерэкокуж, Кужкаб, Шахакуж и др.) говорят об их местном происхождении [10].

Анализируя сведения о распространении местных сортов плодовых культур, приведенные Н.А. Тхагушевым [20], мы выявили определенные закономерности. Сорта груши Хутемы, Мокооногокуж, Бжелякокуж произрастают повсеместно в предгорных районах Адыгеи и Краснодарского края, особенно в Лазаревском, Адлерском районах и далее, в Абхазии. Начиная от реки Аше до реки Псоу распространены сорта Дейлекуж, Бжихакуж; а начиная от реки Шахе до реки Псоу – сорт Шахакуж.

При советской власти садоводство было развито во многих хозяйствах предгорной зоны Кавказа. Выращивали сорта современной отечественной и зарубежной селекции.

В 30-е годы 20 века было увлечение окультуриванием дикорастущих плодовых деревьев для создания лесосадов. У этой идеи были горячие сторонники и не менее горячие противники; все же она получила значительное развитие. В лесных массивах перепрививали черенками культурных сортов молодые деревья дикорастущей яблони и груши, удаляя деревья прочих лесных пород. Эта работа велась по всему

Северному Кавказу, в общем планировалось окультурить более 33 тыс. га лесных массивов. Особенно отличились Нефтегорский, Апшеронский, Белореченский лесосадовхозы [3, 16, 18, 20].

Для перепрививки использовали черенки лучших отечественных и зарубежных сортов яблони и груши. В первое время деревья в лесосадах давали хороший урожай, но впоследствии из-за поражения болезнями и вредителями плоды потеряли товарные качества, а сады без ухода заросли лесом. В настоящее время в Адыгее сохранились участки лесосадов в ст. Абадзехской, п. Каменноостском, п. Победа, х. Шунтук, ст. Курджипской (Майкопский район). Однако высказываемое иногда предположение, что большинство из существующих плодовых насаждений есть результат одичания некогда культурных садов, не имеет достаточного основания.

Из всей массы существовавших прежде черкесских садов сейчас можно наблюдать лишь отдельные деревья так называемых «азиатских» груш, которые были облагорожены адыгами. Большинство деревьев полукультурных черкесских сортов груши уже выпало от старости. Но всё же по сравнению с европейскими культурными сортами они отличаются долговечностью и большей силой роста, весьма урожайны и иммунны к многим болезням. По словам местных жителей, в горах сохранились заброшенные и заросшие со времён Кавказской войны старые черкесские сады, однако найти эти насаждения и добраться туда очень сложно. Более реально обнаружить адыгейские сорта непосредственно в поселениях, где они сохраняются местными жителями. Местное население, будучи заинтересовано в обильном сборе плодов, оберегает черкесские груши от повреждений. Но чаще эти груши находятся в совершенно заброшенном состоянии и о их судьбе знают лишь немногие. В таких случаях эти остатки черкесских садов являются центром образования диких плодовых насаждений.

Многие старые плодовые сады по истечении срока эксплуатации были раскорчеваны, и на их месте сейчас по-прежнему выращивают сады, в основном яблони, но уже по интенсивным технологиям. Некоторые участки садов и лесосадов продолжают использоваться предпринимателями и местными жителями.

Такая богатая история садоводства оставила в регионе изобилие плодовых деревьев. При обследовании окрестностей населенных пунктов Майкопского района (ст. Дагестанская, Новосвободная, Даховская, п. Каменноостровский, Победа) часто встречаются остатки плодовых насаждений: кварталы старых деревьев, единичные деревья, привитые в крону, расположенные в лесу или возле домов в поселках [2]. Кроме того, повсеместно произрастают дикорастущие деревья яблони и груши и их гибриды с культурными сортами. Очень сложно определить и выделить среди этого разнообразия истинные адыгейские сорта. Многие ошибочно полагают, что если на стволе старого привитого дерева есть круговой наплыв, то это обязательно староадыгский сорт. Но это не так: такие наплывы часто образуются на месте прививки деревьев черенком, независимо от сорта. Адыги при размножении плодовых деревьев редко выращивали саженцы. Они перепрививали черенками молодые деревья в лесу или на полянах. Впоследствии на месте прививки образовывалось характерное разрастание в виде наплыва.

Заключение.

К сожалению, в наше время черкесские сады в их прежнем обличье не существуют, как и многие другие достижения науки и культуры, утраченные человечеством. После окончания Кавказской войны и переселения народов, со второй половины 19 века плодовые насаждения во многих местах Кавказа были заброшены, заросли лесом и постепенно пропали. Некоторые старые сорта плодовых культур (яблони, груши, сливы, черешни, ореха) сохрани-

лись до нашего времени благодаря местным жителям, производившим довольно в больших масштабах прививки дикорастущих плодовых деревьев на лесных полянах, приусадебных участках.

Научные организации, ряд исследователей и практиков в свое время предпринимали меры по сохранению генофонда «старых черкесских садов». Наиболее значимые работы в этом направлении выполнены выдающимся ученым, профессором Н.А. Тхагушевым.

Большая роль в сохранении местных сортов принадлежит жителям причерноморских районов Краснодарского края.

В Республике Адыгея в 1996 году по инициативе А.К. Тхакушинова, в то время – ректора Майкопского государственного технологического университета, кабинет Министров принял специальное постановление № 198 от 27.05.1996 г. «Об утверждении программы сохранения и использования генетического фонда «старых черкесских садов» и дикоплодовых деревьев и кустарников на территории Республики Адыгея». К реализации этой программы были привлечены представители экологических движений Германии, клуба ЮНЕСКО Франции. Была проведена определенная работа по обследованию территории Адыгеи, выявлены и описаны старые деревья некоторых сортов и форм яблони и груши, проведена их паспортизация.

Сотрудниками Майкопского государственного технологического университета совместно с Фондом содействия сохранению историко-культурного наследия «Наследие» разработан и с 2015 г. выполняется проект «Историческая реконструкция старых черкесских садов». Были проведены экспедиции по предгорным районам Западного Кавказа для сбора местных сортов плодовых культур. Работа по поиску и сохранению старых адыгских сортов далека от завершения, необходимо продолжать работу по выявлению, сохранению и использованию старых черкесских сортов.

Грушевые леса Северо-Западного Кавказа – замечательное проявление многообразия растительного мира. Подобных лесов нет ни в одном регионе нашей

страны и даже в других странах мира. Они имеют большое народнохозяйственное значение и интересны в научном отношении, требуют дальнейшего изучения.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Бандурко И.А., Дагужиева З.Ш. Эколого-географическая группировка сортов груши и выделение новых источников для селекции в условиях Северного Кавказа // Новые технологии. 2020. Т. 16, № 6. С. 48-57.
2. Бандурко И.А., Кудяева Н.А. В поисках староадыгских сортов яблони и груши: монография. Майкоп: МГТУ, 2021. 204 с.
3. Богушевский П.Н. Плодоводство левобережных Кубанских районов Северо-Кавказского края // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. 22, вып. 3. Л.: ВИПБиНК, ГИОА, 1929. С. 485-525.
4. Вавилов Н.И. Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. 26, вып. 3. Л., 1931. С. 85-107.
5. Гаджиев А.М. Современное состояние плодоводства Дагестана и перспективы его развития в условиях рыночной экономики/ А.М. Гаджиев, Н.Г. Загиров, Т.Б. Алибеков // Формы и методы повышения экономической эффективности регионального садоводства и виноградарства. – Краснодар, 2001. – Ч. 1. – С. 25-30.
6. Гроссгейм А.А. Флора Кавказа. Т. 5. М.; Л., 1952. С. 28-29, 14-17.
7. Дагужиева З.Ш., Бандурко И.А. Селекционно-биологическая оценка форм груши кавказской (*Pyrus caucasica* Fed.): монография. Майкоп, 2022. 168 с.
8. Елагин И.П. Грушевые леса Северо-Западного Кавказа. М., 1951. – 203с.
9. Ибрагимова З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006. 756 с.
10. Кудяева Н.А. Адыгейские (черкесские) сорта груши // Материалы научно-практической конференции «Научное наследие профессора Н.А. Тхагушева». – Майкоп; Магарин О.Г., 2012. – С. 36-41.
11. Мичурин И.В. Черкесские сады ждут своих селекционеров. Сочинения. М.: Сельхозгиз, 1948. Т.IV. – 617 с.
12. Пашкевич В.В. Избранные сочинения по плодоводству. М.: Сельхозгиз, 1959. 359 с.
13. Раджабли А.Д. Ценные сорта яблонь и груш Карабаха/ А.Д. Раджабли // Социалистическое сельское хозяйство Азербайджана. – 1955. – № 12.
14. Рубцов Г.А. Происхождение и эволюция культурной груши / Г.А. Рубцов // ДАН СССР. – 1940. – Т. 28. – № 4. – С. 351-354.
15. Супрун И.И., Токмаков С.В. и др. Оценка генетического полиморфизма современных сортов и автохтонных форм груши Северного Кавказа на основе анализа микросателлитных локусов // Генетика. Т. 52. № 11. 2016. – С. 1270-1279.
16. Сухоруких Ю.И., Ларионов Ю.М. Груша и яблоня в лесах Адыгеи. Майкоп: Качество, 2006. 108 с.
17. Сытин А.К. Пётр Симон Паллас – ботаник. – М.: KMK Sci. Press Ltd., 1997. – 338 с.

18. Трусевич Г.В. Дикорастущие плодовые Азово-Черноморского края и их использование. Ростов н/Д: Азчериздат, 1936. 123 с.
19. Туз А.С. Pyrus L. – Груша // Культурная флора СССР. М., 1983. С. 126-234.
20. Тхагушев Н.А. Садоводство адыгов: народные традиции, описание сортов, лесосады. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2008. 252 с.
21. Хотко С.Х. Старые черкесские сады: ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников 1864–1914. Т. 1. М.: Олма-Пресс, 2005. 414 с.
22. Collecting fruit genetic resources in the North Caucasus region /M.-V. Hanke H. [et al.] // Journal fur Kulturpflanzen. 2012. Vol. 64. P. 126-136.

REFERENCES

1. Bandurko I.A., Daguzhieva Z.Sh. Ecological and geographical grouping of pear varieties and identification of new sources for breeding in the North Caucasus // New technologies. 2020. Vol. 16, Issue 6. P. 48-57. (In Russ.)
2. Bandurko I.A., Kudayeva N.A. In search of old Adyghe varieties of apple and pear: a monograph. Maikop: MSTU, 2021. 204 p. (In Russ.)
3. Bogushevsky P.N. Fruit growing in the left-bank Kuban regions of the North Caucasus Territory // Works on applied Botany, Genetics and Breeding. Vol. 22, issue 3. L.: VIPBiNK, GIOA, 1929. P. 485-525. (In Russ.)
4. Vavilov N.I. Wild relatives of fruit trees in the Asian part of the USSR and the Caucasus and the problem of the origin of fruit trees // Works on applied Botany, Genetics and Selection. Vol. 26, issue 3. L., 1931. P. 85-107. (In Russ.)
5. Gadzhiev A.M. Current state of fruit growing in Dagestan and prospects for its development in a market economy / A.M. Gadzhiev, N.G. Zagirov, T.B. Alibekov // Forms and methods for increasing the economic efficiency of regional horticulture and viticulture. – Krasnodar, 2001. – Part 1. – P. 25-30. (In Russ.)
6. Grossgeim A.A. Flora of the Caucasus. Vol. 5. M.; L., 1952. P. 28-29, 14-17. (In Russ.)
7. Daguzhieva Z.Sh., Bandurko I.A. Selection and biological assessment of the Caucasian pear forms (*Pyrus caucasica* Fed.): a monograph. Maikop, 2022. 168 p. (In Russ.)
8. Elagin I.P. Pear forests of the North-West Caucasus. Moscow, 1951. – 203p. (In Russ.)
9. Ibragimova Z.Kh. The Chechen people in the Russian Empire: adaptation period. Moscow: PROBEL-2000, 2006. 756 p. (In Russ.)
10. Kudayeva N.A. Adyghe (Circassian) pear varieties // Materials of the scientific and practical conference «Scientific heritage of Professor N.A. Tkhagushev». – Maikop; Magarin O.G., 2012. – P.36-41. (In Russ.)
11. Michurin I.V. Circassian gardens are waiting for their breeders. Works. Moscow: Selkhozgiz, 1948. Vol. IV. – 617 p. (In Russ.)
12. Pashkevich V. V. Selected works on fruit growing. Moscow: Selkhozgiz, 1959. 359 p. (In Russ.)
13. Rajabli A. D. Valuable varieties of apples and pears of Karabakh / A. D. Rajabli // Socialist agriculture of Azerbaijan. – 1955. – No. 12. (In Russ.)
14. Rubtsov G. A. Origin and evolution of cultivated pear / G. A. Rubtsov // DAN SSSR. – 1940. – Vol. 28. – Issue 4. – P. 351-354. (In Russ.)
15. Suprun I.I., Tokmakov S.V. et al. Evaluation of genetic polymorphism of modern varieties and autochthonous forms of pear in the North Caucasus based on the analysis of microsatellite loci// Genetics. Vol. 52. Issue 11. 2016. – P. 1270-1279 (In Russ.)
16. Sukhorukikh Yu.I., Larionov Yu.M. Pear and apple in the forests of Adygea. Maikop: Kachestvo, 2006. 108 p. (In Russ.)
17. Sytin A.K. Petr Simon Pallas – a botanist. – Moscow: KMK Sci. Press Ltd., 1997. – 338 p. (In Russ.)

18. Trusevich G.V. Wild fruits of the Azov-Black Sea region and their use. Rostov n / D: Azcherizdat, 1936. 123 p. (In Russ.)
19. Tuz A.S. Pyrus L. – Pear // Cultural flora of the USSR. M., 1983. P. 126-234. (In Russ.)
20. Tkhashev N.A. Gardening of the Adyghe: folk traditions, description of varieties, forest gardens. Maikop: Adyghe republican book publishing house, 2008. 252 p. (In Russ.)
21. Khotko S.Kh. Old Circassian gardens: landscape and agriculture of the North-West Caucasus in the light of Russian sources 1864–1914. Vol. 1. M.: Olma-Press, 2005. 414 p. (In Russ.)
22. Collecting fruit genetic resources in the North Caucasus region /M.-V. Hanke H. [et al.] // Journal fur Kulturpflanzen. 2012. Vol. 64. P. 126-136. (In Eng.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ирина Анатольевна Бандурко, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Современные агротехнологии и мониторинг плодородия почв». Майкопский государственный технологический университет, г. Майкоп, Российская Федерация, e-mail: 55irina@bk.ru

Зара Шахмардановна Дагузиева, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры технологии производства сельскохозяйственной продукции. Майкопский государственный технологический университет, г. Майкоп, Российская Федерация, e-mail: zaradaguzhiy@mail.ru

Irina A. Bandurko, Dr Sci. (Agriculture), Professor, Leading Researcher, Research Laboratory «Modern Agricultural Technologies and Soil Fertility Monitoring». Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation, e-mail: 55irina@bk.ru

Zara Sh. Daguzhieva, PhD (Agriculture), Associate Professor, Department of Agricultural Production Technology. Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation, e-mail: zaradaguzhiy@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 18.08.2024

Поступила после рецензирования 19.10.2024

Принята к публикации 22.10.2024

Received 18.08.2024

Revised 19.10.2024

Accepted 22.10.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-39-53>
УДК 373.1 (477.75)

Становление и развитие системы школьного образования в Крымской АССР (1920-е годы XX века)

Р.Н. Богданов✉

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Государственный архив Республики Крым,
г. Симферополь, Республика Крым
✉ rafaellb1999@mail.ru*

Аннотация. Актуальность. В статье, на основании впервые введенных в научный оборот документов из фондов Государственного архива Республики Крым, таких как Р-1551, Р-1622, Р-3912, и материалов периодической печати 1920-х гг., рассматривается процесс становления и развития системы школьного образования Крымской АССР в 1920-е гг. Автор акцентирует внимание читателей на создании Наробраза, анализирует политику в сфере школьного образования и особенностях народного образования отдельных национальных меньшинств Крымского полуострова. Исследования в данной области помогут проанализировать государственную политику в области образования в Крымской АССР, включая новые методологические подходы и программы, финансирование и взаимоотношения власти с педагогической интеллигенцией.

Проблема: автор акцентирует внимание на становлении системы народного образования Крымской АССР, в частности, на таких аспектах, как ликвидация неграмотности, преодоление последствий голода, создании школьной сети нового образца, становлении советской педагогической интеллигенции, а также национальной политике в сфере народного образования.

Целью статьи является изучение и анализ процесса становления и развития системы школьного образования в Крымской АССР в 1920-е гг. XX века.

Методы исследования: источниковедческий, сравнительно-исторический, историко-генетический и ретроспективный.

Исходя из поставленной цели, автор реализует в статье следующие задачи:

- исследовать историографию и источниковую базу исследуемой тематики.
- проанализировать преобразования новой системы образования большевиков Крымской АССР в сравнении с дореволюционной.
- определить роль и значение Наробраза в развитии школьной системы.
- выделить основные направления национальной политики в сфере образования.

Ключевые выводы. В ходе исследования автором выявлены прежде неопубликованные в открытом доступе документы о становлении и развитии системы школьного образования Крымской АССР, проанализирована историография данной темы, изучена трансформация методологических подходов в школьном образовании в сравнении с дореволюционным пе-

© Богданов Р.Н., 2024

риодом, определена роль Нарообраз в становлении школьной сети, а также выявлены особенности школьного образования в условиях национальной политики большевиков в Крымской АССР.

Ключевые слова: Нарообраз, система образования, национальные школы, педагогическая интеллигенция, учителя, народное образование, коренизация, ГА РК

Для цитирования: Богданов Р.Н. Становление и развитие системы школьного образования в Крымской АССР (1920-е годы XX века). *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):39–53. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-39-53>

Formation and development of schooling in the Crimean ASSR (1920s)

R.N. Bogdanov✉

*Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov
The State Archives of the Republic of Crimea, the Republic of Crimea, Simferopol*

✉ rafaelb1999@mail.ru

Abstract. The article considers the process of formation and development of schooling in the Crimean ASSR in 1920s. Documents from the funds of the State Archive of the Republic of Crimea, such as R-1551, R-1622, R-3912 and materials from the periodical press of the 1920s, introduced for the first time into scientific circulation have been used. The attention of readers is drawn to the creation of Нарообраз, analyzes policies in the field of school education, as well as the features of public education of individual national minorities of the Crimean Peninsula.

Research in this area will help to analyze state policy in the field of education in the Crimean ASSR, including new methodological approaches and programs, financing and the relationship between the authorities and the pedagogical intelligentsia.

The problem: the author focuses on the formation of the public education system of the Crimean ASSR, in particular, on such aspects as the elimination of illiteracy, overcoming the consequences of famine, creating a new school network, the formation of the Soviet pedagogical intelligentsia, as well as national policy in the field of public education.

The goal of the research is to study and analyze the process of formation and development of the school education system in the Crimean ASSR in the 1920s.

The research methods used are source study, comparative historical, historical-genetic and retrospective methods.

Judging by the stated goal, the author implements the following tasks in the article:

- to study the historiography and source base of the researched topic;
- to analyze the transformations of the new education system of the Bolsheviks of the Crimean ASSR in comparison with the pre-revolutionary one;
- to determine the role and significance of Нарообраз in the development of the school system;
- to highlight the main directions of the national policy in the field of education.

Key conclusions. During the research, previously unpublished documents on the formation and development of the school education system of the Crimean ASSR have been identified, historiography has been analyzed, transformation of methodological approaches in school education in comparison with the pre-revolutionary period has been studied, the role of Нарообраз in the formation of the school network has been determined, and the features of school education in the context of the national policy of the Bolsheviks in the Crimean ASSR have been identified.

Keywords: Нарообраз, education system, national schools, pedagogical intelligentsia, teachers, public education, State Archives of the Republic of Crimea, indigenization

For citation: Bogdanov R.N. Formation and development of schooling in the Crimean ASSR (1920s). *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(4):39–53. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-39-53>

Введение. Школа издавна была местом, в котором подрастающее поколение получало необходимые знания, развивало социальные навыки, формировало систему ценностей и убеждений, что было особенно актуально в советский период. Анализ становления и развития системы школьного образования – это важный шаг для понимания множества аспектов жизни общества, исследования в этой области имеют ценность не только для историков, но также для социологов и педагогов различных профилей.

В отечественной историографии проблема развития школьного образования изучена в недостаточной мере, это связано с тем, что межвоенное двадцатилетие в Крыму зачастую привлекает учёных множеством других аспектов, нежели развитием и становлением системы школьного образования в Крыму, об этом также свидетельствует большое количество неопубликованных архивных документов по данной теме, представляющих большую ценность. Стоит отметить, что ряд особенностей и нюансов при исследовании тесно связаны с проводимой политикой коренизации. Так, ряд исследователей затрагивают развитие системы образования для отдельных народов полуострова, косвенно освещая общую картину. Приведенные аргументы свидетельствуют об актуальности данной темы.

Объекты и методы исследования. Исследование выполнено на основе общенаучных и специально научных методов. С помощью источниковедческого анализа и синтеза удалось проанализировать степень достоверности и полноту исторических источников. Сравнительно-исторический метод позволил автору выявить общее и особенное в дореволюционной и советской школьной системе. Историко-генетический метод помог воссоздать конкретику

событий, проследить динамику становления и развития системы школьного образования Крымской АССР. С помощью ретроспективного метода удалось реконструировать исторические особенности событий изучаемого периода, определить места и роли в событиях прошлого отдельных субъектов истории.

Результаты и обсуждения. Изучение процессов развития народного образования СССР и Крыма было начато еще в 1920-х гг. В это время в сборниках, журналах и газетах публиковались многочисленные статьи, посвященные как проблеме в целом, так и отдельным ее аспектам. Статьи имели обзорный характер или выражали позицию авторов по конкретному вопросу. В течение 1920-х – первой половины 1930-х гг. появились первые научные труды, в которых была предпринята попытка проанализировать политику государства в сфере образования. Значительное место среди журнальных публикаций того времени занимают статьи, посвященные организации и проблемам развития народного образования в Крымской АССР, которые были опубликованы в сборниках «Четыре года Советской власти в Крыму» и «Десять лет Советского Крыма». В них представлены различные материалы, касающиеся развития системы школьного образования в Крыму. Единственным обобщающим трудом стала монография Б.В. Вологодина «Народное образование и условия осуществления всеобщего обучения в Крыму», изданная в 1924 г. В то же время, публикации этого периода характерны однообразием в оценках, идеологической и обвинительной направленностью, а также критикой немарксистских подходов организации учебного процесса.

Начиная с середины 1950-х – первой половины 1980-х годов, произошло заметное историографическое осмысле-

ние партийного руководства в развитии образования. Говоря об этом периоде, стоит отметить работы Ф.Ф. Королева и Л.В. Кошмана. Так, Ф.Ф. Королев в своей монографии «Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931» провел анализ различных аспектов деятельности советской школы, включая политические и материально-финансовые вопросы. Из недостатков можно выделить отсутствие подробных данных об изменениях в партийно-государственной политике по отношению к образованию.

Тема становления и развития народного образования Крымской АССР широко освещена в диссертации кандидата исторических наук, доцента М.В. Прохорчик под названием «Народное образование в Крыму в 1921–1929 гг.», представляющим украинскую историографию. Ключевым достоинством исследования является критический анализ различных аспектов становления и развития системы народного образования Крымской АССР, включая организационную структуру, финансирование, педагогическую политику и роль культурных институтов. К недостаткам следует отнести отсутствие сравнительного анализа: автор не проводит систематического сравнения народного образования в Крыму с другими регионами СССР, что ограничивает возможность оценки его уникальности и отличий.

Говоря о современных исследованиях, важно сказать о трудах доктора исторических наук, профессора Г. Н. Кондратюка. Исследования данного автора основаны на глубоком изучении архивных материалов, что позволяет предоставлять достоверную информацию и анализировать сложные исторические процессы. Среди множества фундаментальных работ, посвященных истории Крыма в межвоенный период, имеется значительная часть исследований, объектом которых является развитие и становление системы народного образования, школьное строительство, подготовка педагогических кадров и ряд

других вопросов. Например, следующие статьи «Развитие школьного образования в Крымской АССР в 1920-х гг.», «Развитие национальных школ в Крымской АССР в 1920-х годах XX века», «Подготовка педагогических кадров для крымскотатарских школ в Крымской АССР (1921–1941)» и др. Тем не менее исследуемая тема недостаточно разработана и требует более детального рассмотрения.

С установлением власти большевиков на территории Крыма в ноябре 1921 года начались кардинальные преобразования, затронувшие все сферы общества, изменения коснулись также и системы образования. Одной из ключевых целей советского руководства являлось создание человека нового типа. В основе этой идеи лежало стремление преобразовать гражданское общество, отказаться от пережитков прошлого и создать нового индивида, соответствующего новым социалистическим идеалам. Основопологающей в этом вопросе являлась идеология марксизма-ленинизма. Советские граждане получали соответствующее политическое воспитание и образование, в котором отдельное внимание уделялось борьбе с буржуазными ценностями, пропаганде коллективизма, идеалам равенства и справедливости.

Стоит отметить, что на школьном образовании изменения не заканчивались, следовало бороться с пережитками «буржуазного прошлого». Огромное количество взрослого населения по всей стране оставалось малограмотным или совсем безграмотным, предстояла огромная работа по «ликвидации неграмотности». В Крыму этот процесс был связан с рядом особенностей, касающихся национального вопроса. Например, большая часть крымских татар жила довольно обособленно, плохо понимая русский язык, вследствие чего стало необходимо консолидировать нацменьшинства в советское общество. Так началась политика коренизации или «татаризации».

Перемена власти в Крыму сопровождалась весьма драматическими событиями, потрясшими не одно поколение. Последствия Первой мировой и гражданских войн, голод, экономический, социальный и духовно-нравственный кризисы – именно в таких условиях зарождалась и развивалась советская система образования в Крыму. С установлением советской власти народным образованием руководил Ревком Крыма. В структуре Ревкома образуется Комитет управления народного образования (Наробраз). В предшествующий период развития образования основной фокус был на гимназическом среднем образовании, которое было привилегированным и недоступным для тех, кто происходил из нижних социальных слоев общества.

Большая часть населения Российской империи была неграмотной, и образование ограничивалось несколькими классами церковно-приходской школы. Еще до начала гражданской войны на полуострове была разветвленная система этноконфессионального образования, представленная различными крымско-татарскими, еврейскими, караимскими, крымчакскими, немецкими и армянскими учебными заведениями. Что касается крымских татар, то большая часть детей получала образование в мусульманских мектебах и медресе, которых в 1914 году насчитывалось около 360 на территории Крыма. Количество обучавшихся детей крымских татар школьного возраста в общем достигало 11 тысяч. В целом профессиональных учебных заведений было достаточно, включая ремесленные училища. В системе среднего образования существовало множество государственных и частных учебных заведений. Одним из успешно функционировавших примеров частных школ была женская гимназия Станишевской. Финансирование такого образования осуществлялось разнообразными способами, включая государственные, земские и благотворительные источники. Со временем модель образования претер-

пела коренную реорганизацию. Важным фактором в этом процессе стал акцент, сделанный большевистскими властями на развитии начального образования, которое становилось доступным для широких масс населения, ныне недоступного для них, а также на использовании родного языка в образовании и борьбе с религиозным влиянием в школах и устранении неграмотности. Эти факторы были основополагающими для становления системы образования межвоенного двадцатилетия Крымской АССР [3, с. 425].

Становление системы школьного образования началось с приказа Народного комиссариата просвещения от 27 ноября 1920 г., в котором предусматривались меры по переустройству работы школы. Согласно этому приказу школа отделялась от церкви, отменялась плата за обучение. Были внесены изменения в порядок работы школы, обследованы и проверены дети школьного возраста, а также школьные помещения. В этот период возобновлялась работа педагогических советов, а также принимались меры для создания условий, способствующих развитию внеклассной и внешкольной деятельности учащихся. Разрабатывались новые учебные пособия перед началом учебного года. Также в рамках работы по ликвидации неграмотности срочно открывались бесплатные классы и школы грамотности в городах и некоторых крупных поселениях, чтобы распространять и популяризировать научные знания. Педагоги всех уровней были обязаны работать в них не менее двух часов в день, причем оплата труда предоставлялась только тем, кто не получал жалованья во время летних каникул. Это была своеобразная форма распределения интеллектуального труда [15, с. 34].

Важное событие произошло 16 ноября 1920 года, в этот день было объявлено о создании нового органа власти в лице Крымского революционного комитета. В его системе также сформировали отдел народного образования, который вклю-

чал в себя следующие подразделения: школьный, внешкольный, общественного воспитания, высших школ, снабжения, национальный и подотдел искусств.

Школьный подотдел включал в себя школы начальной и средней ступени, а также профессиональное обучение. Подотдел общественного воспитания включал большее количество секций, он включал в себя детские приюты, дома, трудовые комнаты, мастерские, детские клубы и сады.

Темпы открытия школ в этот исключительно трудный для новой власти период впечатляют. Если в декабре 1920 года в Симферополе функционировали 34 школы первой ступени, то уже в январе 1921 года к ним прибавилось ещё 14 новых школ. В целом же к концу 1921 года в Крыму насчитывалось 1150 школ первой ступени и 82 школы второй ступени, где обучались 58 681 человек.

Однако массовый голод, тяжелое экономическое положение полуострова в итоге привело к значительному сокращению сети школ, а у оставшихся из них постановлением Совнаркома Крымской АССР от 13 декабря 1921 года фактически была введена плата за обучение. К мероприятиям общенационального масштаба, особенно во время тяжелейшего голода, следует отнести организацию общественного питания в школах полуострова, начавшуюся ещё в конце 1920 года. Это стало спасением для множества крымских детей от голодной смерти. Однако, бесплатное школьное питание в первую очередь предназначалось для учащихся, потерявших обоих родителей, и детей, чьи отцы находились на службе в действующей армии. В результате этой инициативы к концу 1921 года бесплатное питание предоставлялось для 14 000 детей, было организовано 150 детских домов, садов и иных учреждений, в которых сироты находились на полном государственном обеспечении.

В контексте национальной политики в сфере образования важно отметить, что в

начале 1921 года по всей территории Крыма стремительно распахнулись двери новых крымскотатарских школ. По статистике, тогда их было зарегистрировано 1232. Однако в следующем году их количество стремительно сократилось до 638. Численность школ все же слегка восстановилась в 1923 году – их стало уже 834. Процесс несколько замедлился, но не остановился – в 1924 году насчитывалось 846 крымскотатарских школ, а в следующем году их численность уже достигла отметки в 875 [15, с. 36]. Сокращение количества школ было также связано и с ошибками, допущенными в процессе перестройки школьного образования, значительным ослаблением материальной базы, а также недостатком квалифицированных педагогов.

Бедственное положение просвещения в Крыму описывает одна из немногих статей, посвященная теме образования, за 1921 г. в газете «Красный Крым», под авторством С.А. Гамалова. Так, автор писал: «...Не секрет ни для кого, что ряды «великой армии просвещения» сильно поредели, что переживаемый нами жестокий продовольственный кризис особенно тяжело отражается и несомненно будет долго ещё отражаться именно на работниках просвещения. Огромный процент учащихся голодает в самом ужасном смысле этого слова, болеет цингой и голодным тифом, туберкулёзом и полным истощением. Такое положение вещей не может быть терпимо, ибо оно чревато самым жестокими последствиями для всего великого дела просвещения» [4, с. 4]. Как видно из приведенного отрывка, голод был не единственным бедствием, обрушившимся на народное образование, а нередко служил катализатором для других проблем, например, распространения болезней.

Сведения о материальном положении приводятся в опубликованном отчете съезда заведующих уездными отделами Наробраза от 25 сентября 1921 года: «... Указывается на крайне тяжелое материальное положение школ и школьных

работников. В некоторых уездах не выплачено ещё жалование за июнь месяца. Нет кредитов на производство самых неотложных расходов. В большинстве уездов учителя бедствуют, – иные совершенно не имеют необходимой одежды» [16, с. 4]. Также приводится информация о том, что школьные помещения, оставшиеся после Врангеля, практически не имеют какой-либо мебели, но тут же и отмечается положительный факт, что, несмотря на все трудности, «... в Джанкойском уезде число школ удалось удвоить» [16, с. 4], 75% школ удалось отремонтировать самим крестьянам, и уже сделаны запасы топлива, тогда как в других уездах к ремонту даже не приступили и топлива пока нет.

Однако куда больший интерес в опубликованном докладе представляет ряд практических указаний тов. Паперного, получившего итоговый вариант в виде резолюции, в которой приводятся следующие постановления: необходимо произвести концентрацию детей в школах с таким расчетом, чтобы максимальное число детей разместить в минимальное количество школьных помещений, освободив детей зажиточных родителей и заменив их детьми неимущих рабочих; максимальное сокращение штатов в школах с доведением до нормы – один учащийся на 40 учащихся; сокращение штатов Унаробразов до крайних пределов; никаких реформ и изменений программ без разрешения Крымнаробраза и т. д. [16, с. 4]. Как можно заметить из вышеприведенного отрывка, власти стремились пресечь попытки самовольного редактирования и создания рабочих программ в отдельных школах, что было довольно распространенным явлением в данный период ввиду отсутствия учебных пособий, а также налаженной и централизованной методологической базы.

Серьёзным препятствием в работе педагогических учреждений того времени являлись различные заболевания, самыми распространёнными были туберкулез и цинга, но этим последствия голода не

ограничивались. Так, в отчете о деятельности Евпаторийского окружного отдела народного образования за май 1922 г. можем вычитать следующую информацию: «... серьёзным препятствием в работе вообще явилась новая эпидемия – тифа, как среди детей, так и среди персонала, и среди самих работников Совоса. Из трех работников самого подотдела остался только один, который в настоящее время выполняет все работы. Причиной быстрого распространения тифа явилась прежде всего невероятная скученность с переходом в Здраводел учреждений для голодающих детей, старые учреждения Совоса все же не были разгружены от детей, посланных в период голодания, и благодаря этому во многих учреждениях число детей превышает норму на 50%. Та же скученность питала и другое зло детских учреждений – чесотку, не переносилась всю зиму и ветряная оспа, а последнее время истощенные и слабые дети оказались весьма восприимчивыми к заболеваниям желудочно-кишечного характера...» [8, л. 20а]. Указанные в отчете заболевания, а именно распространение тифа, чесотки, проблем с ЖКТ сильно нарушали педагогическую работу, превращая её в настоящее испытание как для обучающихся, так и для рабочего персонала.

Большинство педагогов в целом проявляло понимание к происходящим в стране изменениям. Тем не менее часть преподавателей средних и высших учебных заведений, ранее находившихся в более привилегированном материальном положении по сравнению с другими учителями, демонстрировала несогласие с этими процессами. Однако их активно привлекали к их основной профессиональной деятельности, используя систему соответствующих материальных поощрений, разработанную новым политическим руководством.

В целях поддержки школьной системы Народный комиссариат просвещения Крымской АССР реализовал программу

разделения школ на две категории – «твёрдую сеть» и «мягкую сеть». Школы, входящие в так называемую «твёрдую сеть», получали минимальную государственную финансовую поддержку, в то время как остальные школы были вынуждены обеспечивать своё финансирование за счёт средств местного населения. В 1922 году, во время острого голода, в «твёрдую сеть» включалось 581 школа первой ступени и 57 школ второй ступени [12, с. 3]. Результат этого нововведения отражен в служебных записках и заявлениях учителей тех лет, которые просили начальство перевести их в школы «твёрдой сети» ввиду бедственного положения, в случае отказа часть педагогов просто уходила из сферы образования на продолжительное время, некоторые, найдя новое поприще, так и не возвращались в область педагогики. Так, в заявлении учителя деревни Ялантуш, Марты Яковлевны, указывается: «Ввиду того, что Ялантушская школа I ступени может быть закрыта за недостаток учеников, прошу перевести меня в другую школу» [6, л. 49]. Не обходилось и без типичных ошибок в планировании и проверках. Пример учительницы Дусумаш-Кирской школы: «По наведенным справкам оказалось, что вверенная мне школа намечена к исключению из твёрдой сети ввиду того, что уполномоченным деревни в моё отсутствие даны неправильные сведения о числе учащихся, а потому прошу Районо перевести меня в Кульобинскую школу I ступени» [6, л. 36]. Таким образом, значительное количество школ, которые не попали в «твёрдую сеть», практически все были обречены на закрытие в то же самое время, так как у местного населения попросту не хватало средств на содержание самих себя, не говоря о школах.

Тем не менее власти также пытались всячески поддержать школу различными акциями и мероприятиями. Так, например, в докладе о деятельности Бахчисарайского отдела Наробраза 1923 года можем прочитать следующие сведения: «...Районо

приступило к проведению договорной кампании, устроив «Неделю помощи» сельской школе в период от 23 по 30 августа, имея в виду начало занятий в школе с 1 сентября. Для этого сначала организовать широкую агитацию среди населения о значении просвещения и о целях и задачах новой школы, а для проведения договоров в жизнь организуются на местах «Комитеты содействия школе», утвержденные Совнаркомом от 14 августа 1923 г.» [7, л. 15]. Как видно из отрывка, перед тем как проводить серьёзные мероприятия, в данном случае «неделю помощи» для сельских школ, руководство принимает решение о проведении агитационной подготовки населения, дабы пролить свет на неподготовленных граждан и познакомить с новой школьной системой.

С 1921–1922 гг. начинается спешная работа по составлению учебных программ, сводившаяся к обновлению старых наработок, в результате получились программы Крымнаркомпроса образца 1922 г. Новый период школьной работы открывается с середины 1923 г. с получением на местах новой программы Государственного учёного совета (ГУС'а), вводивший в работу школ марксистское содержание и материалистический подход. Особое внимание уделялось краеведческому изучению окружающей среды, проблеме общественно-полезной работы, соотношению навыков и др. Также с новыми программами вводился новый комплексный метод, устранявший многопредметность нынешнего образования [3, с. 429]. Летом 1924 г. вышло второе вещание программ главного учёного совета для всех четырех лет школы 1-й ступени с указанием, что с начала 1924–1925 учебного года эти программы должны быть введены в образцово-показательных школах, а в массовых – как обязательные в первых двух группах школ 1-й ступени [15, с. 41].

В вопросе народного образования для руководства определяющей задачей было создание школы нового типа. Однако такая

школа нуждалась в новых пособиях и методах обучения, которые бы максимально соответствовали установленным партией условиям и задачам. Естественно, такие преобразования были невозможны без новых, специально подготовленных учителей, в том числе таких, которые освоили новые мировоззренческие подходы к пути развития национального образования.

Для решения этого вопроса в самом Крыму и некоторых периферийных городах, где имелись материальные и кадровые ресурсы, организовывались специальные курсы. На этих курсах учителя знакомились с новыми педагогическими методами и получали знания по общественно-политическим дисциплинам. Эти курсы пользовались большим спросом, нередко учителя из малых, отдалённых деревень сами приходили в город пешком, чтобы записаться на них. В 1923 г. началась активная работа Крымсоцвоса в этом направлении. Летние краткосрочные курсы стали первоначальной формой переобучения и немедленно вызвали интерес крымских учителей. Только через областные курсы, не учитывая районные, в 1923 г. прошло 1473 человека, что составляет 61% от общего числа. В 1924 г. – 656 учителей сельских школ, или 75 % от общего числа, а в 1925 году – 497, или 50%. Учительские конференции были не менее популярны. На них слушались и обсуждались доклады, рефераты, а также отчёты отдельных школ о проделанной работе. Впоследствии учителя вносили новшества в разработанные к тому времени школьные программы и пособия [3, с. 429].

Однако так как все эти формы обучения были временными, их результаты нужно было не только закрепить, но и охватить руководством. Поэтому для этой цели переход от массовой ударной кампании к долгосрочной планомерной работе стал очевидным, и само учительство предложило новую форму – педагогические коллективы. Количество таких коллективов быстро росло и к 1 августа 1925 года

достигло 91, из которых 29 были городскими, а остальные – сельскими. Коллективы сельских учителей организовывались таким образом, чтобы территория каждого коллектива составляла окружность с радиусом 10–12 верст. Именно такое условие позволяло регулярно посещать заседания педагогического коллектива учителям из окружающих районов [3, с. 430].

Определяющим звеном в системе переподготовки учителей на начальном этапе развития советского народного образования была определённая показательная школа, особенно в районных центрах, с помощью которой и проводились соответствующие курсы. Диапазон деятельности этих опорных пунктов был достаточно широк и насыщен с точки зрения профессионально-отраслевой подготовки педагогов. При подробном анализе учебного плана единой семилетней трудовой школы на 1921/22 учебный год, можно сделать вывод о высокой содержательной планке, которую народное просвещение установило с самого начала. В план входили следующие дисциплины: 1) родной язык и литература; 2) обществоведение и история; 3) естествознание (мировоззрение); 4) математика; 5) искусство (пение, музыка, риторика); 6) рисование; 7) физическое воспитание; 8) иностранный язык; 9) физика; 10) химия; 11) геология; 12) география; 13) астрономия. Очевидно, что насыщенность программы требовала высокой напряжённости в работе по переподготовке специалистов по соответствующим предметам.

Введение Новой экономической политики предопределяло дальнейшее развитие политехнического направления в советской школе. Это осуществлялось как через создание сельскохозяйственных школ с закрепленными за ними экспериментальными земельными участками, так и через добавление в учебные программы единых трудовых семилетних школ 1-й и 2-й ступени (1-ая ступень – 1–4 классы) таких предметов, как товароведение, сче-

товодство, бухгалтерия, столярное дело, сапожное, переплетное дело, рукоделие, огородничество и садоводство. В результате возрастающая значимость подготовки и переподготовки работников образования становилась очевидной. В дальнейшем всесторонняя политехнизация системы образования будет набирать всё большие обороты, в связи с курсом на индустриализацию и коллективизацию страны.

Итоги работы крымских учебных учреждений, в том числе складывающейся новой системы переподготовки преподавательских кадров, подвёл Первый съезд работников просвещения, состоявшийся 15 февраля 1923 года. Это событие стало этапной вехой в совершенствовании всей системы образования на полуострове. Сам процесс организации данного съезда (проведённые повсеместно конференции, выборы делегатов на форум) оказался важнейшим фактором объединения крымских учителей. Основные задачи съезда включали актуальные проблемы и вопросы народного образования: профессиональное обучение, социальное воспитание, просвещение среди национальных меньшинств и т. д. Деятельность съезда убедительно продемонстрировала возросший профессиональный и социальный интерес работников образовательных учреждений Крыма к поиску новых путей развития этой важнейшей государственной сферы.

Тем временем в крымскотатарских школах была острая нехватка квалифицированных педагогических кадров. Это понимала и административная интеллигенция из числа крымских татар, и сотрудники Наркомпроса. Однако в первые годы советской власти в Крыму было сложно подготовить молодых педагогов. Причиной тому были голод, разруха, недостаток финансирования и общая дезорганизация системы образования в послевоенном регионе. Поэтому стали довольно востребованными предложения вузов из других регионов РСФСР о предоставлении мест для крымских татар для обучения.

Первым реальным достижением советской власти в подготовке национальных педагогических кадров в Крыму стал торжественный выпуск учителей-татар, которые окончили Симферопольский татарский педагогический техникум 30 августа 1924 года. Это были первые учителя, которые прошли обучение на родном языке в советский период, именно в них так нуждалась система народного образования Крыма.

Говоря об образовании национальных школ, следует отметить основные принципы работы Крымнаробраза, опубликованные на страницах газеты «Красный Крым» от 25 сентября 1921 г., в которых указывается на то, что вся учебно-воспитательная и культурно-просветительная работа среди нацменьшинств может и должна вестись на родном языке и «никаких стеснений в этой области быть не может и не должно» [5, с. 4], также говорится о специальном подотделе национальных меньшинств при Крымнаробразе в составе необходимых национальных секций для управления учебно-воспитательными заведениями [5, с. 4]. В процессе развития национальных школ в Крыму руководство Наркомпроса активно привлекало к работе советских, профсоюзных и партийных работников различных национальностей. Для достижения этой цели проводились съезды и конференции по народному образованию под руководством Крымсовнацмена – Совета по делам просвещения национальных меньшинств [12, с. 45].

Основными проблемами работы национальных школ были подготовка педагогических кадров и наличие учебников. С середины 1920-х гг. начинается систематическая работа в этом направлении. Но для разных школ кадровая проблема решалась по-разному. Так, для подготовки новых педагогов для татарских учреждений был организован Крымский татарский техникум, для просвещенцев-татар издавался даже специальный педагогический журнал «Оку-Ишлери» – «Вопросы

просвещения». Также издавались новые крымско-татарские учебники, такие как: «Элифба» (букварь), «Оку-Китабы» (книга для чтения на 2-ом, 3-ом, 4-ом и 5-ом году обучения), «Рия-Зият» (учебник математики), «Табиат» (естествознание) и пр. В наиболее благоприятном положении были, немецкие армянские и еврейские школы. Нерешенным оставался этот вопрос для болгарских и греческих школ. Например, из 27 учителей болгарских школ Крыма в 1925 г. только 7 владели национальным языком [15, с. 50].

В свою очередь, немецкое население Крыма было обеспечено школами лучше, чем другие этнические группы. В 1925 году около 85% детей школьного возраста посещали начальные школы, в среднем одна школа приходилась на 280 жителей. Для сравнения, у крымских татар, русских, болгар и армян в среднем одна начальная школа приходилась на 450, 600, 800 и 1000 жителей соответственно.

Особенностью образования немецкого населения было наличие школ 2-й ступени, где дети могли получить среднее образование на родном языке. В 1924 году в Крымской АССР работало 5 таких школ: Спатская, Карасанская, Нейзацкая, Окречская и Цюрихтальская. Школа в немецкой колонии Окречь была построена в 1912 году на средства колонистов. Она частично финансировалась из государственного бюджета. Школа располагала хорошей материальной базой: ей было выделено 150 десятин земли, 10 сельскохозяйственных машин и трактор. В 1927 году в школе обучалось 180 учащихся, из которых 140 жили в интернате, так как они были из разных районов Крыма. Для решения проблемы нехватки квалифицированных учителей привлекали специалистов из других регионов [13, с. 102].

Также стоит упомянуть о состоянии народного образования у греков. Согласно переписи 1921 года, численность греческого населения на территории Крыма составляла 24 тысячи человек. По количеству

греки занимали третье место после немцев и евреев среди жителей полуострова. Греки делились на две основные группы: крымские греки и беженцы-мигранты из Анатолии, которые прибыли из Трапезундского вилайета в Крым в 1918 году. Социально греческое население Крыма равномерно распределялось между городскими и сельскими жителями. Более плотно греческие группы проживали в следующих городах: в Ялте – около 3000 человек; в Севастополе – 2200; в Симферополе – 1400; в Керчи – 1350 и в Феодосии – 1100 человек.

Их основной особенностью было разноязычие, коренные крымские греки говорили или на крымско-татарском языке, или русском, тогда как переселенцы из Турции пользовались анатолийским диалектом греческого языка. Помимо отсутствия квалифицированных преподавателей, второй серьезной проблемой в греческих школах было отсутствие учебников, особенно из-за языкового барьера, вызванного разноязычием греков. Крымсовнацмен стремился приобрести учебники за рубежом, так как учебники из Греции были отклонены по политическим соображениям, удалось даже получить образцы изданий от греческого рабочего издательства в Чикаго. Все эти проблемы удалось решить лишь в 1927 г., на Всекрымском совещании по вопросу реформы греческого языка и орфографии, результатом которого стала замена старого языка «кафареус» на более распространенный народный язык – «демотику», а также замена старой исторической орфографии на фонетическую [13, с. 102].

Крымские евреи отличались высоким уровнем грамотности и хорошими школами. Это объясняется тем, что большинство евреев проживало в городах и имело высокий культурный уровень. В апреле 1926 года в Крыму насчитывалось 15 еврейских преподавателей. Значительную часть учащихся 2-й ступени составляли евреи. В девятилетних школах обучалось

2524 человека, что составляло 24% всех учеников, а в семилетних школах – 651 человек, то есть 12%. Родители стремились обеспечить своим детям качественное среднее образование и подготовить их к поступлению в институты. В Симферополе во всех школах училось 2014 евреев, что составляло около 80% детей школьного возраста, в то время как общекрымский уровень составлял 57%. Однако лишь небольшая часть детей обучалась на еврейском языке. Наркомпрос Крымской АССР стремился увеличить число национальных еврейских школ до 10, чтобы до 50% детей школьного возраста обучались на родном языке. В 1926 году были открыты две еврейские школы 1-й ступени. В 1927 году в деревне Агдас Биюк-Онларского района и деревне Основа Шунукского сельсовета, а также в сельскохозяйственных колониях Авода, Ойфленбург, Ратендорф и Нейлебен были открыты еще четыре школы 1-й ступени [13, с. 103].

Еще одним важным элементом национального образования в Крыму было привлечение к образованию девушек. В 1924 г. процентное соотношение татарских мальчиков и девочек, обучавшихся в общеобразовательных школах, составляло соответственно 55,1 и 44,9 процента [15, с. 28].

В 1925/1926 учебном году впервые удалось построить определенную сеть школ национальных меньшинств в сельской местности, но планы по развитию национальных школ не учитывали местные особенности бытовых условий и национальных традиций, а потому являлись невыполнимыми, и только в 1927/1928 учебном году для всех национальных школ, подчиненных Крымскому Наркомату просвещения, была утверждена четкая структура школьной системы [15, с. 30].

Что касается развития крымскотатарских школ, то с улучшением финансирования начинается явный рост числа школ. В 1924 г. насчитывалось 348 крымскотатарских начальных школ, что составляло

43,9% от общего количества. Однако уже в 1925 г. в 343 государственных крымскотатарских начальных школах обучалось 18 140 учеников. В последующие годы количество таких школ продолжало расти, достигнув 359 в 1925/26 учебном году, а затем 360 в 1926/27. С другой стороны, школ 2-й ступени было значительно меньше. В 1924/25 учебном году их было всего 11, в 1925/26 году – 14, а в 1926/27 году – 17. Существовал явный дисбаланс между школами 1-й и 2-й ступени. Школы повышенного типа требовали гораздо больших затрат, а не все семьи могли позволить себе оплату за обучение.

Однако ситуация изменилась лишь в 1930 г. с введением постановления ЦК ВКП(б) «О режиме в начальной и средней школе». Этим документом было введено обязательное всеобщее начальное образование, что значительно расширило контингент для средних школ в Крымской АССР, бывших сначала в объеме семи лет, а затем девяти лет [12, с. 49]. Для усиления школьного фонда все школьные здания, использованные не по назначению, освобождались и перестраивались под школы, вводилась активная политехнизация школ, в фабрично-заводских районах устанавливалось обязательное обучение в объеме школы-семилетки для детей, окончивших школу 1-й ступени.

В годы индустриализации основной акцент для советской школы сместился на постепенный переход к введению всеобщего семилетнего образования, усилилось внимание к подготовке специалистов, увеличилась длительность обучения для средней школы, что сопровождалось расширением сети школ и особенно стремительным ростом и развитием национальной школы. Особенно важно было подчеркнуть важность подготовки кадров, необходимых для новых отраслей промышленности и сельского хозяйства, которые быстро развивались в тот период. В связи с этим учебные программы неоднократно пересматривались и обновля-

лись, вводились дисциплины, соответствующие современным требованиям. Учителя проходили дополнительную подготовку и повышали свою квалификацию, чтобы соответствовать высоким стандартам образования. Внедрялись новые методы обучения, использовалась передовая учебная литература, что способствовало более глубокому усвоению материала учащимися. Важнейшим аспектом стало также воспитание учащихся в духе патриотизма и коллективизма, формирование у них трудовых навыков и привитие любви к труду.

Одновременно с этим правительство придавало большое значение развитию национальных школ. Для различных национальностей создавались учебные заведения, где преподавание велось на родном языке, что способствовало сохранению и развитию культурно-языковой идентичности народов Советского Союза. Появились специальные педагоги, владеющие не только методиками обучения, но и культурными особенностями тех или иных этнических групп. Расширялась сеть школ национальных меньшинств, издавалась учебная литература на различных языках. В итоге благодаря усилиям по улучшению системы образования удалось достичь значительных успехов: вырос уровень грамотности населения, значительно увеличилось число школьников, получающих полноценное образование, а также выпускников средних школ, продолжавших обучение в высших учебных заведениях. Советская школа того периода сыграла важную роль в подготовке квалифицированных специалистов и воспитании нового поколения строителей социализма.

Заключение. Таким образом, система образования Крымской АССР начала свой долгий и нелёгкий путь, сопровождавшийся дальнейшим развитием в 1930-е годы. Зародившись в условиях послевоенного времени, голода и жесточайшего кризиса, народное образование смогло преодолеть эти трудности и создать школу нового типа, в которой с ранних лет формиро-

валась и воспитывалась личность советского гражданина. Подводя итоги, стоит отметить, что ключевым аспектом системы образования Крымской АССР стало внедрение политехнического обучения, направленного на тесную связь теории с практикой и производительным трудом. В учебных заведениях активно создавались мастерские и учебно-производственные комбинаты, где учащиеся могли не только осваивать профессию, но и вносить вклад в экономику региона. Практическое обучение помогало закреплять теоретические знания, а также воспитывало у молодёжи трудолюбие и уважение к рабочим профессиям, что соответствовало идеологическим установкам того времени.

Немаловажную роль в этом вопросе сыграла борьба с неграмотностью среди взрослого населения, успешные результаты были достигнуты благодаря активной работе школ ликбеза и культурно-просветительских клубов. В этих учреждениях люди разного возраста могли бесплатно получить начальное образование и овладеть основными навыками грамотности, что позволило значительно повысить общий уровень образования в регионе. В том числе, разрабатывались специализированные учебные программы для представителей национальных меньшинств, что способствовало сохранению и развитию этнической культуры и языка.

Преподаватели и методисты Крымской АССР стремились к постоянному совершенствованию учебного процесса, разрабатывая новые педагогические методики и подходы. Большое значение придавалось созданию учебников и методических пособий, отражающих специфику региона и потребности многонационального населения. Совершенствовалась система подготовки и повышения квалификации педагогических кадров, что позволило создать высококвалифицированный преподавательский состав, способный эффективно обучать и воспитывать подрастающие поколения.

Несмотря на многочисленные сложности, система образования Крымской АССР проделала значительный путь развития в 1920-е годы. Благодаря усилиям множества людей удалось сформировать образовательную среду, в которой гармонично сочетались академические знания, трудовое воспитание и идеологическая

подготовка. Это создавало благоприятные условия для формирования всесторонне развитой личности, готовой к активному участию в общественной жизни и труде на благо общества, а также дало огромный толчок для развития педагогической интеллигенции Крымской АССР.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Абибуллаева Д.И. К истории образования крымских татар в 20–30 годы XX в. // Крымское историческое обозрение. 2015. № 2. С. 8-14.
2. Вологдин Б.В. Народное образование в условиях осуществления всеобщего обучения в Крыму. Симферополь, 1925. 31 с.
3. Весь Крым: юбилейный сборник. 1920–1925 / под ред. У.В. Болич [и др.]. Симферополь: КрымЦИК, 1926. 572 с.
4. Гамалов С.А. О введении культурно-просветительной работы на языках национальных меньшинств // Красный Крым. 1921. № 153 (187). С. 4.
5. Гамалов С.В. Народное образование // Красный Крым. 1921. № 165 (199). С. 4.
6. Государственный архив Республики Крым (далее ГА РК). Ф. Р-1551. Оп. 1. Д. 17.
7. ГА РК. Ф. Р-1622. Оп. 1. Д. 1.
8. ГА РК. Ф. Р-3912. Оп. 1. Д. 35.
9. Десять лет Советского Крыма: юбилейный сборник. 1920–1930. Симферополь: Крым-госиздат, 1930. 557 с.
10. Денислямова Э.М. Крымскотатарские женщины в крымском образовании 1920–1941 гг.: по материалам Государственного архива Республики Крым // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 3. С. 165-171.
11. Змерзлий Б.В. Розвиток системи просвітництва кримських татар у 1921–1941 рр. Симферополь: Енергія-Дельта, 2007. 344 с.
12. Кондратюк Г.Н. Развитие школьного образования в Крымской АССР в 1920-х годах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 7 (73), № 4. С. 43-54.
13. Кондратюк Г.Н. Развитие национальных школ в Крымской АССР в 20-х годах XX века // Культура народов Причерноморья. 2001. № 24. С. 101-104.
14. Кондратюк Г.Н. Подготовка педагогических кадров для крымскотатарских школ в Крымской АССР (1921–1941) // Эстафета поколений. К истории образования крымских татар в 20–30 годы XX в.: материалы научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня открытия Симферопольской татарской учительской школы. Симферополь: Доля, 2003. С. 32-40.
15. Прохорчик М.В. Народна освіта у Криму в 1921–1929 рр.: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Симферополь, 2000. 196 с.
16. Состояние школьного дела // Красный Крым. 1921. № 216 (250). С. 2.

REFERENCES

1. Abibullaeva D. I. On the history of education of the Crimean Tatars in the 1920–30s // Crimean Historical Review. 2015. Issue 2. P. 8-14. (In Russ.)
2. Vologdin B. V. Public education in the context of the implementation of universal education in Crimea. Simferopol, 1925. 31 p. (In Russ.)
3. All Crimea: jubilee collection. 1920–1925 / ed. by U. V. Bolich et al. Simferopol: Publishing House of the Crimean Central Executive Committee, 1926. 572 p. (In Russ.)
4. Gamalov S. A. On the introduction of cultural and educational work in the languages of national minorities // Krasny Krym. 1921. July 13. Issue 153 (187). P. 4. (In Russ.)
5. Gamalov S. V. Public education // Krasny Krym. 1921. July 27. no. 165 (199). P. 4 (In Russ.)
6. State Archives of the Republic of Crimea (hereinafter SA RC). F. R-1551. Op. 1 D. 17. (In Russ.)
7. SA RC. F. R-1622. Op. 1. D. 1.
8. SA RC. F. R-3912. Op. 1. D. 35.
9. Ten years of Soviet Crimea: jubilee collection. 1920–1930. Simferopol: Krymgosizdat, 1930. 557 p. (In Russ.)
10. Denislyamova E. M. Crimean Tatar women in the Crimean education in 1920–1941 based on the materials of the State Archives of the Republic of Crimea // Historical journal: scientific research. 2021. Issue 3. P. 165-171. (In Russ.)
11. Zmerzliy B. V. Development of the education system of the Crimean Tatars in 1921–1941. Simferopol: Energiya-Delta, 2007. 344 p. (In Russ.)
12. Kondratyuk G. N. Development of school education in the Crimean ASSR in the 1920s // «Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science». 2021. Vol. 7 (73). Issue 4. P. 43-54. (In Russ.)
13. Kondratyuk G. N. Development of national schools in the Crimean ASSR in 1920s // Culture of the peoples of the Black Sea region. 2001. Issue 24. P. 101-104. (In Russ.)
14. Kondratyuk G. N. Training of teaching staff for Crimean Tatar schools in the Crimean ASSR (1921–1941) // Relay of generations. On the history of education of the Crimean Tatars in 1920–30s. Materials of the scientific and practical conference dedicated to the 130th anniversary of the opening of the Simferopol Tatar teacher training school. Simferopol: Dolya, 2003. P. 32-40. (In Russ.)
15. Prokhorchik M. V. Public education in Crimea in 1921–1929: diss... PhD (Hist.): 07.00.01. Simferopol, 2000. 196 p. (In Russ.)
16. The state of school affairs // Krasny Krym. 1921. September 25. Issue 216 (250). P. 2. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Рафаэль Николаевич Богданов, архивист 1-й категории Отдела специальных фондов ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым», Республика Крым, г. Симферополь, Российская Федерация, e-mail: rafaelb1999@mail.ru

Rafael N. Bogdanov, First class Archivist, Department of Special Funds of the State Archives of the Republic of Crimea, the Republic of Crimea, Simferopol, the Russian Federation, e-mail: rafaelb1999@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 25.08.2024

Поступила после рецензирования 29.09.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Received 25.08.2024

Revised 29.09.2024

Accepted 30.09.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-54-68>

УДК 614.2-057.36:947.083

Система мер по оздоровлению военнослужащих Российской императорской армии в годы Первой мировой войны

Я.В. Валяев✉, А.А. Крисанов, О.С. Акупиян

*Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина,
г. Белгород, Российская Федерация*

✉bsaa_z@mail.ru

Аннотация. Актуальность изучения рассматриваемой проблемы продиктована тем обстоятельством, что военные конфликты сопровождают все периоды развития человечества, и полученные результаты могут быть переосмыслены и перенесены на современность с учетом существующих реалий. В рамках военно-исторической антропологии ценность качества организации армейского быта определяется тем, что оно во многом формировало степень психологической устойчивости участников боевых действий. В задачи исследования входит выявление на основе изучения исторических источников основных проблем санитарно-гигиенического состояния действующей армии, их причин, а также анализ мер, направленных на его улучшение.

Проблема исследования заключается в выявлении степени эффективности санитарно-гигиенической службы в военно-полевых условиях.

Целью исследования является анализ организации санитарно-гигиенического быта военнослужащих Российской армии на фронтах Первой мировой войны.

Методологическая база исследования опирается на общенаучные методы синтеза, анализа, обобщения и систематизации. В соответствии с принципами историзма и объективности авторы широко используют специализированные периодические издания периода войны, приказы командования, источники как мемуарного происхождения, отражающие впечатления более образованных слоев общества, так и источники, запечатлевшие опыт рядовых солдат. Такой подход позволяет всесторонне оценить степень готовности армии к организации борьбы с инфекционными заболеваниями.

Ключевые выводы. В результатах исследования представлены результаты анализа принятых мер по реализации санитарно-гигиенических мероприятий по борьбе с инфекционными заболеваниями в армейской среде в изучаемый период, сделаны выводы об их эффективности.

Ключевые слова: Первая мировая война, фронтовой быт, санитария и гигиена на фронте и в тылу
Для цитирования: Валяев Я.В., Крисанов А.А., Акупиян О.С. Система мер по оздоровлению военнослужащих Российской императорской армии в годы Первой мировой войны. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):54–68. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-54-68>

Measurements on improving the health of military servants of the Russian Imperial Army during the First World War

Y.V. Valyaev✉, A.A. Krisanov, O.S. Akupiyan

*Belgorod State Agrarian University named after V.Y. Gorin,
Belgorod, Russian Federation*

✉bsaa_z@mail.ru

Abstract. The relevance. Military conflicts accompany all periods of human development, and the obtained results can be rethought and transferred to the present day, taking into account existing realities. Within the framework of military-historical anthropology, the value of the quality of the organization of army life is determined by the fact that it largely formed the degree of psychological stability of participants in military operations. The goals of the research include identifying the main problems of the sanitary and hygienic conditions of the active army, their causes, as well as analyzing measures aimed at improving it.

The problem of the research is to identify the degree of effectiveness of the sanitary and hygienic service in military field conditions.

The purpose of the research is to analyze the organization of sanitary and hygienic life of military servants of the Russian army during the First World War.

The methodological basis of the research is based on general scientific methods of synthesis, analysis, generalization and systematization. In accordance with the principles of historicism and objectivity, the authors make extensive use of specialized periodicals from the war period, orders of the command, sources of both memoir origin reflecting the impressions of more educated strata of society, and sources capturing the experience of ordinary soldiers. This approach allows for a comprehensive assessment of the readiness to organize the fight against infectious diseases.

Key findings. The results of the study present the results of the analysis of the measures taken to implement sanitary and hygienic measures to combat infectious diseases in the army environment during the studied period, and conclusions have been made about their effectiveness.

Keywords: World War I, front-line life, sanitation and hygiene at the front and in the rear

For citation: Valyaev Ya.V., Krisanov A.A., Akupiyan O.S. Measurements on improving the health of military servants of the Russian Imperial Army during the First World War. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(4):54–68. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-54-68>

Введение. В период Первой мировой войны борьба с инфекционными болезнями в армии стала очень важным аспектом поддержания здоровья военного контингента. Вместе с тем на протяжении долгого времени перед началом Первой мировой войны санитарная служба сталкивалась с рядом критических проблем. Среди них были такие, как недостаток многих незаменимых лекарств, дефицит врачей и квалифицированного медицинского персонала, а также несформированность

системы профилактики и борьбы с распространением инфекционных болезней.

Важно зафиксировать, каким было состояние заболеваемости традиционными болезнями в армии до начала мировой войны, т. е. до начала массовой мобилизации, включившей в состав армии миллионы новобранцев. Подавляющее большинство мобилизованных были выходцами из деревни, где доступность и качество медицинского обслуживания редко были на высоком уровне. Очевидно, что контроли-

ровать заболеваемость в условиях численно более ограниченной армии мирного времени было значительно проще.

Объекты и методы исследования.

Объектом исследования выступает эффективность деятельности военно-санитарных и общественных организаций, направленной на профилактику и лечение инфекционных болезней военнослужащих Российской императорской армии в годы Первой мировой войны. В качестве методов исследования используются сбор, анализ архивных (фонды Российского государственного военно-исторического архива), мемуарных и иных письменных источников, методы систематизации и обобщения информации.

Результаты и обсуждения. Накануне войны в армии наблюдалось распространение большинства известных тогда в стране инфекционных заболеваний. Так, частота случаев брюшного тифа достигала отметки в 4.5 на тысячу человек, показывая серьезные проблемы с гигиеническими условиями и качеством питания. Сыпной тиф, имевший значительно меньшую распространенность, – 0.13 случаев на тысячу – все еще отображал сложности с эпидемиологической ситуацией в армии. Тем не менее ситуация с дизентерией (0.6 на тысячу) и оспой (0.07 на тысячу) указывает на то, что данные заболевания хотя и имели место среди военнослужащих, их вспышки контролировались более эффективно [1, с. 20, 292–293].

Однако наиболее широко распространенными заболеваниями среди военных были гонорея, с уровнем заболеваемости 23.4 на тысячу, и чесотка, с показателем 13.9 на тысячу [1, с. 292–293]. Последние цифры довольно высоки даже для мирного времени, однако командование не торопилось с мерами по борьбе (например, вакцинированием) для преодоления этих заболеваний. Исследование и анализ этих данных позволяют понять, насколько были важны качественная профилактика и доступ к медицинскому обслуживанию

для предотвращения распространения инфекционных заболеваний. Эти данные свидетельствовали о крайней необходимости усилить еще до начала войны меры профилактики и контроля за передаваемыми инфекциями, а также подчеркивали важность обучения военнослужащих основам личной гигиены.

Ситуация с инфекционными болезнями не могла значительно не усложниться с началом мировой войны. Например, только холерой с августа по декабрь 1914 г. заболели 8758 военных. В анализе ситуации, связанной с распространением инфекционных заболеваний среди военнослужащих, военное министерство акцентировало внимание на проблеме внесения болезней военнопленными. Значительный вес в доказательстве этой гипотезы имели данные, извлеченные из переписки между военными и общественными деятелями. Вопрос об ответственности за защиту здоровья людей военной службы становился предметом публичного обсуждения и дебатов: «в настоящее время среди пленных австрийцев получает развитие дизентерия, она принимает угрожающие размеры» [2]; «разыгравшаяся эпидемия сыпного тифа почти по всей России, как известно, завезена через турецких пленных» [3].

Впрочем, здесь очевидна заинтересованность военного ведомства в именно таком объяснении причин роста заболеваний. Отзывы многих врачей, участников войны, усложняют картину, говоря о том, что «не успели российские войска прибыть на поля сражений, как в их рядах вспыхнули эпидемии холеры и сыпного тифа» [1, с. 20].

Структурными подразделениями, созданными для борьбы с инфекциями, являлись специализированные отряды: санитарно-гигиенические – для каждого корпуса, и дезинфекционно-эпидемиологические – для дивизии и бригады [4]. Их деятельность заключалась в обеззараживании мест массового скопления военных: окопов, вокзалов, больниц. В одном из до-

кументов читаем: «специальная комиссия провела ряд заборов проб воды в местных водоёмах и колодцах, чтобы выявить негодные, которые позже закрывали и обеззараживали. В результате этих действий эпидемия пошла на убыль» [5, С. 42–43].

На фоне угрозы эпидемических заболеваний эпидемиологические отряды принимали активные меры по предотвращению их распространения. Их специалисты осуществляли комплексные действия, направленные на амбулаторное лечение инфицированных и проведение дезинфекции в зонах риска.

Такие отряды были призваны защитить и гражданское население от опасных заболеваний путем организации медицинской помощи для зараженных пациентов и выполнения специальных процедур по дезинфекции. Важность и значимость их работы высоко оценивались в медицинском сообществе. Команда эпидемиологов стремилась минимизировать риск заражения, делая акцент на профилактических мероприятиях, контроле над инфицированными людьми и тщательной обработке мест возможной инфекции. Структура команды включала в себя не только старшего медика и его помощников, таких как фельдшеры и врачи младшего звена, но и специализированный состав: четыре медсестры, двух специалистов по дезинфекции (один из которых курировал хозяйственные вопросы), а также десять санитаров и девять санитаров-водителей. В их подчинении находилась техника, обеспечивающая мобильность и самодостаточность отряда, включая три пароконные брички, шесть повозок с восемнадцатью упряжными лошадьми и двумя всадниками [6, с. 6].

Эффективность деятельности отряда была значительно повышена благодаря его способности к длительному самостоятельному пребыванию в эпидемических зонах, а также возможности к мобильному и гибкому разделению для лучшего покрытия территории. Отличительной

чертой этой группы была их полная готовность ко всем задачам, обеспеченная необходимым оборудованием и автономностью работы.

На эпидемиологической станции – стандартном медицинском учреждении, предназначенном для борьбы с инфекциями, – было оборудовано пространство для 50 пациентов, разделенных по виду заболеваний на четыре разных секции. На эпидемиологической станции различные категории людей были разделены по следующему принципу: одна группа вмещала 15 пациентов с гастроэнтеритами, вызванными инфекциями типа холеры или дизентерии. Другая зона предназначалась для 20 человек с диагнозом сыпного тифа, третья – для 10 человек, страдающих лихорадочными состояниями без конкретного диагноза, а четвертая – для 5 пациентов с оспой или скарлатиной. В команду медперсонала входили 2 врача, включая основного, каждый из 2 фельдшеров и дезинфекторов [6, с. 23]. Кроме того, там работали 6 нянек на больничных койках, администратор по хозяйству, запасная нянька, клерк и 15 санитаров, все они составляли слаженный коллектив, который обеспечивал бесперебойную деятельность учреждения.

Создавались также специальные Шосейные дивизионные отряды, включавшиеся в поддержку работы Эпидемических пунктов. Обслуживающий персонал медицинского учреждения состоял из двадцати семи санитаров, четырех прачек, кухарки, одного кашевара, шестерых обозных и пяти наемных женщин [6, с. 23–26].

Дезинфекционно-шосейные группы были сформированы не только для предотвращения распространения инфекционных заболеваний там, где это становилось необходимым. Они демонстрировали высокую эффективность вне зависимости от того, проводили ли они самостоятельные операции по дезинфекции или же поддерживали крупные группы и медицинские пункты, главным

образом отвечая за поставку лекарств, оборудования, специфических средств и организацию транспортировки пациентов и пострадавших.

Однако эпидемиологическая обстановка на фронтах и в тылу зависела не только от качества организации и профессионализма работников специальных военно-медицинских учреждений. В условиях масштабной войны проблема была значительно шире. Так, в рамках дискуссии о выделении средств для Военно-санитарного департамента, организованной в Государственной думе, акцент был сделан на неудовлетворительных условиях поддержания здоровья военных, с особым указанием на рост случаев тифа. Высказывались серьёзные опасения относительно состояния их здоровья в связи с употреблением воды сомнительного качества, представляющей основную угрозу, что было обусловлено проблемами водоснабжения, удаления нечистот в населённых пунктах, где располагались военные. В ряде случаев «санитарными упущениями является ...спуск заразными госпиталями необеззараженных нечистот в водоёмы» [7, с. 79]. Было признано, что в проблематике обеспечения качественной питьевой водой в российской армии заложены серьёзные вызовы, которые требовали незамедлительного комплексного решения.

Специалисты подчеркивали, что необходимо было иметь четкие процедуры и стандарты по поддержанию и контролю качества источников питьевой воды [8, с. 5], а также проводить учения и практические тренировки для военнослужащих, направленные на повышение их осведомленности в области гигиены и здоровья.

Стоит отметить, что до начала военных действий почти не проводилась необходимая профилактическая работа среди военнослужащих относительно предупреждения распространения кишечных заболеваний и соблюдения личной гигиены. Эта проблема была одной из ключевых,

так как в целом известный низкий уровень образования основной массы солдат вел к несоблюдению правил личной гигиены, что напрямую влияло на здоровье человека и возможность профилактики различных заболеваний.

Формирование культуры гигиены и заботы о качестве питьевой воды в российской армии являлось стратегической задачей, успешное решение которой способно было существенно повысить уровень здоровья солдат и, как следствие, эффективность выполнения поставленных перед армией задач.

В контексте изучения причин, оказавших влияние на широкое распространение болезней в армии, ключевую роль играли инфекционные вспышки. Эксперты и армейское руководство поднимают вопрос о взаимодействии солдат с местным населением как о критическом моменте [7, с. 80]. Именно процесс размещения войск в населённых пунктах оказывался определяющим фактором, поскольку именно в такие периоды происходил наибольший обмен вирусами и бактериями между местными жителями и армейскими подразделениями. Расквартирование в различных регионах не только способствовало укреплению связи между армией и местным населением, но и создавало благотворную почву для передачи инфекционных заболеваний.

Таким образом, при анализе факторов, оказывающих влияние на распространение заболеваний в армейских рядах, особое внимание уделяется взаимодействию военных с населением конкретных территорий. Это понимание помогает в разработке эффективных стратегий противодействия распространению болезней среди солдат в будущем. «Борьба с заболеваниями в армии шла трудно вследствие того, что санитарные мероприятия, проводимые в войсках, не распространялись на гражданское население, где имелся источник постоянного и обильного заражения болезнями» [1, с. 389]. Источником зара-

жения брюшным тифом или холерой для военных становились местные жители, в результате взаимодействия с которыми во время постоев число заболеваний резко возрастало [7]; «...местности, на которые переходят 3-я и 13-я армии, и пути к ним заражены» [9].

Важно подчеркнуть, что проблемы санитарии усугублялись из-за условий на поле боя, где множество погибших долго оставалось непогребенными: «...несколько оставшихся трупов, всё сильнее разлагаясь, стали давать такой ужасающий запах, отравлявший воздух, что становилось всё труднее и физически, и морально выдерживать его» [10, с. 37], – впоследствии вспоминал солдат Николай Буторов.

Иногда военные сталкивались с трудностями при попытках своевременного погребения умерших из-за крайних условий, таких как морозы, мешавшие вырыть нужную глубину могилы. Это приводило к угрозе здоровью, особенно в весенний период, когда начинало разлагаться тело, захороненное на небольшой глубине.

Каналами массового заражения в таких обстоятельствах становились вода или насекомые. Вот лишь некоторые воспоминания участников войны: «Окопы кишели вшами. Насекомые проедали кожу буквально насквозь, так что на теле появлялись струпья и короста» [11, с. 150], «люди в буквальном смысле были одеты в «живые рубашки» [12, с. 15]; «...сплошь всё было усеяно вшами, тело покрыто корой грязи» [13, с. 9].

В начальный период войны, судя по рассказам тех, кто это видел своими глазами, забота о личной гигиене солдат и их возможность поддерживать себя в чистоте, вероятно, не стояла в приоритетах военного руководства. Однако ситуация со временем претерпела значительные изменения. Решающую роль в этом сыграли решительные действия, предпринятые армейским управлением в сотрудничестве с общественными организациями, которые включали в себя

как разъяснительную работу о важности гигиены посредством раздачи информационных брошюр, так и практические мероприятия, например, строительство полевых бань, прачечных и устройства для дезинфекции.

Иммунизация выявилась как наиболее действенный метод предотвращения инфекционных болезней. Тем не менее широкомасштабные прививки начались только в 1915 году, причём исключительно для противодействия конкретным заболеваниям, например, тифу и паратифам: «В предупреждении развития среди войск и медицинского персонала заболевания брюшным тифом по всему Юго-Западному фронту организованы предохранительные противотифозные и противостолбнячные прививки» [8, 14, 15]; «...с 1915 года вакцинация солдат в тылу проводилась в обязательном порядке ещё перед отправкой их на фронт, а солдат, уже находящихся на нём, вакцинировали с разрешения командующего армии, соответственно раненых прививали в госпиталях и лазаретах» [16]. Так, вакцинация стала одной из действенных мер по урегулированию проблемы инфицирования военнослужащих.

В борьбе против инфекций предпочтение было отдано прививкам зарубежного производства вместо тех, что были разработаны внутри страны. Этот выбор был обусловлен двумя ключевыми факторами: ограниченными мощностями отечественных производителей вакцины и их относительно высокой стоимостью – в среднем 1 рубль 45 копеек за единицу [17]. Производство вакцин в России было сосредоточено только в трех университетах, что не позволяло полностью удовлетворить запросы, особенно актуальные для армии после введения правила о необходимости вакцинации для пострадавших. Например, за 1915 год Институтом экспериментальной медицины в Петрограде было выпущено всего 500 флаконов. К тому же московский бак-

териологический институт Блюменталю и Киевский бактериологический институт ежемесячно выпускали лишь около 10 000 доз, что было явно недостаточно для нужд армии.

Военные условия создавали идеальную среду для распространения кожных паразитов, в частности платяных вшей, от которых сложно было избавиться на фоне боевых действий. Это создавало серьезные проблемы для военнослужащих, поскольку паразиты не давали им спокойно жить. В ответ на эту проблему главное военное санитарное управление начало использовать химические вещества для борьбы с паразитами, включая мылонафт, известный также как заменитель мыла, и крезолы, применяемые в технических целях. Так, например, «Главным управлением на 1915 год был размещен заказ военно-врачебным заводам на 5000 пудов, из которых 3250 пуд. мылонафта или суррогата мыла и 1750 пуд. технических крезолов общей суммой 34 000 руб.» [18]. Также широкое применение для дезинфекции и дезинсекции получили препараты «Насекомояд» [19], «Гелиос» и «Гигиена» [20].

Для обеззараживания новых полубудов, в предупреждение заражения сибирской язвой, использовали метод обработки с применением пароформалина или серы, исходя из принципа простоты этой процедуры: «...в некоторых частях войск Юго-Западного фронта появляются случаи сибирской язвы, причиной которых являются полубудки или папахи, не продезинфицированные на местах их изготовления» [8, с. 19].

Как дополнение к уже описанным методам противодействия паразитам на коже необходимо упомянуть использование двойного слоя одежды, где верхний слой обработан 10%-м раствором дегтя – метод, известный как чумацкий. Также стоит указать на практику обработки волос бензином или керосином, а также применение ртутной мази для кожи головы после стрижки [8, с. 27].

Обычно предпочтение отдавалось традиционным методам поддержания гигиены, включающим ванны процедуры и очистку одежды, особенно в периоды относительного спокойствия на фронте. Однако в особых, крайних обстоятельствах, когда обычные методы оказывались недостижимы, были принимаемы и другие, менее стандартные подходы, упомянутые ранее. Вот подобное свидетельство: «Каждой дивизионной баней заведовал врач, имевший в распоряжении сотню рабочих-добровольцев. При каждой бане была также и прачечная, и люди, входя в баню, сдавали своё грязное исподнее, а взамен получали чистое» [11, с. 149].

Специализированные строительные группы, оснащенные для возведения санитарных сооружений вроде бань и прачечных, а также для обеспечения дезинсекции, были частью армейских подразделений и команд под эгидой Красного Креста. Например, структура 1-го Сибирского отряда включала в себя мобильный госпиталь, транспортные средства для перемещения пострадавших и материальных ценностей, две машинные бригады, автомобильный отдел и, непосредственно, группу для строительных и технических задач [13, с. 3].

Высока была значимость бань в условиях военных действий на передовой, подчеркивая их важную роль в противостоянии распространению паразитов. Бани были доступны, легки в установке в полевых условиях и имели низкую стоимость. Для русских баня являлась не только средством поддержания чистоты, но и глубоко укоренившейся традицией. В армии предпочтение отдавали «черному» типу бань, поскольку они обходились значительно дешевле [8, с. 25].

Нередко под бани преобразовывались местные здания, такие как «халупы» или сараи, что давало некоторые преимущества. Ключевые достоинства такого подхода включали в себя: экономию времени и

денег благодаря низким затратам на переустройство и строительство, ускоренный процесс нагрева, создание легкого и комфортного пара без выделения угарного газа, а также сокращение использования топлива для нагрева бани. Все это подтверждало стремление командования найти оптимальное решение для поддержания физического состояния военнослужащих с минимальными расходами [8, с. 24–25]. Бани помогали избавиться от насекомых (вшей, блох, клопов), решить проблему распространения болезней (возвратный тиф, оспа), передающихся через них.

Традиционно включая два зала – место для переодевания и совмещённую мыльную с парной, бани обеспечивали солдат всем необходимым для поддержания чистоты. Организация предусматривала распределение мыла, выделяя примерно один фунт на пятерых человек. Важной составляющей являлась прачечная, гарантирующая свежее бельё после купания, дабы избежать ношения загрязнённой одежды после очищения. На входе происходила смена одежды: бойцы обменивали грязную на чистую, что было необходимым условием для тех, у кого не было запасного чистого набора. Журнальные записи врачей регулярно подтверждали, что такой подход сократил заболеваемость кожи среди солдат на 60%, доказывая высокую эффективность введённых мер по гигиене [13, с. 11].

Была предложена инициатива о формировании мобильных технических команд под эгидой Всероссийского городского союза с целью строительства бань. Эти команды, включающие в себя 9 человек (3 техника и 6 рабочих) и требующие ежемесячного финансирования в размере 3000 рублей, имели бы способность строить до 15 бань в неделю, что позволило бы существенно улучшить гигиенические условия для большого числа военнослужащих.

8 партий могло бы обеспечить нужды всего фронта, имеющий численное выра-

жение в следующих цифрах: 48 000 руб. – одновременный расход, 24 000 руб. – ежемесячный [13, с. 15]. Обычно в структуру армии входило от трех до четырех корпусов, что давало возможность обеспечить каждую армейскую группировку обслуживанием в течение трех-четырёх недель. В случае привязки технических служб к определенным армейским подразделениям участники быстро перемещающегося фронта имели бы доступ к предварительно организованным баням и прачечным, что значительно способствовало бы поднятию уровня гигиены среди воинов и эффективности профилактики заболеваний. В командовании армии акцентировали внимание на качестве жилищных условий военнослужащих и на процессах их дезинфекции, осознавая их важность.

Документ, выпущенный высшим военным командованием, подтверждает необходимость осуществления строгих мер очистки и дезинфекции. В нем говорится о важности регулярной санитарной обработки всех помещений, используемых армейскими подразделениями, включая казармы и конюшни, которые занимаются на постоянной основе, а также тех, что занимают временно, подчеркивая, что данная процедура должна выполняться с особой тщательностью [21].

Качество бытовых условий напрямую влияло не только на здоровье воинов, но и на их моральный дух и готовность к бою. Для борьбы с проблемой инфекционных заболеваний, важнейшей задачей стало строительство обширной сети инфекционных госпиталей. Эти медицинские учреждения размещались вдоль маршрутов перемещения инфицированных к распределительным центрам, что позволяло эффективно изолировать источники инфекции. Инициативу в развёртывании таких учреждений проявили Земские и Городские союзы, благодаря чему к началу весны и лета 1915 года условия значительно улучшились (табл. 1) [22].

**Таблица 1. Медицинские учреждения, созданные по инициативе
Земского и Городского союзов**

Table 1. Medical institutions created on the initiative of Zemstvo and City Unions

Город	Количество коек в каждом городе	Город	Количество коек в каждом городе
Тифлис	4 000	Полтава	500
Киев	2 000	Броды Волочиск	400
Баку, Гомель, Харьков, Минск, Смоленск	1 500	Витебск Двинск Кельцы	300
Ростов-на-Дону	1 400	Екатеринославль	250
Вильно Курск	1 000	Львов Орёл	200

Общее количество коек, созданных только по инициативе Земского и Городского союзов, составило почти 20 тыс., что являлось весьма существенным вкладом формирующегося российского гражданского общества в дело помощи фронту.

Вместе с тем ни существовавшая до войны, ни создаваемая в ее ходе инфраструктура не были готовы к приему того количества инфекционных больных, которое появилось в ходе разгоравшейся войны. Статистика свидетельствует, что имеющееся количество больничных мест и число инфекционных больниц оказались недостаточным. Чтобы повысить эффективность лечебных учреждений, их размещали вблизи железных дорог.

Статистика за время с августа 1914 г. до августа 1915 г. позволяет увидеть конкретные цифры инфицированных, обратившихся в медицинские учреждения Всероссийского земского союза: брюшной тиф – 4891 человек, сыпной тиф – 4085, рожа – 2503, возвратный тиф – 2184, дизентерия – 933, оспа – 181, дифтерия – 114, холера – 99, сибирская язва – 5.

В ответ на опасность дальнейшего распространения инфекций Верховный Начальник санитарной службы 8 ноября 1914 года выпустил приказ № 15, предусматривавший создание специальных

изоляционных и пропускных станций в критических точках на маршрутах перемещения раненых солдат и военнопленных, обустроив тем самым защитный барьер против внесения инфекций.

В этих местах можно было встретить как официальных представителей военных структур, так и гражданских лиц, которые после прибытия поездом переводились в категорию лиц с острыми заразными болезнями, или тех, кто вызывал подозрения по причине каких-либо заболеваний [23]. «В районе Варшавы осенью 1914 г. наблюдался рост желудочно-кишечных заболеваний. ...Для предотвращения распространения инфекции были организованы две линии барьеров: на первой линии обсервационно-изоляционные пункты с дезинфекционными отрядами, на второй линии заразные госпитали для лечения заболевших с санитарно-гигиеническими отрядами для бактериологического обследования» [5, с. 41–42].

Однако карантинные станции среди военных не могли в полной мере удовлетворить потребности страны в контроле за эпидемиями. Проблема заключалась не только в их недостаточном количестве и ограниченных местах для содержания, но и в том, что большинство из них были организованы спонтанно, без прямого

вовлечения специализированных организаций, ответственных за медицинское и санитарное обслуживание. Этот разрозненный подход к созданию станций вынуждает признать, что отсутствие их интеграции в общенациональную систему противоэпидемических мер привело к снижению эффективности в противостоянии заболеваниям на государственном уровне.

Дополнительным способом санитарной защиты стали изоляционно-пропускные пункты, которые обладали разнообразным функционалом, т. к. в их структуру входили различные помещения и учреждения. Во-первых, эти пункты были оснащены специальными местами для работы медицинского и обслуживающего персонала, включавшими в себя медицинские кабинеты и кухню. Во-вторых, имелась инфраструктура для

борьбы с эпидемиями: это значит, что на территории пункта размещался госпиталь на 15–20 мест, предназначенный для лиц, инфицированных одной из трех типов инфекций, а также для тех, кто подозревался в заражении.

Кроме того, внутри данных пунктов находилось помещение, предназначенное для умерших, что подчеркивало глубину осознания угрозы, исходящей от инфекционных болезней, и важность принимавшихся мер по их локализации и предотвращению дальнейшего распространения [24]. Такие пункты размещались на железнодорожных станциях и в местах перемещения эвакуированных раненых и пленных.

Материалы РГВИА позволяют проанализировать статистику случаев острой болезненности с июля по ноябрь 1915 года (табл. 2) [25].

Таблица 2. Статистика случаев острой болезненности с июля по ноябрь 1915 года

Table 2. Statistics of cases of acute illness from July to November 1915

Месяц/ заболевание	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	итого
холера	8802	14268	15467	3836	485	42858
сыпной тиф	3455	29771	2794	4543	10151	23914
брюшной тиф	20964	31239	33028	32204	30468	147903
возвратный тиф	1955	1464	1199	1597	2722	8937
дизентерия	39157	34641	22361	14092	8099	118350
оспа	2760	2218	2290	5362	9777	22407
дифтерия	10650	14110	18314	23077	20459	86610
скарлатина	16807	20577	26337	33502	31092	128315
проч. болезни	7844	8022	9835	12687	12872	51260
итого	112394	129510	131625	130900	126125	630554

Из представленных данных следует, что в изучаемый период различные болезни проявили себя по-разному: некоторые достигли пика, после чего начали снижаться, в то время как другие продемонстрировали неуклонное увеличение. Холера, дизентерия, дифтерия и скарлатина имели тенденцию к снижению, что позволяет говорить о более успешной борьбе с этими

заболеваниями по сравнению с тифом и оспой, которые, напротив, характеризовались ростом. Такой исход может быть частично объяснён и сезонными всплесками определённых инфекций, которые влияют на их распространение в разное время года. Это предположение позволяет сделать вывод о разной эффективности стратегий противодействия инфекцион-

ным заболеваниям, отнесённым к разным категориям на основе анализа данных.

Для получения приблизительного количества случаев острых инфекционных заболеваний в армии во время Первой мировой войны до момента Февральской революции можно воспользоваться из-

вестными данными за интервал с июля по декабрь 1915 года.

Информация о заболевших и умерших от острозаразных болезней (табл. 3) в период с 1 июля по 1 декабря 1915 года [26] (вычисления доли умерших произведены нами):

Таблица 3. Информация о заболевших и умерших от острозаразных болезней с 1 июля по 1 декабря 1915 года

Table 3. Information on those who fell ill and died from highly contagious diseases from July 1 to December 1, 1915

Вид заболевания	Число заболевших	Число умерших	Доля умерших
Холера	42 858	15 767	37%
Брюшной тиф	147 903	14 508	10%
Сыпной тиф	23 914	2 374	10%
Возвратный тиф	8 937	344	4%
Дизентерия	119 350	9 188	7.7%
Оспа	22 407	4 265	19%
Дифтерия	86 610	6 020	7%
Скарлатина	128 315	16 275	12.7%
Всего	580294	68741	12%

Наибольшая доля умерших приходится на холеру, наименьшая – на возвратный тиф. Общая доля умерших составила 12%. Приведенные данные свидетельствуют об умеренных показателях смертности, особенно учитывая неблагоприятные санитарные условия военного времени.

Этот временной период может служить базой для экстраполяции на более длительный срок с августа 1914 года по март 1917 года, охватывающий 31 месяц. Исходя из этого, общее число зафиксированных заболеваний среди военных достигает порядка 3 909 434.

В ответ на проблему распространения желудочно-кишечных инфекций командование Юго-Западного фронта еще в 1914 году выпустило серию директив. В частности, было указано на необходимость обеспечения солдат кипяченой водой для питья и призыв к тому, чтобы военнослужащие избегали прямого контакта с мокрой почвой, лежа на ней животом, а

также рекомендовалось перед приемом пищи мыть руки, если это возможно.

Важной отмечалась организация мытья белья с использованием мыла и оборудование в траншеях мест для санитарных нужд. Инструкции также предлагали установить дополнительные пункты обеспечения между уже имеющимися, где проходящие войска могли бы пополнить запасы кипяченой воды и чая с сахаром сверх среднего довольствия. На железнодорожных станциях и зоне отчуждения устанавливался запрет на продажу сырых фруктов (кроме лимонов), овощей, кваса [8, с. 12, 14–15, 30]. Взамен «проводилась раздача кипятильников, красного вина, клюквенного и черничного экстракта и дезинфекционных средств» [5, с. 42–43]. Командование выступило с указаниями, направленными на поднятие уровня чистоты и обеспечение санитарных условий на этапах, которые команды проходят. Указывается на необходимость проведения

глубокой очистки не только помещений, выбранных для ночевки, но и смежных с ними территорий, при этом действия должны выполняться командами перед их отъездом [23].

В борьбе против инфекционных заболеваний одной из необычных мер было использование специализированных дезинфекционных поездов. Отчеты данных уникальных составов свидетельствуют об их критической роли: оснащённость лабораторией позволяла анализировать пробы воды и производить дезинфицирующие средства на месте. В январе 1915 года, например, было проведено более 3200 анализов. До 1400 человек ежедневно могли воспользоваться услугами этого поезда, который впоследствии был дополнен вагоном-баней. Дополнительно был сформирован специальный отряд для оперативного реагирования, в который входили различные вагоны с пароформалиновыми и паровыми камерами, предназначенными для дезинфекции. «В товарных вагонах был устроен душ, в теплушках дезинфицировали вещи, кипятильники согревали воду для душа и чая. Отряд в день обслуживал до 400 человек» [5, с. 42–43]. Мобильность таких вагонов, с нашей точки зрения, могла стать необходимым условием для того, чтобы «обезопасить» от инфекций районы, в которых временно отсутствовали постоянные бани, дезинфекторы и т. д.

Командование приняло решение обязать каждый санитарный поезд, перевозящий эшелоны с пленными, оборудовать один из вагонов под карантинные нужды для возможно инфицированных больных. В оснащение такого вагона входили: две носилки, кресло-туалет со съёмным металлическим контейнером, лоток для постельных нужд, средства для сбора мочи, а также запас лекарств, средств для дезинфекции и приспособления для мытья рук [8, с. 23]. Эта весьма простая мера предосторожности оказалась весьма успешной и позволила своевременно отделять

больных (и подозрительных на болезнь) от здоровых, тем самым предотвращая процесс заражения и расширения инфекции. Такие несложные приёмы позволяли эффективно предотвратить распространение инфекций.

Однако недостаток координации и единой стратегии в работе разнообразных служб, в том числе между различными армейскими структурами, оставался проблемой в усугублении ситуации с распространением инфекционных заболеваний. Часто наблюдалось отсутствие необходимой взаимосвязи между органами, в результате чего большинство санитарных служб оказывалось парализованными, не оказывая необходимого реального воздействия на профилактику и контроль за инфекционными вспышками. В некоторых случаях в армейских подразделениях отмечалось полное отсутствие совместной деятельности для борьбы с заболеваниями [8, с. 4].

В целом правильно организованная санитарно-эпидемиологическая работа оказывала огромное влияние на моральную атмосферу в солдатской среде и, следовательно, боеспособность армии. Это точно выразил один из уполномоченных Красного Креста А.С. Лебедев: «Мне приходилось на месте проводить параллель между полками, и я пришёл к положительному выводу, что дух полка зависит исключительно от тех условий, в какие он поставлен, или вернее от забот, которые его окружают, со стороны полкового начальства или со стороны общества. Вы можете по действиям полка в бою, по его подвигам заключить, как живётся там солдату – хорошо или плохо» [13, с. 15].

Заключение. Проведённое исследование свидетельствует, что ситуация в санитарно-гигиенической сфере в Российской императорской армии в годы Первой мировой войны отразила весь комплекс острых проблем, связанных с общим состоянием санитарии, гигиены и здравоохранения России в начале XX века в целом. Для улучшения сложившейся ситуации было

крайне важно повысить уровень гигиены в солдатской среде, обеспечить постоянное снабжение медикаментами, увеличить количество квалифицированных медицинских кадров и развить систему здравоохранения, способную эффективно справляться с инфекционными угрозами в экстремальных условиях.

Исследование показывает, что вопросы медицинского обеспечения Российской императорской армии в ходе Первой мировой войны вызвали серьёзную озабоченность по поводу их эффективности на разных уровнях армейского командования, санитарной службы. Армейское командование и общество в целом не остались равнодушными к проблемам санитарно-гигиенического состояния армии. Для эффективной борьбы с распространением инфекционных заболеваний в армии для лечения заболевших были задействованы специальные военно-санитарные, государственные и общественные организации. Эти организации занимались разработкой и внедрением мер по предотвращению вспышек болезней и контролю за санитарной обстановкой в войсках. На этом

пути было многое сделано. Смертность заболевших была в целом ниже, чем можно было ожидать при известных тяжёлых санитарно-гигиенических условиях и при выявленном количестве заболевших.

Однако на протяжении долгого времени ещё перед началом войны санитарная служба сталкивалась с рядом критических проблем, которые так и не были преодолены. Важнейшие из них – нехватка необходимых лекарственных средств, крайний недостаток специалистов в области медицины и квалифицированного медицинского персонала, а также отсутствие разработанной и четко функционирующей системы противодействия и борьбы с распространением инфекционных болезней. Эти давние проблемы невозможно было решить быстро в условиях мобилизации миллионов военнообязанных, обладавших к тому же весьма невысоким уровнем бытовой культуры (гигиены). Поэтому указанные проблемы сразу же проявили себя с началом военных действий, оказав существенное влияние на моральное состояние, боеготовность и оперативную способность войск.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг.: сборник документов. Куйбышев, 1942.
2. Приказ Главного начальника снабжения армий Юго-Западного фронта за № 25 от 24 сентября 1914 г.
3. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.
4. РГВИА. Ф. 2126. Оп. 5. Д. 18. Л. 19; Военно-санитарный сборник Юго-Западного фронта. 1915. № 1. Бердичев. С. 3.
5. Красный Крест на Северо-Западном фронте. Петроград, 1915.
6. Санитарно-Эпидемическая организация Инфекционного Отдела Управления Главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста при армиях Западного фронта. Ч. II. М. 1916.
7. Вестник Красного Креста. 1914. № 7.
8. Военно-санитарный сборник Юго-Западного фронта. Бердичев, 1915. № 1.
9. РГВИА. Ф. 2054. Оп. 1. Д. 21. Л. 206.

10. Буторов Н. В. Прожитое (1905–1920). Париж, 2008.
11. Бочкарёва М. Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. М., 2001.
12. Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2009.
13. Лебедев А.С. О работе технических отрядов на передовых позициях: постройка бань, прачечных, дезинсекторов и пр. М., 1915.
14. РГВИА. Ф. 12564. Оп. 74. Д. 46. Л. 200.
15. РГВИА. Ф. 12675. Оп. 4. Д. 21. Л. 27.
16. РГВИА. Ф. 2126. Оп. 5. Д. 18. Л. 18.
17. РГВИА. Ф. 369. Оп. 2. Д. 50. Л. 3.
18. РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 13. Л. 11.
19. РГВИА. Ф. 2126. Оп. 5. Д. 18. Л. 18-19
20. РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 13. Л. 22
21. Приказ армиям Юго-Западного фронта за № 188 от 24 октября 1914 г.
22. РГВИА. Ф. 546. Оп. 7. Д. 14. Л. 15-17.
23. Приказ Главного Начальника Снабжения армий Юго-Западного фронта за № 149 от 5 января 1915 г.
24. РГВИА. Ф. 2054. Оп. 1. Д. 19. Л. 50.
25. РГВИА. Ф. 12593. Оп. 2. Д. 60. Л. 7
26. РГВИА. Ф. 12593. Оп. 2. Д. 60. Л. 6.

REFERENCES

1. Sanitary service of the Russian army in the war of 1914–1917: collection of documents. Kuibyshev, 1942. (In Russ.)
2. Order of the Chief Supply officer of the armies of the Southwestern Front No. 25 of September 24, 1914 (In Russ.)
3. RSMHA. F. 2005. Op. 1. D. 13. L. 9.
4. RSMHA. F. 2126. Op. 5. D. 18. L. 19; Military Sanitary Collection of the Southwestern Front. 1915. No. 1. Berdichev. P. 3.
5. The Red Cross on the Northwestern Front. Petrograd, 1915.
6. Sanitary and Epidemiological Organization of the Infectious Diseases Department of the Office of the Chief Commissioner of the Russian Red Cross Society to the Armies of the Western Front. Part II. Moscow, 1916.
7. Red Cross Bulletin. 1914. No. 7.
8. Military Sanitary Collection of the Southwestern Front. Berdichev, 1915. No. 1.
9. Russian State Military Historical Archive. F. 2054. Op. 1. D. 21. L. 206.
10. Butorov N. V. Lived life (1905–1920). Paris, 2008. (In Russ.)
11. Bochkareva M. Yashka: My Life as a Peasant, an Officer, and an Exile. Moscow, 2001. (In Russ.)
12. Stepun F. A. From the Letters of an Artillery warrant. Tomsk, 2009. (In Russ.)
13. Lebedev A.S. On the work of technical detachments in the forward positions: construction of baths, laundries, desinsectors, etc. Moscow, 1915. (In Russ.)
14. RSHMA. F. 12564. Op. 74. D. 46. L. 200.
15. RSHMA. F. 12675. Op. 4. D. 21. L. 27.
16. RSHMA. F. 2126. Op. 5. D. 18. L. 18.
17. RSHMA. F. 369. Op. 2. D. 50. L. 3.
18. RSHMA. F. 546. Op. 3. D. 13. L. 11.
19. RSHMA. F. 2126. Op. 5. D. 18. L. 18-19
20. RSHMA. F. 546. Op. 3. D. 13. L. 22
21. Order to the armies of the Southwestern Front No. 188 of October 24, 1914 (In Russ.)

22. RSHMA. F. 546. Op. 7. D. 14. L. 15-17.
23. Order of the Chief of Supply officer of the armies of the Southwestern Front No. 149 of January 5, 1915 (In Russ.)
24. RSHMA. F. 2054. Op. 1. D. 19. L. 50.
25. RSHMA. F. 12593. Op. 2. D. 60. L. 7
26. RSHMA. F. 12593. Op. 2. D. 60. L. 6.

Информация об авторах / Information about the authors

Ярослав Владимирович Валяев, доцент, кандидат исторических наук, Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: valjaev_jv@bsaa.edu.ru

Андрей Александрович Крисанов, доцент, кандидат философских наук, Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: krisanov_aa@bsaa.edu.ru

Ольга Станиславовна Акупиан, доцент, кандидат экономических наук, Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: akupijan_os@bsaa.edu.ru

Yaroslav V. Valyaev, PhD (Hist.), Associate Professor, Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin, Belgorod, the Russian Federation, e-mail: valjaev_jv@bsaa.edu.ru

Andrey A. Krisanov, PhD (Philosophy), Associate Professor, Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin, Belgorod, the Russian Federation, e-mail: krisanov_aa@bsaa.edu.ru

Olga S. Akupiyana, PhD (Econ.), Associate Professor, Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin, Belgorod, the Russian Federation, e-mail: akupijan_os@bsaa.edu.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 20.08.2024
Поступила после рецензирования 24.09.2024
Принята к публикации 25.09.2024

Received 20.08.2024
Revised 24.09.2024
Accepted 25.09.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-69-84>
УДК 821.351.22-1(470.67)(09)

Развитие дагестанской поэзии в 1970–1980-е годы: исторический и гендерный аспекты

Г.Ш. Каймаразов, Л.Г. Каймаразова✉

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра Российской академии наук,
г. Махачкала, Российская Федерация
✉kaymarazova@mail.ru*

Аннотация. Актуальность. В статье с учетом неослабевающего интереса к истории художественной культуры народов Российской Федерации, с опорой на принципы историзма и научной объективности, традиционные методы исторического исследования и междисциплинарные методы исследований, в том числе литературоведческие, на основе достоверного фактического материала и наработок современной историографии, получили освещение исторический и гендерный аспекты развития многонациональной дагестанской поэзии в 1970–1980-е гг. Рассматриваемый период, с одной стороны, характеризовался дальнейшей централизацией управления в стране и усилением идеологического контроля за сферой культуры и ее важной отраслью – литературой, с другой, возникновением новых идеологических ориентиров, связанных с началом «перестройки». **Научная новизна** исследования состоит в гендерном подходе интерпретации содержания поэтических произведений дагестанских литераторов в контексте российского историко-литературного процесса в исследуемое двадцатилетие, в характеристике произведений дагестанских поэтов с позиций отражения в них женской тематики, а также темы любви, семейных традиций и ценностей, воспитания подрастающего поколения в духе любви к Родине. Авторами обобщены данные о гендерном составе творческого коллектива поэтов Дагестана с учетом национального представительства, сделаны выводы о возрастании вклада дагестанских поэтесс в развитие поэзии многонационального края, охарактеризованы перспективы и область применения результатов исследования.

Ключевые слова: Дагестан, многонациональный регион, литературный процесс, поэзия, исторический и гендерный аспекты, Дагестанское отделение Союза советских писателей, гендерное представительство, национальное представительство, женщина и женская повседневность в поэтических произведениях

Благодарности. Статья выполнена в рамках коллективного планового исследования Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук «Гендерный аспект социально-культурного развития Дагестана во второй половине XX века».

© Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г., 2024

Для цитирования: Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г. Развитие дагестанской поэзии в 1970–1980-е годы: исторический и гендерный аспекты. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):69–84. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-69-84>

Development of Dagestan poetry in 1970–1980s: historical and gender aspects

G.Sh. Kaymarazov, L.G. Kaymarazova✉

*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, the Russian Federation*

✉kaymarazova@mail.ru

Abstract. The relevance. Due to the unflagging interest to the history of artistic culture of the peoples of the Russian Federation historical and gender aspects of the development of multinational Dagestani poetry in 1970-1980s have been covered in the article. The principles of historicism and scientific objectivity, traditional methods of historical research and interdisciplinary research methods, including literary studies have been considered. The investigated period, on the one hand, was characterized by further centralization of governance in the country and strengthening of ideological control over the sphere of culture and its important branch – literature, on the other hand, the emergence of new ideological guidelines associated with the beginning of «perestroika». The scientific novelty of the research consists in the gender approach to interpreting the content of poetic works of Dagestani writers in the context of the Russian historical and literary process in the studied twenty years, in the characteristics of the works of Dagestani poets from the standpoint of reflecting in them themes of women, as well as themes of love, family traditions and values, education of the younger generation in the spirit of love for the Motherland. The authors have summarized the data on the gender composition of the creative collective of poets of Dagestan, taking into account national representation, drew conclusions about the increasing contribution of Dagestani poetesses to the development of poetry of the multinational region, characterized the prospects and scope of application of the research results.

Keywords: Dagestan, multinational region, literary process, poetry, historical and gender aspects, Dagestan branch of the Union of Soviet Writers, gender representation, national representation, a woman and women's everyday life in poetic works

Acknowledgements. The article is a part of a collective planned study of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences «Gender aspect of the socio-cultural development of Dagestan in the second half of the 20th century».

For citation: Kaymarazov G.Sh., Kaymarazova L.G. Development of Dagestan poetry in 1970–1980s: historical and gender aspects. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(4):69–84. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-69-84>

Введение. Актуальность изучения истории отечественной художественной культуры, в том числе ее важной части – литературного искусства, определяется возрастающей ролью культуры в целом в развитии современного российского общества. Обозначенная проблема актуали-

зировалась и в связи со складывающимся в условиях глобализации приоритетом «общечеловеческих» ценностей над ценностями национальными, что усиливает научный интерес к изучению литературного творчества представителей многонационального и многоконфессионального Севера.

рокавказского региона с его стремлением к сохранению традиционной культуры и использованием культурных традиций в образовательном и воспитательном процессах. Остроту обсуждаемой теме придает процесс коммерциализации современного искусства, в определенной мере ведущий к отказу от сложившейся системы культурных ценностей и приоритетов.

Объекты и методы исследования.

Объектом исследования является дагестанская поэзия 1970–1980-х гг., а предметом – гендерный состав многонационального творческого коллектива литераторов республики и женская тематика в поэтических произведениях дагестанских авторов в контексте общероссийского историко-литературного процесса в обозначенный хронологический отрезок времени.

Определяясь с задачами исследования, авторы пришли к мнению, что для реализации поставленной цели необходимо: оценить общий уровень развития дагестанской национальной литературы и ее ведущей составляющей – поэзии в 1970–1980-е гг.; охарактеризовать гендерное представительство в многонациональном творческом коллективе литераторов республики; показать, какое внимание в своих произведениях авторы уделяли женской тематике.

Методологическую базу исследования определили, прежде всего, принципы историзма и научной объективности, позволяющие оценить изменения в историко-литературном процессе в Дагестане в 1970–1980-е гг., а также методы, применяемые в традиционном историческом и отчасти в литературоведческом исследовании. Сравнительно-исторический метод был использован нами для выявления общего и особенного в творчестве поэтов-мужчин и поэтесс-женщин Дагестана в рассматриваемый период. Проблемно-хронологический – для последовательного отражения событий и их гендерной составляющей в литературной жизни республики за исследуемое двадцатилетие. Описательный – с

целью осветить исторические события и на их фоне женскую тему в интерпретации авторов поэтических произведений. Биографический – для изучения биографии и личности автора произведения с целью выявления определяющих моментов его творчества, в том числе в интересующем нас аспекте. Библиографический – для библиографического обеспечения исследования и изучения творческой лаборатории того или иного дагестанского автора. Гендерный подход позволил отобразить гендерное представительство в писательской организации республики, в том числе с учетом ее многонационального состава, а при краткой характеристике содержания поэтических произведений – получить представление о взаимоотношениях мужчин и женщин в сохраняющем традиции и приверженность нормам ислама дагестанском обществе, их статус, осветить проблему женской повседневности, женского творчества, чувств, переживаний и поведения женщин.

Хронологические рамки статьи продиктованы устоявшимся в российской историографии подходом к периодизации отечественной истории. С начала 1970-х гг. до середины 1980-х гг. в советском литературном творчестве, как и в предыдущие десятилетия, использовался метод социалистического реализма, являвшийся частью идеологической системы и сочетавший в себе как жесткие требования власти к литературе и искусству, так и разнообразие приемов художественного творчества. Со второй половины 1980-х гг. в ходе начавшейся «перестройки» и идеологической подготовки реформы политической системы в общероссийском литературном процессе появляются признаки «идеологического плюрализма». Для дагестанской национальной литературы вторая половина 1980-х гг. в целом оставалась стабильным периодом и характеризовалась ее динамичным развитием, а первые «перестроечные» явления обозначились в работе журналистского корпуса республики, средств массовой информации.

Географические рамки исследования определяются современными географическими границами Республики Дагестан.

В дагестанской исторической литературе проблема изучения истории дагестанской поэзии в 1970–1980-е гг. с точки зрения гендерного подхода практически не разработана. Общие вопросы состояния дагестанской литературы рассмотрены учеными-историками в обобщающем труде «История Дагестана» [1, с. 566–604]. В монографиях и статьях Г.Ш. Каймаразова [2; 3; 4; 5] получили освещение культурно-исторические процессы в Дагестане, роль России в социально-культурной жизни народов республики, культурное строительство в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии в контексте их сотрудничества и взаимодействия. В монографиях Л.Г. Каймаразовой [6; 7] определены основные направления, охарактеризованы источниковая база, методологические принципы исследований по истории культуры народов Дагестана в XX в.

В большей степени интересующие нас вопросы получили освещение, в основном с литературоведческих позиций, в трудах исследователей дагестанских национальных литератур – С.Х. Ахмедова [8], А.М. Вагидова [9], Г.Б. Мусахановой [10], Ф.Х. Мухамедовой [11], Ч.С. Юсуповой [12], М.Г. Юсуфова [13] и др.

Источниковую базу исследования составили произведения дагестанских поэтов и поэтесс, опубликованные в характеризующее двадцатилетие¹⁹ [14; 15;

16; 17], справочная литература [18; 19], библиографические указатели [20; 21], хроники [22; 23], статистические издания, сборники документов и материалов [24], а также документы фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД) и материалы периодических изданий.

Новизна исследования состоит в получении нового научного знания в изучении истории художественной культуры региона, формировании представления о гендерном составе коллектива литераторов Дагестана с учетом национального представительства, освещении женской тематики в дагестанской поэзии в историческом аспекте, применении комплексного методологического подхода, что обусловлено междисциплинарным (историко-литературоведческим) характером исследования.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы и результаты могут быть использованы при дальнейшей разработке проблем истории культуры, гендерной истории Дагестана и Северного Кавказа, создании обобщающих трудов по истории региона, подготовке учебных пособий и спецкурсов для студентов гуманитарных факультетов вузов, а также в работе учреждений культуры.

Результаты и обсуждения. 1970–1980-е гг. стали очередным значимым этапом в развитии дагестанской многонациональной литературы в русле все-российского и мирового художественно-исторического процесса. Самым многочисленным коллективом художественной культуры республики в этот период был Союз писателей Дагестанской АССР. На начало сентября 1972 г. он объединял 80 членов, 70 из которых имели высшее образование. Среди них – 1 лауреат Ленинской премии, 6 народных поэтов, 2 народных писателя, 5 лауреатов республиканской ДАССР премии им. С. Стальского, 4 лауреата республиканской премии ДАССР им. Г. Цадасы, 2 доцента и 3 доктора наук

¹⁹ 5 известных песен на стихи Расула Гамзатова [протитировано 30 августа 2024] Доступно: <https://www.culture.ru/materials/257628/5-izvestnykh-pesen-na-stikhi-rasula-gamzatova>; Фазу Алиева. *Баллада о сыновней клятве* // Глаза добра. М.: Молодая гвардия, 1983. [протитировано 29 августа 2024] Доступно: <https://www.livelib.ru/quote/45452386-glazadobra-fazu-alieva>; Семендужева З. *Судьба девушки* [протитировано 30 августа 2024] Стихи.ру. Доступно: <https://stihi.ru/2018/05/20/1779>; Хаметова Х. *Духовная крепость (Венок сонетов)* [протитировано 27 августа 2024] // Марина Ахмедова-Колубакина. Из лезгинской поэзии. Доступно: <https://stihi-ru.turbopages.org/turbo/stihi.ru/s/2013/08/10/5120>.

[4, с. 81]. В 1976 г. в Союзе писателей числилось 83 члена, а к середине 1980-х гг. дагестанская писательская организация насчитывала более 100 членов Союза писателей СССР и являлась одной из самых крупных в Российской Федерации и в стране. В составе писательской организации республики были представлены мастера практически всех жанров и родов литературы²⁰ [24, с. 29].

На основе союза писателей, а также союзов художников, композиторов, архитекторов, объединяющих творческих работников, шло дальнейшее формирование творческой элиты многонациональной республики. В 1971 г. с целью активной популяризации произведений дагестанских литераторов при Союзе писателей Дагестана было создано специальное бюро пропаганды²¹.

1970–1980-е гг. были отмечены новыми успехами дагестанской многонациональной литературы. За этот период в республике прошли очередные съезды писателей Дагестана: в 1975 г. – VI, в 1980 г. – VII, в 1985 г. – VIII съезды. Традицией стало проведение дней культуры и литературы Дагестана в различных республиках, краях, областях и городах страны. К примеру, в феврале 1971 г. они прошли в г. Москве²², в октябре 1971 г. – в Украинской ССР²³, в марте 1972 г. – в Чувашской АССР²⁴, в 1987 г. – в г. Ульяновске²⁵ и т. д. В 1980 г. в г. Махачкале были проведены Дни российской советской литературы в ДАССР, в которых приняли участие видные писатели, журналисты, издатели РСФСР²⁶. О творческой дея-

тельности дагестанских литераторов, их новых достижений и изданиях, о представлении поэтов и писателей Дагестана к государственным наградам сообщала республиканская периодическая печать²⁷. В 1970 г. Дагестанское отделение Союза советских писателей выступило с инициативой о проведении в г. Махачкале конкурса поэтов²⁸.

Дагестанская литература получила известность в стране и за ее рубежами в первую очередь благодаря поэзии – самой зрелой и самой богатой традициями составляющей дагестанской литературы. В 1980-е гг., ввиду публикации поэтических произведений дагестанских авторов не только на родных языках, но и в переводе на русский язык, языки народов СССР и зарубежья, росла популярность дагестанских поэтов.

Председателем правления Союза писателей Дагестана в характеризуемый нами период являлся народный поэт Дагестана Расул Гамзатов (с 1945 г. – член Союза Писателей СССР, с 1951 г. – председатель правления СП Дагестана). За выдающиеся достижения в области литературы Р. Гамзатов был удостоен звания Героя Социалистического Труда (1974), лауреата Ленинской премии, лауреата государственных премий РСФСР, СССР. Он избирался депутатом Верховного Совета ДАССР, депутатом и членом Президиума Верховного Совета СССР, членом Дагестанского обкома КПСС. Одна за другой в книжных издательствах республики и страны выходили его книги [20]. Многие произведения поэта были проникнуты «женской» темой – чувством глубокого уважения к женщине, дагестанской горюшке («Горянка», «Берегите матерей», «Любимой», «Мулатка», «Остров женщин»).

В ноябре 1980 г. в Москве в Колонном зале Дома союзов и в концертном зале

²⁰ Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД), ф. 1-п, оп. 2, д. 3531, л. 195.

²¹ Там же, ф. 1264-р, оп. 1, д. 116, л. 5

²² Там же, ф. 1-п, оп. 2, д. 3394, л. 4 – 23; ф. 1264-р, оп. 1, д. 110, л. 15 – 16, 30 – 31

²³ Там же, л. 2 – 3.

²⁴ Там же, д. 3621, л. 9.

²⁵ Там же, д. 5958, л. 39.

²⁶ Там же, д. 4822, л. 19.

²⁷ Дагестанская правда, 1970, 25 июня.

²⁸ ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 2, д. 3340, л. 1 – 9.

им. Чайковского состоялись творческие вечера Р. Гамзатова. На вечере в Колонном зале присутствовала первая женщина-космонавт дважды Герой Советского Союза В. Терешкова. В своем выступлении она сказала: «Я всегда с огромным восхищением читаю произведения Расула Гамзатова. Они нас вводят в особый, чудесный мир человечности, любви, доброты. Расул нас восхищает своей особой любовью к женщинам. Желаю нашему Расулу дальнейших творческих побед!» [22, с. 5–6].

В сентябре 1980 г. по Всесоюзному радио прозвучала радиокomпозиция по поэме Р. Гамзатова «Горянка» в исполнении артиста Бориса Телегина [22, с. 8].

В декабре 1980 г. Постановлением Президиума Совета Министров РСФСР поэту Р. Гамзатову была присуждена Государственная премия РСФСР им. М. Горького 1980 года в области литературы за поэму «Берегите матерей» [22, с. 11]. А в ноябре 1980 г. газета «Дагестанская правда» начала публиковать новую поэму Р. Гамзатова «Остров женщин» [22, с. 10]. Отдельным изданием поэма вышла в Москве в 1982 г. в издательстве «Советский писатель» [16].

В поэме «Остров женщин» в стихотворной форме Р. Гамзатов рассказал о своем путешествии на небольшой остров на севере Мексики – Остров Женщин – и об удивительной и волнующей истории, которую он услышал от сопровождавшего его пожилого индейца-проводника. По местной легенде, женщины острова из-за долгого ожидания на берегу пропавших после сильнейшего шторма мужчин превратились в скалы. В поэме поэт не только воспел женскую преданность и любовь, но и показал женщину стойким приверженцем идеи защиты мирной жизни и продолжения человеческого рода. У Р. Гамзатова образ мексиканских островитянок ассоциировался с образом дагестанской горянки – трудолюбивой, терпеливой и верной своему долгу жены и матери.

«Где вершина прильнула к вершине,
Знал я с детства – примета к добру,
Если женщина с полным кувшином
Повстречала тебя поутру.

И вступая навстречу годам,
Перед жизнью любви не тая,
Горской женщине с полным кувшином
Поклоняюсь молитвенно я» [16].

В январе 1982 г. редколлегия журнала «Знамя» присудила ежегодную премию за 1981 г. Р. Гамзатову за поэму «Остров женщин» и за цикл стихов «Автографы» [22, с. 33].

В течение двух лет (1982–1983) в издательстве «Художественная литература» печатается и выходит в свет его подписное пятитомное «Собрание сочинений», в 1983 г. в Дагестанском книжном издательстве к 60-летию поэта – трехтомник «Избранные сочинения» на родном (аварском) языке. В декабре 1983 г. Р. Гамзатову в Риме были вручены диплом и первая премия международного конкурса «Поэзия XX века» за стихотворения «Колокол Хиросимы» и «Молитва» [19, с. 239].

В 1983 г. в Москве выходит еще одна книга Р. Гамзатова – «Очаг», в которой были напечатаны его поэмы «Разговор с отцом», «Зарема», «Берегите матерей!» [17]. В книгу «Очаг» вошли произведения, в которых поэт касался взаимоотношений в семье – родителей и детей, старшего и молодого поколений.

Р. Гамзатову всегда была интересна тема женского труда и женской повседневности. Поэт быстро откликался на обсуждение этой проблемы как на страницах своих многочисленных книжных изданий, так и в средствах массовой информации. В феврале 1984 г. газета «Советская Россия» под заголовком «Руки женщин всей моей державы» опубликовала открытое письмо известного организатора производства, общественного и хозяйственного деятеля Зои Павловны Пуховой – Героя Социалистического Труда, депутата Верховного

Совета СССР, директора Ивановской фабрики им. 8 Марта – к Расулу Гамзатову, и ответ Р. Гамзатова женщине-труженице под заголовком «Поэзия на вашей стороне» [22, с. 84].

О чрезвычайной популярности творчества дагестанского поэта говорили не только выходившие миллионными тиражами книги, но и звучавшие по всей стране песни на его стихи. Сам поэт говорил, что в его текстах «всего две темы – Родина и Женщина»²⁹. Стихотворение Р. Гамзатова «Исчезли солнечные дни» в переводе Е. Николаевской стало основой для трех песенных композиций, каждая из которых получила свое название. Когда в 1980 г. композитор О. Фельцман создал песенный цикл «Дай мне руку, друг», то в него вошла песня «Любимая», которую исполнил И. Кобзон. Стихи дагестанского поэта положил на музыку и композитор Э. Ханок. Эту версию исполнили Л. Сенчина и Л. Лещенко. Но особую популярность стихотворение Р. Гамзатова обрело после того, как оно вдохновило на создание к нему музыки композитора Р. Паулса, предложившего исполнить песню «Исчезли солнечные дни...» эстрадному певцу В. Леонтьеву.

В марте 1985 г. в Москве в спорт-комплексе «Олимпийский» состоялась премьера большого театрализованного представления «С любовью к женщине» по мотивам поэмы Р. Гамзатова «Целую женские руки». Оно было посвящено Международному женскому дню 8 Марта. В концерте были заняты ведущие мастера эстрады и цирка страны [22, с. 84].

Наряду с Р. Гамзатовым в 1970–1980-е гг. осуществляли свою творческую деятельность аварские поэты и писатели Абдулмажид Хачалов, Абдула Даганов, Гаджи Залов, Магомед Исаев, Муса Магомедов, Магомед Сулиманов и др. В 1989 г. членом Союза писателей СССР становится

Магомед Абдулхалимов, в том же году в издательстве «Современник» выходит его повесть «Женщина в черном» [18, с. 50].

1970–1980-е гг. были отмечены творческими успехами целой плеяды даргинских деятелей литературы. В эти годы публиковались произведения даргинских поэтов и писателей – прозаика, драматурга и киноценариста Ахмедхана Абу-Бакара, поэтов Амир Гази, Газим-Бега Багандова («Салам алейкум» (1985), «Закон» (1988), «Кунак» (1981), «Глашатай» (1982), «Святыня» (1983) и др.) [18, с. 101 – 102], Магомеда Гаджиева («Под взором твоим» (1980), «Узоры осени» (1986)), Магомеда Гамидова («Молодость – скакун крылатый» (1980), «Отчий дом» (1981), «Горизонт» (1983), «Заря» (1986), «Родник» (1986), «Хранитель огня» (1988)), прозаика Ильяса Гасанова, поэта Габиба Курбанова («Земля не забудет» (1985), «Красивый огонь» (1988)), прозаика и драматурга, народного писателя Дагестана Магомед-Расула («Дикие груши» (1983), «Папаха и посох» (1987), «Чужой муж» (1988) и др.), народных поэтов Дагестана Сулеймана Рабаданова и Рашида Рашидова («Хороший день» (1980), «Этот мир» (1982), «Иней» (1985), «Цвета и мотивы» (1988) и др.), прозаика и драматурга Зульфугара Зульфугарова и др.

В 1970–1980-е гг. на дагестанском литературном поприще ярко проявили себя кумыкские поэты и писатели. В этот период плодотворно трудился литературный критик, прозаик и публицист Камал Абуков. Кумыкский поэт и переводчик Анвар Аджиев работал председателем Даградиокомитета, главным редактором альманаха «Дружба», член Союза писателей СССР с 1944 г. В 1989 г. в Дагестанском книжном издательстве в цикле «Дагестанские лирики, классики и современники» на кумыкском и русском языках был опубликован сборник стихов народного поэта Дагестана А. Аджиева «Позывные сердца» [18, с. 130 – 131].

Широкой известностью в республике пользовался народный поэт Дагестана,

²⁹ 5 известных песен на стихи Расула Гамзатова [процитировано 30 августа 2024]. Доступно: <https://www.culture.ru/materials/257628/izvestnykh-pesen-na-stikhi-rasula-gamzatova>

прозаик, драматург и переводчик Аткай (Аджаматов Аткай Акимович), член Союза писателей СССР с 1934 г. Перу Аткай принадлежат поэмы «На аульской свадьбе», «Кызыл-Яр», «Сотав и Рашия» и др., а также книги на русском языке «Каменная колыбель», «Постоянство», «Рабият», «Горящий камень», «Белый голубь», «В кругу друзей» [18, с. 147].

Свои произведения в характеризующее десятилетие издавали Багаутдин Аджиев, Магомед-Амин Адильханов, Акай Акаев, Изамит Асеков, Магомед Атабаев, Атав Атаев, Мустафа Гусейнов, Ахмед Джачаев, Абдулкарим Залимханов, Ибрагимхамав Ибрагимов, Ибрагим Керимов, Бадрутдин Магомедов, Магамедшапи Минатуллаев, Гамид Рустамов, Абдул-Вагаб Сулейманов, Камиль Султанов, Магомед-Султан Яхьяев и др.

Достойное место в ряду дагестанских представителей литературного творчества занимали лакские поэты, писатели, драматурги. Интересом у дагестанских читателей пользовались произведения прозаика и драматурга Шахмардана Абдуллаева, поэтов Алекси Абдуллаева и Адама Адамова, поэтов и прозаиков Али Айдаева, Зияутдина Айдамирова, Магомед-Загида Аминова, писателя и публициста Магомеда Бутаева, поэта, прозаика и литературоведа Абачары Гусейнаева, прозаика и публициста Гусейна Гусейнова, поэта, прозаика и драматурга Мирзы Давыдова, прозаика и ученого-историка Ильяса Керимова, поэта, прозаика и драматурга Казбека Мазаева, поэта, прозаика, драматурга и публициста Сугури Увайсова, поэта и прозаика Абакара Мудунова.

Поэт Нуратдин Юсупов, член Союза писателей СССР с 1956 г., приобрел известность как автор многочисленных книг для детей. Но начиналась его публикационная деятельность со сборника стихов «Слово о матери» (1956). Книги Н. Юсупова переводились на русский, узбекский, эстонский, молдавский языки, на языки разных народов мира. В 1985 г.

ему была присуждена премия Союза писателей РСФСР за книгу «Кто кого любит?» (1984). В 1989 г. Н. Юсупов стал лауреатом премии РСФСР им. Н.К. Крупской за книгу «Три подарка» (1987) [18, с. 220–221].

Свой вклад в развитие дагестанской литературы вносили лезгинские поэты и писатели. В их числе прозаик Ахед Агаев, поэт и прозаик Абдул Фатах (Фатахов Абдулфатах), прозаик Курбан Акимов, поэт и прозаик Меджид Гаджиев, прозаик Буба Гаджикулиев, поэт и драматург Ибрагим Гусейнов, поэты, прозаики и драматурги Абдуселим Исмаилов и Абдул Раджабов.

Жамидин (Гаджимурадов Жамидин Гаджимурадович) стал членом Союза писателей СССР в 1965 г. А первая его книга, вышедшая в 1958 г. в оформлении художника Магомеда Юнусилау, принесла Жамидину заслуженную славу профессионального поэта-сатирика. В 1984 г. он опубликовал сборник сатирических стихов на родном языке под броским названием «Слушаюсь». В издательстве «Правда» (г. Москва) в серии библиотечки сатирического журнала «Крокодил» увидел свет сборник его сатирических стихов «Есть обычай в горах» (1986), в издательстве «Советский писатель» – «Возраст горца» (1983), а в Дагестанском книжном издательстве – «День жены» (1988) [18, с. 235–236]. Поэт-сатирик изображал уклад жизни современного ему дагестанского общества, горцев и горянок, прибегая к помощи сатиры, и использовал для этого стихи-миниатюры. В 1980 г. в Союзе писателей РСФСР на заседании Комиссии по сатире и юмору состоялось расширенное обсуждение творчества Жамидина. Выступавшие говорили о творчестве Жамидина как о нерядовом явлении в современной сатирической литературе³⁰ (Арбен Кардаш, 2014).

³⁰ Арбен Кардаш. *Смехотворец* [прочитано 27 августа 2024] // Литературная Россия. 2014. № 26. Доступно: <https://old.litrossia.ru/2014/26/08948.html>

Шах-Эмир Мурадов, поэт, драматург и переводчик, народный поэт Дагестана, член Союза писателей СССР с 1949 г., литературную деятельность начал еще в 1930-е гг. и свой первый сборник стихов посвятил новой жизни в условиях советской действительности. А в изучаемый нами период в Дагестанском книжном издательстве в цикле «Дагестанские лирики: классики и современники» вышел его сборник стихов на лезгинском и русском языках. Ш.-Э. Мурадов – автор более десяти одноактных пьес, многие из которых были поставлены на сценах народных театров и силами самодеятельных драматических коллективов (Писатели Дагестана... 2004, с. 143).

Байрам Салимов, член Союза писателей СССР с 1964 г., народный поэт Дагестана. Первая поэма, созданная Б. Салимовым, называлась «Колечки на пути любви» (1955). Написанные в жанре сатиры и юмора стихи, рассказы, повести полюбили не только дагестанскому читателю, но и обрели известность в разных регионах страны. Б. Салимов – автор двух сборников сатиры и юмора, изданных на русском языке в Москве в приложении к журналу «Крокодил» [18, с. 252].

В изучаемый период читатели познакомились с новыми произведениями табасаранских литераторов: поэта Пирмагомеда Асланова («Преданность», «Ожидание», «Зов матери», «Негасимая заря»), поэта и драматурга Юсуфа Базутаева («Беспокойство», «Язык любви», «Волшебная тропинка из детства», «Трудится сердце», «Мгновения жизни», «Друг мой утро»), поэта Шамиля Казиева («Дыхание рассвета», «Земля и пепел»), поэта и публициста Пирмагомеда Касимова («Солнце над Табасараном», «У меня в кармане сказка»), народного поэта Дагестана, прозаика Муталима Митарова («Судьба абрикосового дерева»), поэта и прозаика Казиахмеда Рамазанова, поэта и прозаика Шахвелла Шахмарданова, поэтессы Гюльбики Омаровой («Трудные буквы»). Среди ногой-

ских деятелей литературы 1980-х гг. следует назвать поэта Мурата Авезова, поэта и прозаика Анварбека Култаева.

Продолжил в эти годы свое творчество и татский прозаик, поэт и драматург, народный писатель Дагестана Хизгил Авшалумов. Х. Авшалумов – член Союза писателей СССР с 1940 г., автор новелл о Шими Дербенди, нескольких одноактных пьес, которые нашли свое сценическое воплощение на сцене Татского народного театра.

Быт, нравы и обычаи татов отображал в своих произведениях, эпической прозе («Братья» (1980), «Судьба» (1983)) (Мусаханова, 1993), в юмористических рассказах прозаик Михаил Дадашев. Нравственные и социальные проблемы общества поднимал в своих произведениях Феликс Бахшиев («Слышать голос твой» (1972), «Мужская любовь» (1974), «Равноправие» (1977), «Семь дней тревоги» (1981), «Белый аист» (1984), «Кардибская осень» (1987) и др.).

В 1970–1980-е гг. достойный вклад в развитие дагестанской поэзии вносили женщины-литераторы.

На характеризуемое двадцатилетие приходится расцвет творчества аварской поэтессы Фазу Алиевой. За годы своей деятельности народная поэтесса Дагестана Ф. Алиева (это почетное звание ей было присвоено в 1969 г.) являлась членом Союза писателей СССР, членом Правления Союза писателей Дагестана, главным редактором журнала «Женщина Дагестана» (с 1971 г.), председателем Дагестанского отделения и членом Всесоюзного Комитета защиты мира, председателем Союза женщин Дагестана.

Надо отметить, что в 1980 г. журнал «Женщина Дагестана», издававшийся поначалу на шести дагестанских, а с 1972 г. – и на русском языках, имел тираж 100 тыс. экземпляров. Для сравнения, республиканский общественно-политический и литературный журнал «Советский Дагестан» на русском языке выпускался

в количестве 13 тыс. экземпляров. Журнал «Женщина Дагестана» имел самый большой тираж среди республиканских журналов и второй после ежедневной республиканской общественно-политической газеты на русском языке «Дагестанская правда», тираж которой составлял 140 тыс. экземпляров³¹.

В Москве в издательстве «Художественная литература» увидели свет «Избранные произведения» Ф. Алиевой в двух томах, в которые вошли стихи и поэмы (Т. 1 в 1980 г., Т. 2 в 1990 г.) [21, с. 35].

Часто темой творчества Ф. Алиевой становилась женщина-горянка, женщина-мать, женщина-труженица, женщина – хранительница домашнего очага. Большое место в ее произведениях отводилось теме патриотизма, воспитания молодого поколения, воспевалась трепетная любовь к большой и малой родине, выражалось уважение к защитникам Отечества. В 1979 г. за цикл военно-патриотических стихов Ф. Алиева была удостоена премии Министерства обороны СССР. В 1983 г. в Москве в издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник Ф. Алиевой «Глаза добра», куда были включены лирические стихотворения, стихи о комсомоле и поэма «Восхождение», посвященная мужественному интернациональному подвигу воинов Советской армии в Афганистане.

«Ты – горец, а значит, и горд, и твёрд,
И полон бесстрашных стремлений,
Я верю, нет бури такой,
Чтоб смогла поставить тебя на колени,

Но трижды встаёт на колени джигит,
Так прадеды нам велели:
Встаёт перед матерью, родником
И первенцем в колыбели»³².

³¹ ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 2, д. 4597, л. 67.

³² Фазу Алиева. *Баллада о сыновней клятве* [протитировано 28 августа 2024] // Глаза добра. М.: Молодая гвардия, 1983. Доступно: <https://www.livelib.ru/quote/45452386-glaza-dobra-fazu-alieva>

В 1985 г. в Москве в издательстве «Современник» была издана книга Ф. Алиевой «Горный мед» (Алиева, 1985), в которую вошли стихи, баллады, легенды, поэмы. Стихи о любви к родному краю и к большой многонациональной Родине составили лирический сборник поэтессы «Звезда судьбы моей», увидевший свет в издательстве «Советская Россия» (Москва) в 1989 г. [15].

В изучаемое двадцатилетие профессиональное литературное образование получила уроженка Ахвахского района республики Машидат Гаирбекова, окончившая Литературный институт им. М. Горького в г. Москве. М. Гаирбекова работала редактором аварского выпуска журнала «Женщина Дагестана», директором Аварского музыкально-драматического театра им. Г. Цадасы, редактором аварского выпуска журнала «Дружба». Лейтмотивом ее творчества стала тема женщины-горянки. Она – автор поэтических («Далекая сестра», «Слово горянки» и др.) и драматургических («Дочь чабана», «В день свадьбы», «Любовь и семья», «Белый платок невесты», «Я – братьев сестра») произведений. В 1981 г. М. Гаирбекова стала лауреатом республиканской премии им. С. Стальского, ей было присвоено почетное звание заслуженного деятеля культуры ДАССР [18, с. 57].

Аварская поэтесса Майсарат Лабазанова, член Союза писателей СССР с 1988 г., работала старшим редактором аварского выпуска журнала «Литературный Дагестан». В 1980-е гг. в дагестанских издательствах выходят ее поэтические сборники «Памятник любви» (Дагкнигоиздат, 1981), «Желание» (Дагкнигоиздат, 1986), «Яркий луч любви» (Дагучпедгиз, 1988). Внутренний мир современной горянки, ее радости и переживания, надежды и их воплощение в жизнь – это то, что волнует поэтессу и выливается в стихотворную форму ее произведений.

Поэтесса Майсарат Магомедова, также выпускница Литературного института

им. М. Горького, выпустила первую книгу своих стихов «Ожидание» в 1968 г. в Дагестанском книжном издательстве на родном языке. В последующие годы в издательствах республики вышли поэтические сборники «Запоздалый дождь» (1977), «Памятники любви» (1981). Стихи Майсарат Магомедовой (в переводе М. Авакумовой), посвященные описанию внутреннего мира современной горянки, вошли в сборник «Горянки», напечатанный в издательстве «Современник» в 1987 г. [18, с. 71].

На страницах аварской республиканской газеты «Красное знамя» и в журнале «Дружба», а затем в газетах «Комсомолец Дагестана» и «Дагестанская правда» публиковала свои стихи Зулайпат Алиева [18, с. 52].

В 1985 г. редактором аварского выпуска журнала «Женщина Дагестана» стала работать поэтесса Залму Батирова [18, с. 54].

В творческую летопись кумыкской поэзии также вписаны женские имена. Среди них – Патимат Абукова, поэтесса и переводчик, автор поэтических сборников «Надежда моя», «Верю», «Теплый дождь» [18, с. 128], поэтесса, переводчица и публицист Шейит-Ханум Алишева, выпускница Литературного института им. М. Горького, редактор кумыкских выпусков журналов «Женщина Дагестана» и «Соколенок». В 1970 – 1980-е гг. вышли ее поэтические сборники «Тепло ладони» (1975), «Песня в дороге» (1981), «Качели» (1984), «Звездное эхо» (издательство «Современник», 1984), «Я танцую» (1986). В 1987 г. издательство «Современник» выпустило сборник «Горянки», в который вошли и стихи Ш.-Х. Алишевой в переводе на русский язык [18, с. 137].

Поэтесса Джагинат Керимова – член Союза писателей СССР с 1985 г., переводила на кумыкский язык стихи каракалпакских, узбекских и дагестанских поэтов. Д. Керимова – автор поэтических книг «Одинокая скала» (1984), «Солнечные часы» (1986), «Победительница» (1986), «О женщины, женщины!» (1990) [18, с. 158].

Писательница-лачка Курзи Кажлаева 25 лет – с 1952 по 1977 г. – работала редактором в издательстве Дагучпедгиз, собирала и публиковала лакский фольклор, печатала рассказы, героями которых были дагестанцы, труженики и труженицы гор [18, с. 200].

Поэтесса Салимат Курбанова стала членом Союза писателей СССР в 1977 г. Печататься начинала в районной газете, лакском выпуске альманаха «Дружба» и журнале «Женщина Дагестана». В характеризуемый период вышли ее поэтические сборники «В одном строю» (1970), «Мои стихи» (1973), «Песни горного ручья» (1976), «Благословенна наша жизнь» (1977), «Пахлеван» (1979), «Доверие» (1981), «Свет» (1985), «От весеннего ветра» (1987), «Звезды на камнях» (1988). Ее стихи, в переводе на русский язык М. Ахмедовой-Колубакиной, в 1987 г. были опубликованы в сборнике «Горянки», выпущенном издательством «Современник» (г. Москва) [18, с. 204]. Многие из стихов Народной поэтессы Дагестана С. Курбановой были положены на музыку дагестанских композиторов.

Поэт, прозаик и журналист Миясат Шурпаева в 1985 г. издала свой второй сборник стихов под названием «Беспокойное сердце». М. Шурпаева публиковала свои стихи и в коллективных изданиях на лакском и русском языках. В 1980-е гг. вышли две книги прозы М. Шурпаевой: «Рассказы» (1987) и «Судьбы отцов» (1989) [18, с. 218 – 219].

Лезгинская поэтесса Ханбиче (Хаметова Ханбиче) была секретарем Правления Союза писателей Дагестана, руководила секцией лезгинских писателей, работала редактором журнала «Соколенок» на лезгинском языке. В 1970-е гг. в издательствах «Современник» и «Советский писатель» увидели свет ее книги «Гордая волна», «Лирика», «Избранное» на русском языке. В 1974 г. Х. Хаметова становится членом Союза писателей СССР. В 1980-е гг. с расцветом поэтического таланта Ханбиче

растет количество изданных книг поэтессы: «Капля и камень» (1980), «Оранжевый звездопад» (1982), «Письма к Ирине» (1984), «Доверие» (1985), «Дорогой, дорогой» (1987), «Белая песня» (1988) и т. д. В 1985 г. ей была присуждена республиканская премия им. С. Стальского за книгу «Письма к Ирине», а в 1988 г. – общественная литературная премия им. Е. Эмина за «Венки сонетов», посвященных классику лезгинской литературы Е. Эмину, воспевавшего красоту дагестанских горянок. В 1992 г. Х. Хаметовой было присвоено почетное звание Народной поэтессы Дагестана [18, с. 255 – 256].

«Избегнут и забвения, и тлена
Обычай народа моего,
Чьи девушки красивы неизменно,
Отважны парни все до одного.

Упорно воспевавшее добро,
Со злобою умеющее биться
Эмина справедливое перо,
Наверно, из крыла волшебной птицы.

Он им воспел небесные черты
Простой горянки, страстно им любимой...
Пусть не дарили женщинам цветы,
Зато читали им стихи Етима.

Стеснялись горцы нежных чувств своих,
Но строки, что писались для двоих,
Для всех служили образцом признаний»³³.

Ногайская поэтесса, прозаик и драматург, народный писатель РД Бийке Кулунчакова стала членом Союза писателей СССР в 1979 г., а затем членом Правления Союза писателей Республики Дагестан. В 1989 г. вышел в свет сборник стихов поэтессы «Думы мои».

Талантливая и популярная, трагически и рано ушедшая из жизни ногайская

³³ Хаметова Х. *Духовная крепость (Венок сонетов)* [процитировано 30 августа 2024] // Марина Ахмедова-Колубакина. Из лезгинской поэзии. Доступно: <https://stihi-ru.turbopages.org/turbo/stihi.ru/s/2013/08/10/5120>

поэтесса Кадрия Темирбулатова (Кадрия) (1948–1978) была выпускницей Литературного института им. М. Горького (Москва). В 1972 г. она стала членом Союза писателей СССР, а двумя годами раньше, в 1970 г., в Дагестанском книжном издательстве вышла ее первая книга стихов на родном языке «Горы начинаются с равнины». Вторая книга поэтессы «Тропинка» была издана Карачаево-Черкесским книжным издательством в г. Черкесске в 1972 г. В последующие годы в дагестанских издательствах выходят ее книги «Песни юности», «Удивление» и другие. В 1975 г. в Москве увидели свет в издательстве «Молодая гвардия» книга стихов на русском языке «Улыбка луны», а в издательстве «Современник» – сборник стихов «Спасенная звезда». За книгу «Улыбка луны» Кадрия была удостоена республиканской премии Ленинского комсомола ДАССР.

Жизнь современной женщины Дагестана воссоздавала на страницах своих произведений татская поэтесса Зоя Семендужева («Желание сердца» (1967), «Счастливая горянка» (1971), «Радуга» (1974), «У родника» (1979)). В ее изображении дагестанка – и мать, и верная подруга, и передовая труженица, и активная участница общественной жизни.

И гордо по жизни горянка шагает,
Повсюду свои защищая права,
И с радостным сердцем теперь проклинаят
Ее проклинаявшие раньше слова...³⁴

В 1981 г. вышел стихотворный сборник З. Семендуевой «Учитель», а в 1984 и 1988 гг. – еще два сборника на татском языке. Особенно близка была поэтессе была тема борьбы за мир и роли женщин в этой борьбе [18, с. 312].

В сокровищницу литературы народов Дагестана вошли произведения русских литераторов. Среди них сочинения поэта,

³⁴ Семендужева З. *Судьба девушки* [процитировано 30 августа 2024] // Стихи.ру. Доступно: <https://stihi.ru/2018/05/20/1779>

переводчика и публициста Марины Ахмедовой-Колюбакиной. Она стала автором поэтических сборников: «Отчий свет» (1982), «Високосный век» (1984), «Осень столетия» (1987), «Твой образ» (1987). Стихи М. Ахмедовой-Колюбакиной переведены на украинский, туркменский, болгарский и многие дагестанские языки [18, с. 256].

В 1984 г. в связи с 50-летием Союза писателей СССР Союз писателей Дагестана попросил одобрить кандидатуры на представление к государственным наградам. В списке было 11 фамилий, в том числе 9 мужских (Анвар Аджиев, Аткай Аджаматов, Магомед Абасов, Нариман Алиев, Магомед-Загид Аминов, Ильяс Гасанов, Гаджи Гашаров, Владимир Носов, Магомед-Расул Расулов) и 2 женских (Умукурсюн Мантаева и Умарахиль Шапиева)³⁵.

Заключение. Таким образом, в характеризующий нами период – 1970–1980-е гг. – поэзия оставалась основой литературы народов многонациональной республики. Росла известность дагестанских авторов благодаря поддержке государства и публикации их произведений на родных, русском и иностранных языках, не только в самом Дагестане, но и во всей стране, а также за ее рубежами. За исследуемое двадцатилетие выросли численность, профессиональный уровень, общественная активность творческого дагестанского писательского коллектива в целом и коллектива женщин-литераторов в республике в частности. Заметно повысился вклад дагестанских поэтесс в развитие многонациональной литературы народов Дагестана. В конце 1980-х гг. в Дагестане на профессиональном литературном поприще трудились более 180 поэтов и писателей, из них – около 20 женщин, или 11% от общего числа литераторов республики. Среди поэтов, прозаиков, переводчиков аварской

национальности женщины-литераторы составляли 20,6%, даргинской – 11%, кумыкской – 18,4%, лакской – 10,7%, лезгинской – 7,5 %, ногайской – 33,3%, табасаранской – 12,5%, татской – 25%. Надо иметь ввиду, что достаточно высокий процент из числа приводимых показателей вовсе не означает, что этим видом творческой деятельности занималось много женщин, или наоборот, низкий процент свидетельствует о противоположном (к примеру, реальное соотношение среди ногайских литераторов было таковым: из 3 литераторов ногайской национальности была одна женщина, а из 40 литераторов лезгинской национальности было 3 женщины) (подсчитано по книге-справочнику «Писатели Дагестана – XX век» – авт.).

Обобщение изученного фактического материала позволяет сделать вывод о том, что наряду с историко-революционной, военно-патриотической, производственно-бытовой, сатирической темами в поэтических произведениях часто поднималась женская тематика, связанная с темами любви, семейных традиций и ценностей, воспитания подрастающего поколения.

Перспективы дальнейшего изучения проблемы связаны с ее комплексным исследованием на протяжении значительного хронологического периода, включающего переломные этапы истории (революционные события, войны), когда гендерные роли мужчин и женщин претерпевали трансформацию, что находило отражение в литературных, в том числе, в поэтических произведениях, ее углубленной разработкой в рамках как исторического, так и литературоведческого исследования, а также с выявлением новых архивных источников, привлечением эго-документов, визуальных источников, позволяющих расширить проблематику гендерной составляющей социально-культурного исторического процесса в условиях многонационального и многоконфессионального Северокавказского региона.

³⁵ ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 2, д. 5571, л. 32–34.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2. XX век. Махачкала: Юпитер, 2005.
2. Каймаразов Г.Ш. Россия и прогресс культуры народов Дагестана (40–70-е годы XX в.). Ч. 2. Махачкала: Овчинников, 2011.
3. Каймаразов Г.Ш. Взаимодействие России и Дагестана в сфере художественной культуры в 80-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Ч. II. Тамбов: Грамота. 2012. № 12. С. 89-93.
4. Каймаразов Г.Ш. Россия и прогресс культуры народов Дагестана (80-е годы XX в. – 2010 г.). Часть третья. Махачкала: АЛЕФ, 2014.
5. Каймаразов Г.Ш. Культурное строительство в автономных республиках Северного Кавказа. 1961–1980 гг. История. Проблемы взаимодействия. Ч. 2. Махачкала: АЛЕФ, 2018.
6. Каймаразова Л.Г. Культурное строительство в Дагестане. 1970–1980 гг. (Источниковедческий анализ документов ЦГА РД). Махачкала: АЛЕФ, 2012.
7. Каймаразова Л.Г. Историография культуры народов Дагестана. XX век. Махачкала: АЛЕФ 2013.
8. Ахмедов С.Х. История лакской литературы: в 3 т. Т. 3. 1960–2010 годы. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011.
9. Вагидов А.М. Очерки даргинской литературы 1960–1990-х годов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013.
10. Мусаханова Г.Б. Татская литература. (Очерк истории. 1917–1990). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1993.
11. Мухамедова Ф.Х. Дагестанская детская литература: историко-литературный очерк. Махачкала: Тип. Даг. науч. центра РАН, 2001.
12. Юсупова Ч.С. Дагестанская поэзия 1965–1985-х годов. Махачкала: ИИЯЛИ, 2012.
13. Юсуфов М.Г. Табасаранская национальная литература. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994.
14. Алиева Ф. Горный мед: Стихи и поэмы / пер. с авар. М.: Современник, 1985.
15. Алиева Ф. Звезда судьбы моей. М.: Сов. Россия, 1989.
16. Гамзатов Р. Остров женщин: новые стихи и поэмы. М.: Сов. писатель, 1982.
17. Гамзатов Р.Г. Очаг: поэмы. М.: Дет. литература, 1983.
18. Писатели Дагестана – XX век / автор-сост. Ахмедов М. Махачкала: Юпитер, 2004.
19. Писатели советского Дагестана (1934–1984) / автор-сост. Забора П.Ф. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1984.
20. Расул Гамзатов. К 100-летию со дня рождения: указатель произведений Р. Гамзатова и литературы о его жизни и творчестве, опубликованных на русском языке и языках народов СССР, России, государств ближнего и дальнего зарубежья. 2-е изд. исп. и доп. / сост. Ахмедова С.А. Махачкала: Мастер, 2023.
21. Талисман Страны гор: (К 90-летию со дня рождения Фазу Алиевой, народного поэта Дагестана): библиографический указатель / сост. Асадулаева П.М. Махачкала, 2022.
22. От съезда к съезду (1980–1985) / автор-сост. Забора П.Ф. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1985.
23. От съезда к съезду (1975–1980). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1980.
24. Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1941–1977. Т. 2. Документы и материалы / под ред. Магомедова П.М. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988.

REFERENCES

1. History of Dagestan from ancient times to the present day: in 2 volumes. Vol. 2. XX century. Makhachkala: Jupiter, 2005. (In Russ.)
2. Kaymarazov G.Sh. Russia and the progress of culture of the peoples of Dagestan (1940–70s). Part 2. Makhachkala: Ovchinnikov, 2011. (In Russ.)
3. Kaymarazov G.Sh. Interaction of Russia and Dagestan in the sphere of artistic culture in 1980s // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and practical issues): in 3 parts. Part II. Tambov: Gramota. 2012. Issue 12. P. 89-93. (In Russ.)
4. Kaymarazov G.Sh. Russia and the Progress of Culture of the Peoples of Dagestan (1980 – 2010). Part Three. Makhachkala: ALEF, 2014. (In Russ.)
5. Kaymarazov G.Sh. Cultural Construction in the Autonomous Republics of the North Caucasus. 1961–1980. History. Problems of Interaction. Part 2. Makhachkala: ALEF, 2018. (In Russ.)
6. Kaymarazova L.G. Cultural Construction in Dagestan. 1970–1980. (Source Study Analysis of Documents of the Central State Archive of the Republic of Dagestan). Makhachkala: ALEF, 2012. (In Russ.)
7. Kaymarazova L.G. Historiography of the Culture of the Peoples of Dagestan. 20th Century. Makhachkala: ALEF 2013. (In Russ.)
8. Akhmedov S.Kh. History of Lak literature: in 3 volumes. Vol. 3. 1960–2010. Makhachkala: IYALI DSC RAS, 2011. (In Russ.)
9. Vagidov A.M. Essays on Dargin literature of 1960–1990s. Makhachkala: IYALI DSC RAS, 2013. (In Russ.)
10. Musakhanova G.B. The Tata literature. (Essay on history. 1917–1990). Makhachkala: Doug. book publishing house, 1993. (In Russ.)
11. Mukhamedova F.Kh. Dagestan children's literature: historical and literary essay. Makhachkala: Type. Doug. scientific Center RAS, 2001. (In Russ.)
12. Yusupova Ch.S. Dagestan poetry 1965–1985s. Makhachkala: IYALI, 2012. (In Russ.)
13. Yusufov M.G. Tabasaran national literature. Makhachkala: Dag. book publishing house, 1994. (In Russ.)
14. Alieva F. Mountain honey: Poems and epics / translated from Avar. M.: Sovremennik, 1985. (In Russ.)
15. Alieva F. Star of my fate. M.: Sov. Rossiya, 1989. (In Russ.)
16. Gamzatov R. Island of women: new poems and poems. M.: Sov. pisatel, 1982. (In Russ.)
17. Gamzatov R.G. Hearth: poems. M.: Children's literature, 1983. (In Russ.)
18. Writers of Dagestan – XX century / compiled by Akhmedov M. Makhachkala: Jupiter, 2004. (In Russ.)
19. Writers of the Soviet Dagestan (1934–1984) / compiled by Zabora P.F. Makhachkala: Dag. book publishing house, 1984. (In Russ.)
20. Rasul Gamzatov. On the 100th anniversary of his birth: index of works by R. Gamzatov and literature about his life and work, published in Russian and the languages of the peoples of the USSR, Russia, and near and far abroad. 2nd ed. revised and enlarged / compiled by Akhmedova S.A. Makhachkala: Master, 2023. (In Russ.)
21. Talisman of the Country of Mountains: (On the 90th anniversary of the birth of Fazu Aliyev, people's poet of Dagestan): a bibliographic index / compiled by Asadulaeva P.M. Makhachkala, 2022. (In Russ.)
22. From congress to congress (1980–1985) / author-compiler Zabora P.F. Makhachkala: Dag. book publishing house, 1985. (In Russ.)
23. From congress to congress (1975–1980). Makhachkala: Dag. book publishing house, 1980. (In Russ.)
24. Cultural construction in the Dagestan ASSR. 1941–1977. Vol. 2. Documents and materials / edited by Magomedov P.M. Makhachkala: Dag. book publishing house, 1988. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Гани Шихвалиевич Каймаразов, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана. Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, Российская Федерация, e-mail: kaymarazova@mail.ru

Лейла Ганиевна Каймаразова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана. Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, Российская Федерация, e-mail: kaymarazova@mail.ru

Ganish Sh. Kaymarazov, Dr Sci. (Hist.), Professor, Chief researcher, the Department of Modern and Contemporary History of Dagestan Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences Makhachkala, the Russian Federation, e-mail: kaymarazova@mail.ru

Leyla G. Kaymarazova, PhD (Hist.), Leading researcher of the Department of Modern and Contemporary History of Dagestan Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences Makhachkala, the Russian Federation, e-mail: kaymarazova@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 19.08.2024
Поступила после рецензирования 14.09.2024
Принята к публикации 15.09.2024

Received 19.08.2024
Revised 14.09.2024
Accepted 15.09.2024

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-85-98>
УДК 373.3.016:51

О выборе методов обучения в процессе математической подготовки будущего учителя начальных классов

Н.М. Евтыхова✉

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Российская Федерация
✉nafiseta@yandex.ru

Аннотация. Актуальность. Проблема выбора методов обучения всегда вызывала много трудностей. В настоящее время педагогическая наука накопила достаточно большой арсенал педагогических технологий и методик, а в последние годы актуализировалась цифровая трансформация всей системы образования. В этих условиях организация учебной деятельности студентов, выбор эффективных методик обучения становятся достаточно сложной задачей для преподавателя.

Важнейшей составной частью образования современного учителя начальных классов является его предметная компетентность, к ее числу относится и математическая компетентность. Математическая подготовка будущих учителей начальных классов предполагает формирование функциональной математической грамотности обучающихся и включает в себя глубокое владение теоретическими основами начального курса математики, умение применить их в практической деятельности. Несмотря на имеющиеся в достаточно большом количестве публикации, затруднительно найти исследования, отражающие гармоничное сочетание традиционных и цифровых технологий в предметной (в частности, математической) подготовке будущих учителей начальных классов, что позволяет нам говорить об актуальности данной темы.

Проблема исследования заключается в выявлении наиболее эффективных педагогических методик и технологий и цифровизации образовательного процесса в условиях смешанного обучения математике будущих учителей начальных классов.

Фундаментальной задачей является исследование образовательного процесса начального общего образования в условиях цифровизации как всей жизни общества, так и образования, описание возможных моделей организации образовательного процесса и коррекции содержания образования с учетом требований, выдвигаемых цифровизацией.

© Евтыхова Н.М., 2024

Цель данной статьи – показать необходимость грамотного сочетания традиционных и инновационных технологий и методик обучения математике будущих учителей начальных классов в новых условиях цифровой трансформации образования.

Методы исследования: анализ источников и литературы по теме исследования, наблюдение, обобщение опыта применения различных педагогических технологий и методов в учебной деятельности студентов – будущих учителей начальных классов. Использовались общелогические методы научного исследования.

Результаты исследования и выводы: автором проанализированы и обобщены нормативные документы, исследования по применению современных технологий, в том числе по цифровизации учебной деятельности, и представлена модель процесса обучения математике будущих учителей начальных классов.

Исследование показало необходимость разработки учебно-методических пособий в традиционной и цифровой форме по внедрению этой модели в учебный процесс.

Ключевые слова: математическая подготовка будущих учителей начальных классов, педагогические технологии и методы обучения математике, цифровизация образования, цифровая педагогика

Для цитирования: Евтыхова Н.М. О выборе методов обучения в процессе математической подготовки будущего учителя начальных классов. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):85–98. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-85-98>

Revisiting the choice of teaching methods in mathematical training of a future primary school teacher

N.M. Evtykhova✉

Adygh State University, Maikop, the Russian Federation

✉nafiseta@yandex.ru

Abstract. The relevance. The problem of choosing teaching methods has always caused many difficulties. Currently, pedagogical science has accumulated a fairly large arsenal of pedagogical techniques and methods, and in recent years, the digital transformation of the entire education system has become relevant. In these conditions, the organization of students' educational activities, the choice of effective teaching methods becomes a rather difficult task for a teacher.

The most important component of the education of a modern primary school teacher is his/her subject competence, which includes mathematical competence. Mathematical training of future primary school teachers involves formation of functional mathematical literacy of students and includes a deep knowledge of the theoretical foundations of the basic course of Mathematics, the ability to apply them in practical activities. Despite the existing fairly large number of publications, it is difficult to find studies reflecting a harmonious combination of traditional and digital technologies in the subject (in particular, mathematical) training of future primary school teachers, which allows us to talk about the relevance of this topic. **The problem** of the research is to identify the most effective pedagogical methods and technologies and digitalization of the educational process in the context of blended learning of Mathematics for future primary school teachers.

The fundamental task is to study the educational process of primary general education in the context of digitalization, both of the entire life of society and of education, to describe possible models of organizing the educational process and correcting the content of education, taking into account the requirements put forward by digitalization.

The goal of the research is to show the need for a competent combination of traditional and innovative technologies and methods of teaching Mathematics to future primary school teachers in the new conditions of digital transformation of education.

The research methods used are analysis of literature on the topic of the research, observation, generalization of the experience of applying various pedagogical technologies and methods in the educational activities of students – future primary school teachers. General logical methods of scientific research have been used.

The research results and conclusions: regulatory documents have been analyzed and summarized, application of modern technologies, including digitalization of educational activities have been studied, and a model of the process of teaching mathematics to future primary school teachers has been presented. The research has revealed the need to develop teaching aids in traditional and digital form for the implementation of this model in the educational process.

Keywords: mathematical training of future primary school teachers, pedagogical technologies and methods of teaching Mathematics, digitalization of education, Digital Pedagogy

For citation: Evtykhova N.M. Revisiting the choice of teaching methods in mathematical training of a future primary school teacher. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(4):85–98. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-85-98>

Введение. Начальный период обучения в школе является одним из важнейших периодов в жизни человека. Из маленьких учеников затем рождаются ученые, политики, вожди и владельцы компаний, врачи и учителя, и т. д. Совершенно очевидно, что от учителя во многом зависит, насколько успешными будут в дальнейшем дети, которых они обучают. Только учителю начальных классов оказывается стопроцентное доверие их учеников. А значит, и ответственность учителя должна быть стопроцентной. Это касается и процесса формирования основ фундаментальных знаний в разных предметных областях. Необходимым и достаточным условием качественной профессиональной подготовки будущего учителя начальных классов является, в числе прочих, формирование теоретических основ начального курса математики. Владение прочными знаниями позволит будущему учителю сориентироваться в разнообразии учебно-методических комплексов для начальных классов, которые рекомендованы или не рекомендованы Министерством просвещения, а также критически отнестись к огромному потоку электронных пособий, которые представлены в интернет-пространстве. Ведь недаром для работы учителем начальных классов требуется

высшее образование, а математика является профилирующей дисциплиной в их профессиональной подготовке.

Практика последних лет показывает, что математическая подготовка поступающих на педагогические факультеты оставляет желать лучшего. Возникает проблема: как на основе слабой математической базы сформировать учителя с высоким уровнем теоретических математических знаний?

Перед преподавателями вузов встает задача организации учебной деятельности и выбора методов обучения математике, удовлетворяющих современным требованиям общества.

Объекты и методы исследования.

Минобрнауки России, совместно с Российской академией наук и Российской академией образования, на основе аналитических данных о состоянии математического образования на различных уровнях образования в 2013 г. была разработана Концепция развития математического образования в Российской Федерации, которая представляла собой систему взглядов на базовые принципы, цели, задачи и основные направления развития математического образования в Российской Федерации. Основной целью в Концепции представлена необходимость вывести российское математическое образование

на лидирующие позиции в мире. [1] Ее реализация прописана на разных уровнях образования. Важнейшей частью является подготовка квалифицированных кадров для достижения целей концепции математического образования. С течением лет основные позиции концепции не потеряли своей актуальности, а даже, наоборот, приобрели новые оттенки в связи с цифровизацией образования.

Еще А.А. Столяр писал: «...обучение математике есть в определенной мере и обучение математической деятельности. Это исходное положение можно рассматривать как, собственно, педагогико-математический принцип, характеризующий определенную концепцию обучения математике...». Далее А.А. Столяр выделяет следующие элементы процесса обучения: «...а) цели обучения (для чего мы учим?); б) объект обучения (кого мы учим?); в) содержание обучения (чему мы учим?); г) методы обучения (как мы учим?)» [2].

Отвечая на эти вопросы, мы можем сказать примерно так: начнем с того, кого мы учим – будущих учителей начальных классов.

Чему мы учим: теоретическим основам начального курса математики. И здесь важно понимать, что содержание обучения математике в вузе тесно связано с содержанием математики в начальной школе. Очевидно, что оно включает в себя «Арифметику», но и много других вопросов включено в современные учебники как непосредственно, так и косвенно. Например: элементы дискретной математики – теории множеств, математической логики, теории вероятностей и комбинаторики, теории алгоритмов, алгебры, геометрии и теории величин и т. д. На первый взгляд несложный материал отличается тонкостями и нюансами, на которые, как правило, не обращают внимания на математических факультетах педагогических вузов или не делают специальных акцентов. Это касается различных подходов в определении целых неотрицательных чисел, построе-

нии логических конструкций, в определении скалярно-аддитивных величин и т. д. Слабая математическая подготовка абитуриентов, выбирающих педагогические профессии, вынуждает нас более внимательно относиться к вопросам школьной математики. Это касается и умений быстро и рационально производить вычисления, решать текстовые арифметические задачи, решать геометрические задачи, комбинаторные и вероятностные задачи, осуществлять геометрические построения (многие не умеют пользоваться инструментами для геометрических построений), умений осуществлять доказательства, четко формулировать определения понятий и т. п.

Зачем мы учим – определяется целями профессиональной математической подготовки будущего учителя начальных классов. Она включает глубокое владение математическими знаниями, развитие качеств мышления, необходимых для математической деятельности; формирование представлений об идеях и методах математики, о математике как форме описания и методе познания действительности и формирование представлений о математике как части общечеловеческой культуры, понимания значимости математики для общественного прогресса и т. д. в конечном итоге – формирование функциональной математической грамотности студентов. Оно в данном контексте включает, в числе прочих, умение применить математические знания в своей педагогической деятельности. А.Л. Семенов, А.А. Муранов, С.А. Поликарпов отмечают, что: «...уже на уровне начальной школы должна быть сформирована математическая грамотность, необходимая для дальнейшего эффективного обучения на уровне основного образования, а также заложены ключевые математические навыки для жизни в условиях цифрового общества. Наше исследование показывает необходимость существенной коррекции содержания курса математики в начальном общем образовании в направлении обучения использованию

цифровых средств математики. Такие изменения содержания неразрывно связаны с изменением методики преподавания и включением в деятельность учащихся цифровых инструментов. ... Представляется также важным по итогам обучения в начальной школе сформировать у учащихся представление о математике как об интересном, современном и повседневно нужном предмете. Кроме того, одна из ключевых задач современной начальной школы – сформировать компетенции, необходимые для дальнейшего успешного обучения, к которым относятся компетенции в области использования цифровых технологий в жизни и образовательной деятельности» [3]. Только грамотный учитель сможет заложить у детей основы функциональной математической грамотности. Соответственно, математически компетентный специалист ориентируется в потоке учебной и методической литературы и выберет свою уникальную траекторию обучения детей, учитывающую особенности каждого конкретного класса.

Как учим: выбор методов обучения математике – одна из сложнейших проблем для преподавателя, требует владения различными технологиями и методами обучения применительно к обучению в вузе.

Нельзя не согласиться с утверждением Е.И. Деза о том, что «качество подготовки педагога... должно оцениваться по тому, насколько досконально он знает свой предмет, владеет современными методиками и умеет пользоваться современными возможностями, в том числе связанными с цифровыми технологиями» [4]. Так, в распоряжении Правительства РФ от 18.10.2023 № 2894-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 02.12.2021 № 3427-р» отмечается, что «Целью стратегического направления яв-

ляется достижение высокой степени «цифровой зрелости» сферы образования на базе единого, качественного, безопасного образовательного пространства, построенного с учетом предоставления равного доступа к качественному верифицированному цифровому образовательному контенту и цифровым образовательным сервисам на всей территории Российской Федерации для всех категорий участников образовательных отношений», при этом «Приоритетами стратегического направления являются сохранение и усиление традиционных форм образования с помощью информационных технологий для достижения высокого уровня цифрового развития образовательной деятельности («цифровая зрелость» сферы образования)» [5].

На сайте On-skills.ru перечислены наиболее актуальные современные педагогические технологии в условиях реализации обновленных ФГОС: технологии проблемного обучения, развивающего обучения, модульного обучения, проектного обучения, сотрудничества, интерактивного обучения, дистанционного обучения, критического мышления, личностно-ориентированного обучения, развития, веб-квест, «портфолио», eduscrum; здоровьесберегающие технологии, кейс-технология, игровые технологии. Эти технологии уже достаточно подробно описаны в педагогической литературе, и, конечно же, студенты должны с ними ознакомиться и научиться применять их в практической деятельности [6]. К этому списку добавляются цифровые технологии, которые стремительно ворвались в образовательный процесс и поставили педагогическое сообщество перед необходимостью их освоения. Появился термин «цифровая дидактика», который определяется как «отрасль педагогики, нацеленная на организацию образовательного процесса в условиях цифровизации общества» [7]. Это научная дисциплина, которая пользуется традиционными для

дидактики принципами и основными понятиями, но трансформирует и дополняет их, адаптируя под современные реалии, отражающимися в следующих принципах: «принцип доминирования; принцип персонализации; принцип целесообразности; принцип гибкости и адаптивности; принцип успешности; принцип обучения в сотрудничестве и взаимодействии; принцип практикоориентированности; принцип нарастания сложности; принцип насыщенности образовательной среды; принцип полимодальности (мультимедийности); принцип включенного оценивания» [7].

Появилось много российских инструментов для создания интерактивного образовательного контента. В настоящее время мы видим возможности использования различных цифровых платформ для начальной школы. К их числу можно отнести: «Начинайзер» – цифровой сервис издательства «Просвещение». Он разработан на основе самого распространённого в нашей стране учебно-методического комплекта для начальной школы – «Школа России». «Начинайзер» включает курсы по русскому языку и математике за 1–4 классы и блок для подготовки к ВПР по математике в 4 классе. Разнообразие цифровых образовательных ресурсов позволяет организовать индивидуальную и групповую деятельность обучающихся, совместную дистанционную работу с дидактическими материалами (онлайн-доски, Google-документы), совместную проектную деятельность (GlobalLab). Наиболее популярными образовательными платформами, демонстрирующими multifunctional возможности для осуществления обучения, в том числе дистанционного в начальной школе, являются: «ЯндексУчебник», «Учи.ру», «РЭШ», «Я-класс», «ВКонтакте», «Zoom», «Сферум» и «WhatsApp». Активно развиваются такие цифровые платформы, как Российская электронная школа (resh.edu.ru), Мобильное электронное образование (mob-edu.ru), Московская электронная

школа (mos.ru), Фоксфорд (foxford.ru) и другие. Особый интерес вызывает Российский проект «Учим учиться» – это масштабный педагогический эксперимент, который стартовал в 2018/19 учебном году при поддержке Фонда президентских грантов. Его целью стала проверка гипотезы о возможности повышения результативности обучения в начальной школе за счет включения в образовательный процесс активной цифровой практики – информационного тренинга, который должен послужить триггером изменения образовательных отношений.

Но если имеется достаточно большое количество цифровых ресурсов для обучения математике школьников, то для студентов педагогических специальностей их недостаточно. Во время пандемии, как известно, вся система образования была переведена в онлайн-режим и вся педагогическая общественность была вынуждена осваивать новые формы обучения. Широко использовалась платформа Zoom для проведения занятий, социальные сети, в частности Whats app, Telegram. В настоящее время мы широко используем возможности таких цифровых платформ как Moodle, BigBlueBatton, в аудиториях имеются интерактивные доски, которые позволяют прямо на занятии использовать различные цифровые интернет-ресурсы. Преподавательский состав проходит обучение на факультетах повышения квалификации, направленных на внедрение цифровизации в учебный процесс. Это и использование различных сквозных технологий: нейротехнологии и искусственный интеллект, распределенные реестры, квантовые технологии, технологии «больших данных», интернет-вещей, беспроводная связь, VR и AR, робототехника и сенсорика, облака, новые производственные технологии (digital twin, smart manufacturing). В научной литературе появились рекомендации для создания цифровых сервисов: для создания инфографики, для проведения видеоконференций, для создания

диаграмм, блок-схем, для создания тестов, викторин для создания интерактивного видео, для монтажа видео, для обработки изображений, для создания презентаций, для совместной работы пользователей, для создания интерактивного контента [9]. Не все ресурсы применимы для наших целей. Поэтому мы разрабатываем специальные цифровые дидактические блоки, содержащие теоретический материал, тренажеры и различные контрольно-измерительные материалы: тесты, самостоятельные и контрольные работы.

В силу того, что в данный момент мы вернулись к очному обучению, и при этом цифровизация стала необходимой частью образования, встает задача отыскания эффективных приемов обучения, позволяющих совмещать традиционные технологии и новые методики.

Результаты и обсуждения

Вся система образования прошла через необходимость дистанционного обучения во время пандемии, что ускорило введение в практику обучения цифровых технологий. В настоящее время мы используем их в условиях смешанного обучения. Имеющиеся цифровые платформы позволяют использовать так называемые «белые доски», на которых можно писать как на обычной доске и вместе с тем подключать и выводить на экран самые различные электронные ресурсы в ходе проведения онлайн-лекций или практических занятий. Для студентов заочного отделения появилась возможность изучения предмета в удобное для них время, использованием цифровых хранилищ информации.

Таким образом, построение процесса обучения математике студентов – будущих учителей начальных классов – требует применения таких технологий и методик, которые бы позволили использовать традиционные, хорошо зарекомендовавшие себя методы и приемы, а также современные достижения педагогики с обязательным использованием цифровых технологий.

Процесс обучения математике будущих учителей начальных классов можно условно представить на рисунке в виде куба (возможно – параллелепипеда) (рис.1):

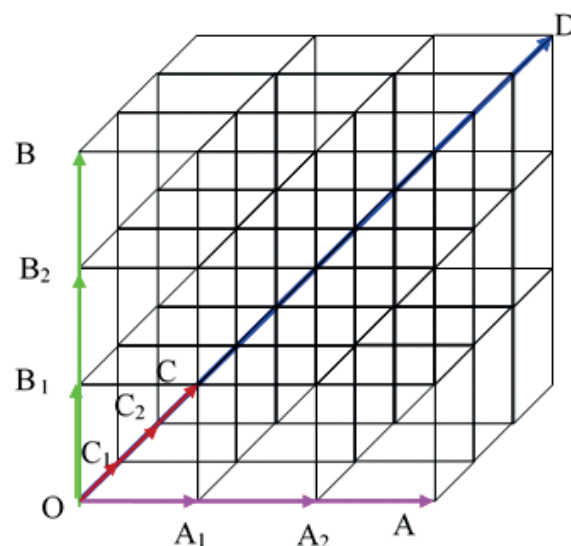

Рис.1 Модель процесса обучения математике будущих учителей начальных классов

Fig. 1 Model of the process of teaching mathematics to future primary school teachers

$\overrightarrow{OA}$ – вектор, обозначающий содержание обучения, отвечающий на вопрос: чему мы учим? Он равен сумме коллинеарных векторов, отражающих разделы, представленные программой и ФГОС ВО по математике для студентов – будущих учителей начальных классов.

$\overrightarrow{OB}$ – вектор, обозначающий деятельность преподавателя и отвечающий на вопрос: как мы учим? Этот вектор также равен сумме коллинеарных векторов, отражающих различные технологии и методики обучения математике.

$\overrightarrow{OD}$ – вектор, обозначающий деятельность студентов и отвечающий на вопрос: кого мы учим? Он равен сумме векторов, отражающий разные виды деятельности студентов. Таким образом, успешное достижение цели (точка D – зачем мы учим?) – формирование учителя начальных классов, обладающего функциональной

математической грамотностью, отражается в векторе $\overrightarrow{OD}$. $\overrightarrow{OD} = \overrightarrow{OA} + \overrightarrow{OB} + \overrightarrow{OC}$

При этом вектор может быть получен разными способами, что позволяет выстраивать индивидуальную траекторию обучения.

Содержание обучения подкрепляется как традиционными источниками информации (учебники, учебно-методические пособия, задачки-практикумы), так и в цифровом формате (электронные учебники, электронные учебно-методические комплексы, электронные издания контроля ЗУН). Содержание цифровых образовательных ресурсов (ЦОР) с различными типами информации (как отмечалось в докладе Е.Д. Зубковой на Всероссийском августовском онлайн-педсовете 28 августа 2024): текстовой информацией, визуальной, комбинированной, аудиоинформацией, аудио- и видео- информацией, со сложной структурой, интерактивные модели и др. [8]

Поскольку учительская профессия предполагает владение грамотной, в частности математической речью, то комплекс заданий предполагает наличие таких задач, в которых обязательным условием является умение обосновывать решения и проговаривать эти обоснования. Как показывает практика, в последние годы, с увлечением тестовой системой контроля, ухудшилось умение проговаривать, читать математические тексты. В связи с этим мы используем такую традиционную форму контроля, как коллоквиум, в ходе которой студенты отвечают у доски на вопросы по отдельным разделам математики. Кроме того, между изучаемыми теоретическими вопросами и программой по математике в начальной школе должна быть установле-

на взаимосвязь, позволяющая студентам видеть и в будущем отыскивать эффективные методики обучения математике младших школьников. Преподаватель может создавать свои математико-методические кейсы по изучаемым темам. А студенты на их основе – собственную библиотеку.

Приведем пример. Тема: «Отображения. Виды отображений».

Воспользуемся кейс-технологией. Включаем в кейс теоретический материал. Источники для изучения: в бумажной версии – учебники: «Математика» (авт. Л.П. Стойлова), «Математика и информатика. Часть 1» (учебное пособие / под ред. А.Л. Чекина), «Математика в таблицах» (авторское пособие) и др; в электронной версии – лекции в pdf-формате или видеоролик, мультимедиа презентации, записанные видеолекции и др. На основе изученной литературы разбираем структуру определения понятия «отображение»: определяемое понятие – отображение; родовое понятие – бинарное соответствие или бинарное отношение; видовое отличие – каждому элементу области отправления бинарного соответствия (отношения) соответствует единственный элемент области прибытия. Ключевые слова в определении – «каждому» и «точно один». Отвечаем на вопросы: «на какое множество важно обратить внимание, чтобы выявить – является ли данное соответствие (отношение) отображением? (Ответ: область отправления). Какова особенность графа такого соответствия (отношения)? – от каждой точки области отправления отходит точно одна стрелка. При этом на экран выводится картинка, с помощью которой иллюстрируется эта ситуация (рис. 2).

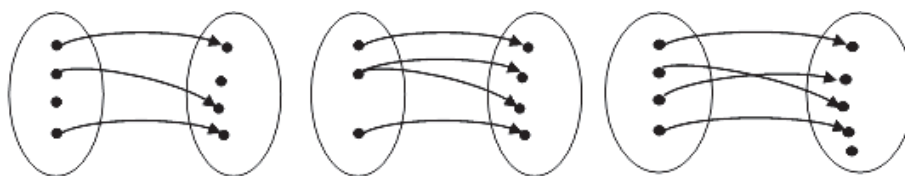

Рис. 2 Графы соответствий

Fig. 2 Correspondence graphs

Какова особенность графика? – в упорядоченных парах нет таких, в которых на первом месте может оказаться элемент более одного раза. Не может быть пар вида $(a;b)$ и $(a;c)$. Затем предлагаются практические задания – задачи. Для этого могут быть использованы задачки – практикумы (они представлены в РП по математике).

Например, задача 5.17. задачник-прак-

тикум под ред. Н.Я. Виленкина: «Между множеством $A=\{0;5;-7;13\}$ и множеством $B=\{x,y,z\}$ установлены различные соответствия, графики которых таковы:

- $\Gamma=\{(0;x); (5;x); (-7;y); (13;z)\}$
- $\Gamma=\{(0;y); (5;x); (-7;x); (-7;y); (13;z)\}$
- $\Gamma=\{(0;x); (0;y); (0;z); (5;z); (-7;y); (13;z)\}$

Затем, совместно со студентами составляется схема видов отображений (рис. 3):

Рис. 3. Виды отображений

Fig. 3. Vidy otobrazheniy

Выявляются ключевые слова, особенности графов и графиков. При определении вида отображения внимание акцентируется на области прибытия. При инъективном отображении на графе в области прибытия к каждой точке приходит не более одной стрелки; при сюръективном

отображении – не менее одной стрелки, при биективном отображении – точно одна стрелка. Далее выполняется практическая работа с обоснованием решения. После чего можно предложить тренажер в электронной форме по выявлению отображений и определению их вида (рис. 4).

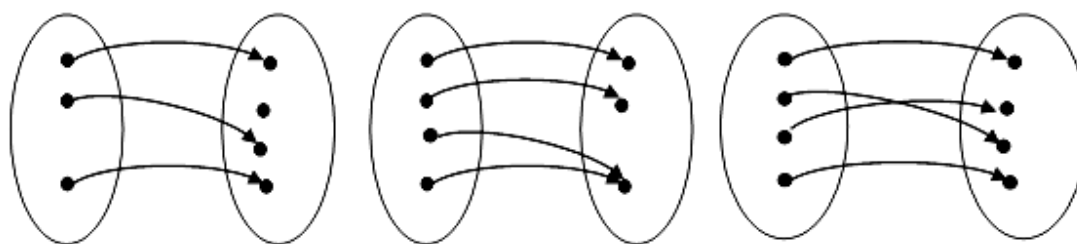

Рис. 4. Графы отображений

Fig. 4. Mapping graphs

Или, например, даны множества $X=Y=Z$, между элементами этих множеств установлено соответствие: $y = 2x^2 + 3$. Является это соответствие отображением? Если «да», то определите его вид. Ответы обоснуйте». Заданий такого типа можно составить достаточно много, и они образу-

ют тренажерный блок, который представляется в электронном виде.

Затем предлагаются задания, в которых требуется найти в учебниках для начальной школы использования изучаемых понятий. Предлагается найти способ решения таких задач на языке школьников.

- Рассмотри рисунок и закончи предложения. Рассуждай так:
Домиков столько же, сколько ...
Поросят ...

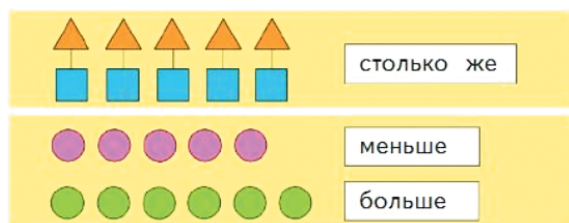

Рис. 5. Страница из учебника М-1 авторов М.И. Моро и др. УМК «Школа России»

Fig. 5. Page from the textbook M-1 by M.I. Moro and others. UMK «School of Russia»

Например, работая с учебником математики 1-го класса авторов М.И. Моро и др., формулируется задание: «Является соответствие между множеством домов и множеством поросят отображением, если «да», то определите его вид. Ответ обоснуйте». [10, С. 10]. Такие же вопросы относительно двух других рисунков (рис. 5). Учебник имеется в электронном виде, поэтому возможно использование его страниц для демонстрации на экране. Желательно использовать учебники математики и других авторов, представленных в федеральном списке рекомендованных к использованию в учебном процессе. Подобные задания позволят уже на ранних этапах познакомиться со школьными учебниками и выявить теоретические основы математики, изучаемой в начальной школе. Весь подобранный материал отправляется в кейс. В заключение

предлагается традиционная самостоятельная работа с подобными задачами, но с требованием полного обоснования решения.

В процессе работы возможно использование проблемных ситуаций, мозгового штурма при решении сложных задач по данной теме. Традиционно мы проводим мини-опрос в начале лекций или устный счет для актуализации знаний. На практических занятиях каждый студент, получает оценку: либо при устном опросе, либо при выполнении письменных работ, либо при тестировании с помощью электронных ресурсов. Для тем, выносимых на самостоятельное изучение, разрабатывается дидактический комплекс, который выкладывается в системе СДО. Таким образом, в ходе одного занятия мы используем различные приемы и методы, которые позволяют применять и традиционные, и инновационные методы обучения. Создание «электронных помощников» позволяет в полной мере освоить требуемый курс не только студентам очного отделения, но и заочной формы обучения в удобном для них формате, с возможностью просмотра лекций, созданием пауз в трудных местах, уточнением формулировок и т. п. Последнее предполагает высокую долю ответственности при разработке рабочих материалов.

Математика является одним из необходимых, важнейших и трудных предметов для детей. Многие профессии предполагают хорошее знание математики. Но даже те ученики, которые в будущем станут заниматься гуманитарными дисциплинами, с помощью математики получат возможность развития особого – математического стиля мышления. От успеха самостоятельно решенной задачи ребенок получает гораздо больше положительных эмоций, чем от других видов деятельности. И от математической подготовки учителя во многом зависит достижение этого успеха.

Заключение.

Цифровизация стала частью нашей жизни и, совершенно естественно использовать ее возможности в педагогической деятельности. Умелое применение цифровых ресурсов позволит повысить эффективность учебного процесса. Создание цифрового контента для студентов – будущих учителей начальных классов – требование времени. «Математика и информатика представляют собой уникальную область школьного образования, где перед учащимися могут ставиться задачи любой сложности и при этом высокой степени новизны – большей, чем в других школьных областях. Тем самым данная область в наибольшей степени позволяет достигать личностных результатов подготовки к деятельности в будущем мире» [3].

Среди студентов факультета педагогики и психологии по направлению начальное образование было проведено анкетирование. На вопрос анкеты об использовании педагогических технологий большинство студентов (57% опрошенных) ответили, несмотря на то, что они в целом могут работать с цифровыми платформами, предпочтение отдается традиционным технологиям и технологии развития критического мышления, но при этом считают необходимым применение на занятиях цифровых ресурсов. Среди школьных предметов лишь у 14% опрошенных в числе любимых была математика, поэтому у многих изучение этой дисциплины вызывает большие затруднения, особенно раздел «Арифметика действительных чисел», и «Элементы геометрии». В первом случае – сложность в усвоении доказательств в непривычном для них разделе (в школе доказательства теорем встречались, как известно, при изучении геометрии). Во втором случае – при изучении элементов конструктивной геометрии и, в частности, построений с помощью геометрических инструментов, а также построений геометрических преобразований, построений изображений

на плоскости пространственных фигур. В погоне за высокими результатами при подготовке к ЕГЭ очень многие важные разделы математики оказываются вне поля зрения учителя и учеников. В этих условиях перед преподавателями вуза стоит достаточно трудная и важная проблема выбора эффективных технологий и методик обучения математике, которые позволят в некоторой степени выровнять школьную подготовку и усвоить новые разделы математики. Мы полагаем, что решением этой проблемы может быть создание специального курса «Вопросы школьной математики», который позволит систематизировать и повторить ряд вопросов школьного курса математики. В процессе повторения уделить большое внимание устной математической речи: формулировке определений, теорем и их доказательств, обоснованию выбора решения задач. И здесь помогут традиционные коллоквиумы в сочетании с таким методом, как «деловая игра». В этом случае студент в роли преподавателя проводит мини-лекцию и тем самым озвучивает ответ на вопрос у доски. На практических занятиях большую помощь окажут цифровые технологии: возможно применение различных цифровых ресурсов для решения задач. Таким образом, мы видим решение проблемы выбора методов обучения математике в сочетании традиционных технологий и методов обучения с применением цифровых ресурсов, разработке дидактических кейсов по изучаемым темам для студентов очной и заочной формы обучения, включающие в себя видеолекции на случай дистанционного обучения.

А.Л. Семенов, А.А. Муранов, С.А. Поликарпов указывают на «парадокс математического образования»:

1. Математика становится все более важным элементом современной цивилизации: все цифровые технологии построены на математических методах и результатах;

2. Отношение школьников к математике во многих странах ухудшается: дети теряют к ней интерес и не видят в ней смысла [3].

Привитие интереса к математике является одной из основных задач учителя начальных классов, а для этого сам учитель должен владеть в совершенстве

хотя бы тем объемом знаний, который предусмотрен программой подготовки будущего учителя начальных классов. Это позволяет нам говорить о важности математической подготовки учителя и создания максимально комфортных условий для ее осуществления.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция развития математического образования в Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2013 г. № 2506-п) // Банк документов. Режим доступа: URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b18bcc453a2a1f7e855416b198e5e276/>

2. Столяр А.А. Педагогика математики. Издание третье переработанное и дополненное. Минск: Вышэйшая школа, 1986. 414 с.

3. Семенов А.Л., Муранов А.А., Поликарпов С.А. Содержание и методика преподавания курса математики начальной школы в условиях цифровизации [Электронный ресурс] // Доклады Российской академии наук. Математика, информатика, процессы управления. 2023. Т. 511, № 1. URL: <https://sciencejournals.ru/view-article/?j=danmiup&y=2023&v=511&n=1&a=DANMIUp2370018Muranov>

4. Деза Е.И. Проблемы реализации концепции «Ядро педагогического образования» при подготовке учителя математики и информатики // Проблемы теории и практики инновационного развития и интеграции современной науки и образования: материалы III Международной междисциплинарной конференции (Москва, 16 февр. 2022 г.). М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2022. С. 10-14.

5. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 02.12.2021 N 3427-р [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 18.10.2023 № 2894-р. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-18102023-n-2894-r-ob-utverzhenii/>

6. Чек-лист_Современные технологии_ФГОС [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1IY8MfjD6dUYoEZ5bxYh1_sFUaqbZMZQN/view?gcmes=62150793614&gcmglg=13230051

7. Цифровая дидактика: 11 основных принципов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lala.lanbook.com/cifrovaya-didaktika-11-osnovnyh-principov>

8. Зубкова Е.Д., Струкова М.М., Пичкасова А.А. Цифровые образовательные ресурсы как компонент процесса обучения: повышаем мотивацию у обучающихся [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://uchitel.club/events/cifrovye-obrazovatelnye-resursy-kak-komponent-processa-obuceniia-povysaem-motivaciiu-u-bucaiushhixsia?utm_source=uchitel.club&utm_campaign=pedsosvet2024&utm_medium=timetable

9. Словарь терминов и понятий цифровой дидактики / авт.-сост.: Ломовцева Н. В. [и др.]. Екатеринбург: РГППУ; Ажур, 2021. 84 с.

10. Моро М.И., Волкова С.И., Степанова С.В. Математика: 1-й класс: в 2 ч. Ч. 1. 15-е изд. перераб. М.: Просвещение, 2023. 127 с. (Школа России).

REFERENCES

1. The concept of development of mathematical education in the Russian Federation [Electronic resource]: approved by the order of the Government of the Russian Federation of December 24, 2013 No. 2506-r) // Bank of documents. Access mode: URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b18bcc453a2a1f7e855416b198e5e276/> (In Russ.)
2. Stolyar A.A. Pedagogy of Mathematics. Third edition revised and supplemented. Minsk: Higher School, 1986. 414 p. (In Russ.)
3. Semenov A.L., Muranov A.A., Polikarpov S.A. Content and methods of teaching a primary school Mathematics course in the context of digitalization [Electronic resource] // Reports of the Russian Academy of Sciences. Mathematics, informatics, control processes. 2023. Vol. 511, No. 1. URL: <https://sciencejournals.ru/view-article/?j=danmiup&y=2023&v=511&n=1&a=DANMIUp2370018Muranov> (In Russ.)
4. Deza E.I. Problems of implementing the concept of “Core of Pedagogical Education” in training a teacher of Mathematics and Computer science // Problems of the theory and practice of innovative development and integration of modern science and education: materials of the III International interdisciplinary conference (Moscow, February 16, 2022). Moscow: Moscow state regional university, 2022. P. 10-14. (In Russ.)
5. On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of education related to the sphere of activity of the Ministry of Education of the Russian Federation and on repealing the order of the Government of the Russian Federation of 02.12.2021 N 3427-r [Electronic resource]: Order of the Government of the Russian Federation of 18.10.2023 N 2894-r. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-18102023-n-2894-r-ob-utverzhenii/> (In Russ.)
6. Checklist_Modern technologies_FSES [Electronic resource]. Access mode: https://drive.google.com/file/d/1IY8MfjD6dUYoEZ5bxYh1_sFUaqbZMZQN/view?gcmes=62150793614&gcm_lg=13230051 (In Russ.)
7. Digital didactics: 11 basic principles [Electronic resource]. Access mode: <https://lala.lanbook.com/cifrovaya-didaktika-11-osnovnyh-principov> (In Russ.)
8. Zubkova E.D., Strukova M.M., Pichkasova A.A. Digital educational resources as a component of the learning process: increasing motivation among students [Electronic resource]. Access mode: URL: https://uchitel.club/events/cifrovye-obrazovatelnye-resursy-kak-komponent-processa-obuceniia-povysaem-motivaciiu-u-bucaiushhixsia?utm_source=uchitel.club&utm_campaign=pedsovet2024&utm_medium=timetable (In Russ.)
9. Dictionary of terms and concepts of digital didactics / compiled by Lomovtsev N.V. [et al.]. Yekaterinburg: RSPPU; Azhur, 2021. 84 p. (In Russ.)
10. Moro M.I., Volkova S.I., Stepanova S.V. Mathematics: 1st grade: in 2 parts. Part 1. 15th ed., revised. Moscow: Education, 2023. 127 p. (School of Russia). (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Нафисет Муратовна Евтыхова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры предметной и профессиональной подготовки педагога. Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Российская Федерация, e-mail: nailset@yandex.ru

Nafiset M. Evtykhova, PhD (Pedag.), Associate Professor, Department of Subject and Professional Training of Teachers. Adyghe State University, Maikop, the Russian Federation, e-mail: nailset@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 05.09.2024

Received 05.09.2024

Поступила после рецензирования 19.10.2024

Revised 19.10.2024

Принята к публикации 20.10.2024

Accepted 20.10.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-99-112>
УДК 378:001.8

Организация научной работы студентов классического университета: проблемы и пути их решения

И.В. Деткова, А.В. Леонтьева✉, Т.А. Цергой

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Российская Федерация
✉alex_pan_2008@mail.ru

Аннотация. Наука выступает мощным стимулирующим фактором роста качества жизни. В число ключевых научных секторов входит и научная работа студентов вузов. Вовлечение студентов в научную работу – важная часть образовательной стратегии современных университетов. Тесная интеграция теоретической и практической подготовки создают условия для эффективной профессиональной деятельности в будущем. Однако подходы к формированию индивидуального познавательного стиля студентов в ходе профессиональной подготовки еще исследованы не в полной мере. Следовательно, проблема данного исследования может быть сформулирована следующим образом: каковы проблемы организации научной работы студентов классического университета и пути их решения?

Цель исследования: выявить проблемы организации научной работы студентов классического университета и предложить пути их решения.

Методы исследования: анализ, синтез, обобщение, опрос, описание.

Результаты исследования: обоснована важность привлечения студентов к научной работе; экспериментальным путем выявлены степень сформированности у студентов научно-исследовательских навыков и уровень организации студенческой научной работы в вузе; определены проблемы научной работы студентов классического университета и предложены пути их решения.

Ключевые выводы: научная работа студентов рассматривается в числе главных факторов качества подготовки будущих кадров; реализуется в двух формах – учебной научно-исследовательской работы, предусмотренной учебными планами, и исследовательской деятельности вне учебных дисциплин; выявлены невысокая исследовательская активность обучающихся, слабая мотивация к научной работе и другие проблемы; обоснованы пути решения обозначенных проблем в контексте совершенствования формирования научно-исследовательской развивающей среды классического университета.

Ключевые слова: научная работа студентов, высшее образование, профессиональное образование, исследовательская деятельность студентов, классический университет, опрос, проблемы научной работы обучающихся, научно-исследовательская развивающая среда университета

© Деткова И.В., Леонтьева А.В., Цергой Т.А., 2024

Для цитирования: Деткова И.В., Леонтьева А.В., Цергой Т.А. Организация научной работы студентов классического университета: проблемы и пути их решения. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):99–112. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-99-112>

Management of scientific activities of classical university students: challenges and solutions

I.V. Detkova, A.V. Leontyeva✉, T.A. Tsergoi

Adyghe State University, Maikop, the Russian Federation

✉ alex_pan_2008@mail.ru

Abstract. Science is a powerful stimulating factor in the improvement of the quality of life. The key scientific sectors include scientific activities of university students. Involving students in scientific work is an important part of the educational strategy of modern universities. Close integration of theoretical and practical training creates conditions for effective professional activity in the future. However, approaches to the formation of an individual cognitive style of students in the course of professional training have not yet been fully researched. Therefore, the problem of this research can be formulated as follows: what are the problems of organizing the scientific activities of students at a classical university and ways to solve them?

The goal of the research is to identify the problems of organizing scientific activities of students at a classical university and suggest ways to solve them.

The research method used are analysis, synthesis, generalization, survey, description.

The research results are the following: the importance of involving students in scientific work has been substantiated; the degree of formation of students' research skills and the level of organization of students' scientific work at a university have been experimentally revealed; the problems of scientific work of students at a classical university have been identified and ways to solve them have been proposed.

Key findings: students' scientific work is considered among the main factors in the quality of training future personnel; it is implemented in two forms – educational research work provided for by the curriculum, and research activities outside the academic disciplines; low research activity of students, weak motivation for research work and other problems have been identified; ways to solve the identified problems in the context of improving the formation of the research development environment of the classical university have been substantiated.

Keywords: students' research work, higher education, professional education, students' research activities, classical university, survey, problems of students' research work, research development environment of the university

For citation: Detkova I.V., Leontyeva A.V., Tsergoi T.A. Management of scientific activities of classical university students: challenges and solutions *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(4):99–112. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-99-112>

Введение. Профессиональное образование выступает главнейшим социокультурным феноменом и структурным компонентом культуры современного общества, одновременно являясь многоаспектным явлением. Профессиональное

образование выполняет доминирующую функцию динамического развития социума, вектором определения задач государства на конкретном историческом этапе. Классическая образовательная парадигма, зародившаяся в XVII веке, ориентирована

была на широкое распространение грамотности и подготовку людей для обслуживания растущего производства. Появление информационного общества связано с качественно новой эволюционной стадией с характерными для нее возможностями творческой деятельности. Знаниевый компонент и связанная с ним информация занимают лидирующие позиции в современном мире. Зарождение эволюционно новой образовательной парадигмы изменило и понимание функций вуза как главного субъекта профессионального образования. Трансформации подвергся целевой контекст высшего образования, основной вектор которого направлен на создание условий для совершенствования личности в контексте научно-технического прогресса. Данный вектор нашел отражение в содержании федеральных государственных стандартов высшего образования и вытекающими из них последствиями [6, С. 6–7].

Глобальные изменения, которым подвержено современное мировое сообщество, спровоцировали также и пересмотр отношения к организации научной работы в вузе в контексте включения в эту деятельность обучающихся. Поскольку университеты выполняют роль основных исследовательских центров, то, соответственно, и требования к выполняемой на их базе научной работе увеличиваются [19]. Классический университет является одним из видов условной классификации современных университетов. Это многопрофильный вуз (в традиционном понимании), в котором в равной мере сочетаются как гуманитарные, так и естественно-научные направления (на программы социально-гуманитарного и естественно-научного циклов приходится около 60% от всех образовательных программ вуза), включая проведение научных исследований в нескольких сферах. Квинтэссенцию стратегии образования классического университета составляет принцип фундаментальности, что означает ориентацию

университета на профессиональную подготовку разносторонних специалистов, владеющих наряду с глубокими предметными знаниями еще навыками ведения научных исследований. Отсюда и широкий спектр профессиональной занятости выпускников классических университетов во многих сферах – культуре, образовании, науке, управлении и пр. [5, 16].

Современный классический университет призван формировать и развивать у обучающихся исследовательские навыки, которые позволят в будущем проводить качественные научные исследования. Между тем ряд исследователей констатируют низкую научно-исследовательскую активность студентов [10, 13–14], что и послужило основанием для выявления проблем в организации научной работы обучающихся на примере классического университета и разработки предложений по их решению, что и выступило целью данного исследования.

Задачи исследования:

- раскрыть сущность классического университета и обозначить основные подходы к организации научного исследования в нем;

- выявить основные целевые доминанты организации научно-исследовательской деятельности обучающихся в высшей школе;

- осуществить эмпирическое исследование по выявлению мотивов научной деятельности и степени сформированности научно-исследовательских навыков у обучающихся классического университета.

Объекты и методы исследования.

Объект исследования: организация научно-исследовательской деятельности обучающихся вузов. Предмет исследования: состояние и проблемы организации научной работы обучающихся в классическом университете.

Средствами достижения поставленной цели выступила совокупность общенаучных методов познания (рис. 1):

Методы научного исследования	анализ зарубежной и отечественной практики организации научно-исследовательской деятельности студентов;
	синтез (применялся для установления взаимосвязи мировых и отечественных практик организации научно-исследовательской деятельности студентов);
	обобщение (позволил выявить проблемы организации научно-исследовательской деятельности студентов классического университета в сравнительном контексте);
	опрос (позволил выявить мотивы научной деятельности и степени сформированности научно-исследовательских навыков у обучающихся классического университета на примере Адыгейского государственного университета);
	описание (использовались с целью представления современных подходов формирования научно-исследовательских способностей обучающихся вузов, результатов констатирующего эксперимента);
	методы графического представления эмпирических данных (использовались с целью наглядной демонстрации основных положений по исследуемой научной проблеме и результатов опроса).

Рис. 1. Методы научного познания, применяемые в данном научном исследовании

Fig. 1. Methods of scientific knowledge used in this scientific research

Теоретическая база данной статьи представлена актуальными публикациями зарубежных и российских ученых по вопросам мирового и отечественного опыта организации научно-исследовательской деятельности студентов, в т. ч. студентов классического университета, методологии и методики проведения эмпирического исследования, источник-информативная база – данными из сети Интернет, в т. ч. сведениями Центра социального проектирования «Платформа». Проанализировано 19 источников, в т. ч. 7 статей на иностранных языках, 12 источников на русском языке, 4 статьи в журналах, включенных в базу данных **Web of Science** и **Scopus**.

Структура исследования представлена следующими логически взаимосвязанными разделами:

1) изучение зарубежной и отечественной практики организации научно-исследовательской деятельности студентов;

2) описание основных тенденций организации научно-исследовательской деятельности студентов классического университета как фактора профессиональной подготовки будущего выпускника с учетом актуальных требований к содержанию основных образовательных программ;

3) проведение эмпирического исследования по выявлению мотивов научной деятельности и степени сформированности научно-исследовательских навыков у обучающихся классического университета на примере Адыгейского государственного университета;

4) формулирование выводов и определение перспектив применения полученных результатов.

Результаты и обсуждения. Научная работа студентов вузов является обязательным разделом (составной частью) основной образовательной программы подготовки как бакалавров, так и магистров, что

определено требованиями федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. Поэтому вопросы формирования и развития у обучающихся научно-исследовательских навыков востребованы современной педагогической практикой.

В.И. Добренков и Т.Ю. Полежаева (2023), проводя ретроспективный анализ развития концептуальной идеи классического университета, подчеркивают, что базовой основой учебного заведения данного вида во все времена являлась интеллектуальная свобода как трансформирующая социум движущая сила [5, С. 8]. Университет представлялся как место академической свободы, что ассоциируется с мнением В. Гумбольдта, который высказал зависимость взвешенности общественно значимых решений от числа получивших университетское образование людей [12].

Научно-исследовательская работа студентов О.К. Назаровой, И.Е. Ярмакеева, Т.С. Пименовой, Р.А. Альбиной (2018) рассматривается как значимый элемент системы подготовки высококвалифицированных специалистов, которые должны уметь искать оптимальные пути решения социально-экономических и социокультурных проблем. В понимании ученых научно-исследовательская работа студентов вуза представлена тремя составляющими: овладением методами познания; усвоением учебно-методических материалов; отработкой приемов самостоятельного решения научных задач [18].

Влияние научной работы на формирование готовности будущих специалистов к самостоятельной творческой деятельности исследовались Л.Р. Зиязиевой, А.Б. Еламановой, А.Т. Жакеновой, А.А. Кайкеновой (2021), где учеными обоснована позиция поэтапного внедрения научно-исследовательской работы в систему профессиональной подготовки в университете: от реферата до дипломной работы, в процессе выполнения которых происходит выработка у студентов требовательности к

себе, дисциплинированности, творческих навыков, мотивации к самообучению и саморазвитию [7].

Н.В. Буниной, С.В. Васюшкиным, Т.П. Складовой (2019) выявлена прямая взаимосвязь успеваемости студентов с их участием в научной деятельности. По мнению авторов, показатель «заинтересованность обучающихся в научно-исследовательской работе» необходимо повышать, причем способами повышения могут выступить как активная агитационная работа среди студентов, так и механизмы повышения поощрения за достигнутые научные результаты [3].

Проблема воспитания у студентов интереса к научно-исследовательской работе исследовалось Н.В. Примчук (2010), С.В. Шойбоновой (2021). Учеными установлено влияние эффективной организации НИРС на развитие благоприятной воспитательной среды университета для развития особо важных универсальных и общепрофессиональных компетенций у будущих работников [8, 12]. Основные направления научно-исследовательской деятельности студентов в вузе, а также структура ее организации раскрыты в работах Н.Р. Бугай, А.А. Маришиной (2020) [2], И.С. Андронova (2023) [1], М.В. Влавацкой, А.В. Корабельниковой (2022) [4], А. Ганиева, Ю. Каримова (2023) [14].

Тормозовой Н.И. (2020) обоснованы ведущие тенденции современных подходов формирования научно-исследовательских способностей обучающихся вузов, а также проведен сравнительный анализ практики организации научно-исследовательской работы студентов за рубежом и в России. Ученый утверждает, что современный профессионал не должен ограничиваться рамками только своих профессиональных функций, а, наоборот, он должен владеть навыками решения практических задач, демонстрации оперативных действий в нестандартных ситуациях, что достигается благодаря развитым научно-исследовательским компетенциям [10].

Джонзокова С. (2023) выявила зависимость между привлечением студентов к научной работе и эффективностью развития профессиональных качеств на основе инновационных образовательных технологий: развитие профессиональных качеств у студентов в конкретной области развивает и усиливает мотивационные возможности к осуществлению той или иной деятельности, что достигается благодаря активному вовлечению в научно-исследовательскую работу; сформированный в процессе обучения в вузе научный потенциал, навыки и умения содействуют развитию в будущем профессиональных навыков [15].

Б. Манов и В. Миленкова в статье «Научно-исследовательская деятельность студентов как вклад в современный университет» (2018) в числе важных аспектов привлечения обучающихся вузов к научной работе указали на роль семьи как среды, которая стимулирует и поддерживает молодых людей в их выборе, предпочтениях и интересах, включая научные [17].

Следовательно, в данных работах содержится установка высшего образования на ориентацию студентов к активной исследовательской деятельности как перспективный ориентир решения проблем профессионального обучения.

Данные результаты научных исследований подтверждаются и сведениями социологического исследования Центра социального проектирования «Платформа», проведенного в течение 2023 года среди абитуриентов классических университетов. Так, в числе причин мотивации получения высшего образования респондентами указаны «перспективность более высокого дохода» (на это указало 16%), «возможность стать конкурентоспособным работником на рынке труда» (на это указало 14%) и «саморазвитие, включая расширение кругозора, интеллектуальных и творческих способностей» (на это указало 14%) [9]. Как видим, доминирующим мотивом обучения в вузе выступила

перспективность успешности работы на рынке труда с относительно высоким заработком. Следовательно, соглашаясь с мнением В.И. Добренкова и Т.Ю. Полежаевой, наблюдается «смещение акцента от интеллектуального развития в сторону конвертации знаний и навыков в денежный эквивалент» [5, С. 9]. В связи с этим возможной мотивацией обучающихся к научно-исследовательской деятельности в рамках классического университета может выступать перспективность хорошего дохода в будущем и реальная возможность получения дополнительной стипендии за индивидуальный научный рейтинг. Данная гипотеза легла в основу проведения эмпирического педагогического исследования, организация и результаты которого представлены далее.

В период с апреля по октябрь 2024 года авторами было проведено опытно-экспериментальное исследование, целью которого явилось выявление мотивов научной деятельности и степени сформированности научно-исследовательских навыков у обучающихся классического университета. Базой проведения исследования выступил Адыгейский государственный университет. В исследовании приняло участие 142 студента направлений подготовки 44.03.01 Психолого-педагогическое направление (направленности (профиль): «Психология и социальная педагогика», «Психология образования», «Психология и педагогика начального образования»), 37.03.01 «Психология» (направленность (профиль) «Психологическое консультирование»). Использовался разработанный авторами опросник, состоящий из 10 вопросов, а также Яндекс-формы. Респондентам высылались ссылки, перейдя по которой они могли ответить на вопросы. Участники эксперимента были относительно равномерно распределены между курсами (25,6% – студенты 1-х курсов, 29,3% – студенты 2-х курсов, 24,3% – студенты 3-х курсов, 20,8% – студенты 4-х курсов) (рис. 2).

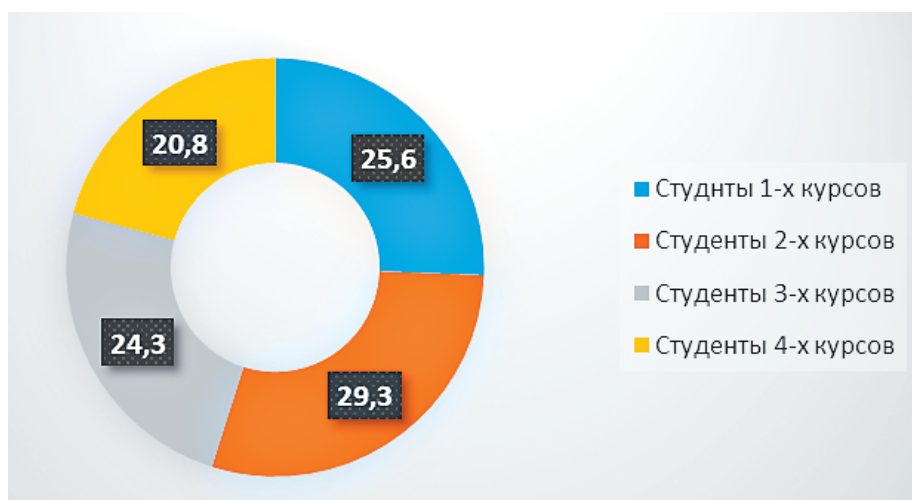

Рис. 2. Соотношение респондентов относительно курсов обучения, чел.%

Fig. 2. Ratio of respondents to training courses, people%

Студентам было предложено ответить на вопрос «В каких видах научно-исследовательской работы Вы участвуете?». Ответы в целом были дифференцированы на две группы: 1) учебная научно-исследовательская работа студентов, предусмотренная учебными планами (реферативная работа – 96,3%, курсовые работы –

87,8%, выпускные квалификационные работы – 54,7%); 2) исследовательская деятельность помимо учебных дисциплин (публикационная активность – 54,7%, выступление на научных конференциях – 39,0%, научное творчество – 43,9%, конкурсno-грантовая деятельность – 12,2%) (рис. 3).

Рис. 3. Виды научно-исследовательской деятельности, в которых участвуют студенты, чел.%

Fig. 3. Types of research activities students participate in, people%

Респондентам также предлагалось определить, какими исследовательскими компетенциями они владеют. Оказалось, что в большей степени студенты владеют

компетенцией самостоятельного поиска, переработки и умения грамотно использовать полученную информацию (68,3%), аналитической компетенцией (63,4%) и

компетенцией наглядного представления информации (56,1%), в меньшей степени

компетенцией проектной деятельности (14,6%) и прогнозирования (12,1%) (рис. 4).

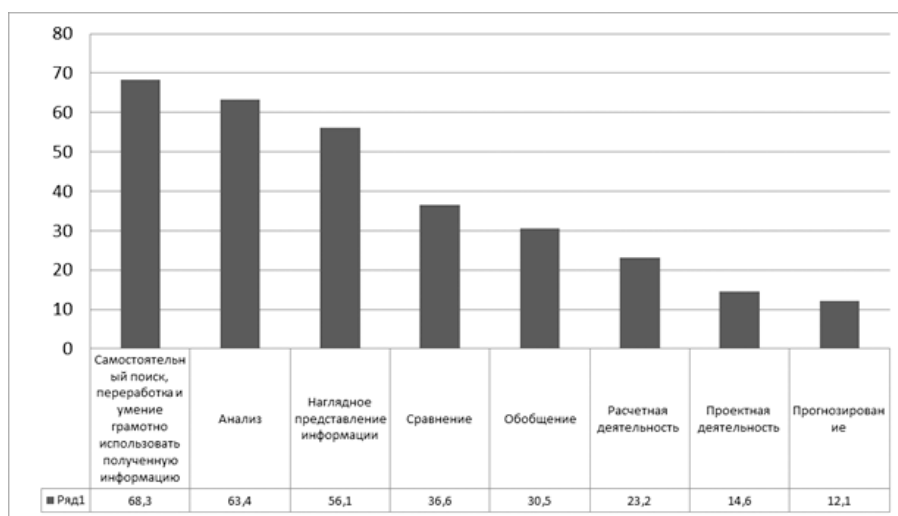

Рис. 4. Исследовательские компетенции, которыми владеют студенты, чел. %

Fig. 4. Research competencies possessed by students, %

Выявлена относительно невысокая степень заинтересованности респондентов в научно-исследовательской деятельности. Менее половины (37,8%) участвуют в ней, еще меньше обучающихся в ней заинтересованы (30,5%). В числе основ-

ных факторов, определяющих интерес к науке, были названы стимулирование, интересные научные темы, личность преподавателя и его умение заинтересовать студента, перспективность применения (рис. 5).

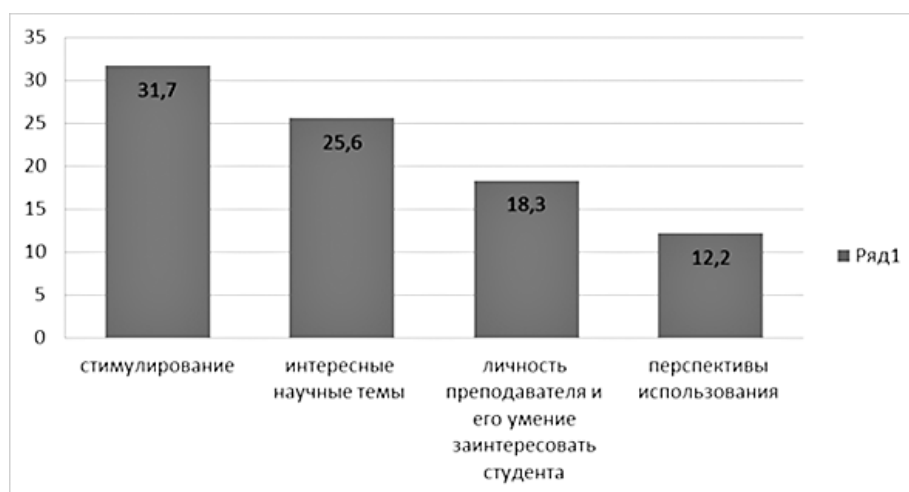

Рис. 5. Определяющие факторы развития интереса к науке у студентов, чел. %

Fig. 5. Determining factors in the development of interest in science among students, people %

Причем интересные ответы респондентов были получены относительно перспективности использования навыков

ведения научной работы (данные ответы были получены только в той выборке респондентов, которые указали среди

вариантов ответа «перспективы использования»). Большинство (72,4%) отметили необходимость формирования научно-исследовательских навыков для решения в будущем ряда производственных задач в современных социокультурных условиях, которые быстро меняются и ориентированы на цифровое пространство, что, возможно, станет источником хорошей зарплаты и повышения по карьерной лестнице. 16,2% считают, что направления подготовки, по которым они обучаются, предполагают формирование универсальных навыков (к ним в том числе относится и научно-исследовательская деятельность), которые просто будут необходимы в будущей профессии. В их числе аналитические умения, умение организовывать опросы с использованием современных сервисов, умение сравнивать различные показатели и корректно представлять их коллегам и

руководству организации. 11,4% к перспективам применения навыков ведения научной работы отнесли возможность оказания помощи в развитии самого учреждения/предприятия с учетом запросов социума, возможность изучения и обобщения передового опыта, возможность улучшения собственного интернет-контента на основе исследовательских навыков.

На вопрос «Как Вы считаете, на каком уровне развита научно-исследовательская деятельность студентов в Вашем вузе?» большинство респондентов указали средний и высокий уровни – соответственно 37,8% и 41,5%. Всего лишь незначительное количество опрошенных (4,9%) затруднились ответить на данный вопрос (рис. 6). Данные ответы констатируют устоявшуюся позицию у студентов университета относительно уровня научно-исследовательской работы в вузе.

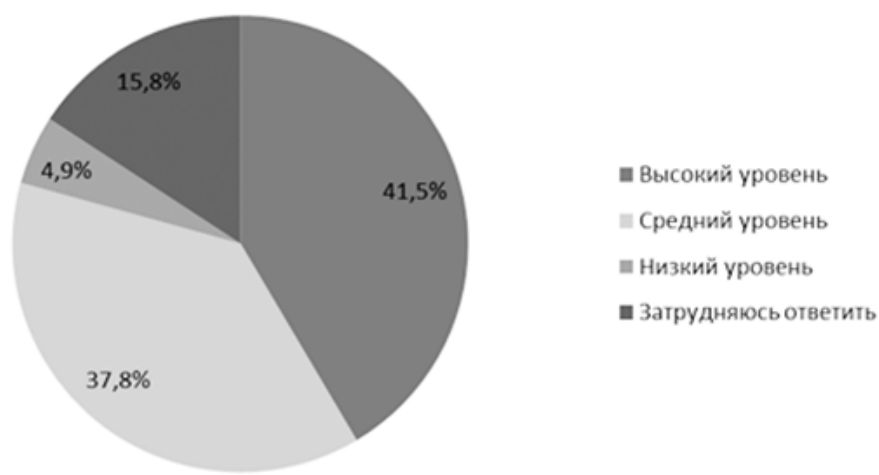

Рис. 6. Ответы на вопрос «Как Вы считаете, на каком уровне развита научно-исследовательская деятельность студентов в Вашем вузе?», %

Fig. 6. Responses to the question «In your opinion, what is the state of scientific research activity of students in your university?», %

Согласно результатам опроса, 41,9% респондентов собираются в той или иной степени продолжить участвовать в научных исследованиях. 26,4% рассматривают такую возможность при условии полного взаимодействия с научно-педагогическими кадрами в подготовке научных работ.

Для 31,7% студенческая научная деятельность пока не является предметом их личного интереса (они ориентированы на овладение знаниями, умениями и навыками только в контексте их направления подготовки), хотя и не исключают такую возможность. Такие показатели респонденты

объясняют недопониманием роли научных исследований в будущей профессиональной деятельности, т. к. они не планируют продолжать обучение в магистратуре и аспирантуре, а также отсутствием личного интереса к такому виду деятельности в данный момент.

Таким образом, проведенное исследование позволило заключить следующее: 1) в классическом университете реализуется ряд направлений применения и внедрения, видов и форм научно-исследовательской деятельности студентов: включение в традиционные формы организации учебного процесса задач исследовательского типа посредством подготовки рефератов, курсовых и дипломных работ; внеучебные формы привлечения обучающихся к научной работе (выступления на конференциях, публикация научных статей; участие в грантовой деятельности; участие в научных конкурсах и др.); функционирование студенческого научного общества (СНО), научных лабораторий и др.; 2) выявлена средняя степень активности студентов в научно-исследовательской деятельности; 3) определена зависимость вовлечения студентов в научную деятельность от возможной будущей успешности на рынке труда и, соответственно, высокого дохода, что позволяет констатировать факт смещения мотивации студентов от интеллектуального развития в направлении «конвертации знаний и навыков в денежный эквивалент» [5, С. 9]; 4) привлечение студентов к научной деятельности во многом зависит от факта участия в ней преподавателей, механизма стимулирования и личного интереса обучающихся к познанию нового; 5) студенты дали относительно высокие оценки уровню организации студенческой научно-исследовательской деятельности университета. Полученные результаты выступили основанием для разработки предложений по совершенствованию формирования научно-исследовательской развивающей среды классического университета через:

- формирование общественного мнения в академической среде, направленного на укрепление в студенческом сообществе значимости научно-исследовательского труда в будущей профессиональной деятельности, который будет содействовать не только эффективному решению профессиональных задач, но и продвижению по карьерной лестнице;

- включение в рабочие программы дисциплин заданий исследовательского типа, в т. ч. регионального характера;

- дальнейшее совершенствование организационных форм научной работы обучающихся университета как средства развития их творческой активности;

- пересмотр механизмов стимулирования результатов научно-исследовательской работы студентов (привлекать к участию в получении дополнительных стипендий не только обучающихся на бюджетной основе, но и на коммерческой; расширить возможности журналов, входящих в список ВАК РФ, которые публикуют статьи, соавторами которых являются студенты; разработать дополнительные бонусные программы для обучающихся, активно занимающихся научной деятельностью) как средства привлечения молодежи к такой активности;

- обновление программ и технологий обучения по научно-исследовательскому направлению с учетом передовых мировых достижений в данном вопросе;

- использование электронной информационной образовательной среды вуза для предоставления обучающимся возможности управлять своим образованием, осознавать перспективы и необходимость использования научных знаний в будущей профессиональной деятельности, проявлять интерес к самообразованию и саморазвитию.

Заключение. Проведенное эмпирическое исследование позволило получить следующие результаты.

Во-первых, научно-исследовательская работа студентов университета пред-

ставляет собой форму образовательной деятельности, сочетающей обучение и творческое развитие.

Во-вторых, ориентация студентов высших учебных заведений на творческую исследовательскую деятельность рассматривается сегодня в числе перспективных путей совершенствования организационных аспектов профессионального образования.

В-третьих, проведенное авторами эмпирическое исследование выявило ряд проблем организации научной деятельности студентов, главной причиной которых является, на наш взгляд, сложность и многообразие социально обусловленных факторов этой деятельности в классическом университете.

Наше исследование выявило серьезную проблему: какую личность студента в классическом университете необходимо формировать в современных социокультурных условиях – личность с широким кругозором и критическим мышлением или узконаправленную личность, обладающую только определенным набором навыков для выполнения должностных обязанностей? Вполне очевидно, что обозначенная проблема дифференцирует профессиональные компетенции от основ научного знания, которые, как нам представляется, необходимо эргономич-

но сочетать в образовательном процессе классического университета. Авторы поддерживают идею В.И. Добренкова и Т.Ю. Полежаевой, которые считают, что «необходимо грамотно реформировать систему высшего образования, не игнорируя важность баланса между теоретической базой и практической применимостью транслируемой информации» [5, С. 10]. Обозначенная проблема может выступить основой следующих научных дискуссий.

Теоретическая значимость выполненного исследования заключается в расширении теоретических представлений о специфике организации исследовательской работы обучающихся классического университета, что вносит значимый вклад в теорию профессиональной педагогики.

Практическая значимость исследования состоит в:

- транслировании идеи организации эмпирического исследования для выявления мнения субъектов образования, касающихся вопросов организации научно-исследовательской деятельности в университете;
- возможности применения его результатов подразделениями классического университета, в компетенцию которых входит организация научно-исследовательской деятельности студентов с целью ее совершенствования.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Андронов И.С. Структура организации научно-исследовательской работы студентов в вузе // Актуальные научные исследования: сборник статей XV Международной научно-практической конференции (Пенза, 20 нояб. 2023 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 184-186.
2. Бугай Н.Р., Маришина А.А. Научно-исследовательская работа студентов // Теория и практика современной науки. 2020. № 1(55). С. 132-135.
3. Бунина Н.В., Васюшкин С.В., Склорова Т.П. Анализ взаимосвязи успеваемости студентов с их участием в научно-исследовательских работах // Молодежный инновационный вестник. 2019. Т. 8, № 2. С. 340-341.

4. Влавацкая М.В., Корабельникова А.В. Инновационный потенциал научно-исследовательской работы студента // Сибирский учитель. 2022. № 4(143). С. 61-70.
5. Добренков В.И., Полежаева Т.Ю. Идея классического университета: от зарождения до кризиса [Электронный ресурс] // Социология. 2023. № 5. С. 5-12. URL: file:///C:/Users/Admin/Downloads/ideya-klassicheskogo-universiteta-ot-zarozhdeniya-do-krizisa.pdf.
6. Классический университет: современные тенденции и векторы развития (на пути к 270-летию Московского университета) [Электронный ресурс] // Сорокинские чтения – 2024: сборник материалов XVIII Международной научной конференции (19 февр. 2024 г.). М.: МАКС Пресс, 2024. 730 с. URL: <https://www.socio.msu.ru/documents/sorokinsbornik2024.pdf>.
7. Организация научно-исследовательской работы студентов с целью формирования готовности студентов вуза к самостоятельной работе / Л.Р. Зиязиева [и др.] // Современная школа России. Вопросы модернизации. 2021. № 4-1(36). С. 26-27.
8. Примчук Н.В. Научно-исследовательская работа студентов как важнейшее условие создания воспитательной среды университета // Вестник Герценовского университета. 2010. № 2(76). С. 57-58.
9. Социология высшего образования в России: приоритеты, барьеры, бренды [Электронный ресурс] // Центр социального проектирования «Платформа». URL: <https://pltf.ru/2023/09/06/socziologiya-vysshego-obrazovaniyav-rossii-prioritety-barery-brendy/> (дата обращения: 24.09.2024).
10. Тормозова Н.И. Научно-исследовательская работа студентов творческого вуза: проблемы, зарубежный опыт, тенденции развития // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 65-3. С. 80-84.
11. Шойбонова С.В. Воспитательный потенциал научно-исследовательской работы студентов // Spirit Time. 2021. № 1-1(37). С. 39-40.
12. Шушляева О.Н. Развитие идеи классического университета в концепциях немецких ученых [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1(67). URL: <https://research-journal.org/archive/1-67-2018-january/razvitie-idei-klassicheskogo-universiteta-v-koncepciyax-nemeckix-uchenых> (дата обращения: 31.10.2024). DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.030
13. Bashirov A., Khanov T. The Reasons for the Low Efficiency of Students' Research Work at the University // Труды университета. 2021. No. 3(84). P. 18-24. DOI 10.52209/1609-1825_2021_3_18.
14. Ganiyev A., Karimov Yu. Problems and solutions of organizing students' scientific research works // Science and innovation. 2023. Pp. 77-80. URL: file:///C:/Users/Admin/Downloads/problems-and-solutions-of-organizing-students-scientific-research-works.pdf.
15. Jonzoqova S. Development of professional qualities of students on the basis of innovative educational technologies – as an urgent pedagogical problem [Electronic resuorse] // Modern Science and Research. 2023. 2(5) P. 141-147. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/science-research/article/view/19796>.
16. Krolevetskaya E.N., Isaev I.F. Socio-Cultural Educational Environment of University as a Factor in the Development of Future Teacher's Polysubjectness [Electronic resuorse] // Higher Education in Russia. 2022. Vol 31. No 6. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-6-114-135>.
17. Manov B., Milenkova V. Students' research activity as a contribution to modern university [Electronic resuorse] // Anthropological Researches and Studies. 2018. No 8. URL: <https://www.journalstudiesanthropology.ro/pdf/students-research-activity-as-a-contribution-to-modern-university-1526065931.pdf>. DOI: <http://doi.org/10.26758/8.1.30>.
18. Abdrafikova. The role of scientific research work in students' professional competence formation / Nazarova O.K. [et al.] // Modern journal of language teaching methods. 2018. Vol. 8, Is. 11. P. 217-222.
19. The Model of the Sociocultural Educational Environment of the Classical University / Patlina A. [et al.] // Advances in Economics, Business and Management Research: 5th International Conference on Economics, Management, Law and Education. 2019. Vol. 110. P. 1035-1040. DOI:10.2991/aebmr.k.191225.198.

REFERENCES

1. The structure of the organization of students' research work at a university // Current scientific research: collection of articles from the XV International scientific and practical conference (Penza, November 20, 2023). Penza: Science and Education, 2023. P. 184-186. (In Russ.)
2. Bugay N.R., Marishina A.A. Students' research work // Theory and practice of modern science. 2020. Issue 1 (55). P. 132-135. (In Russ.)
3. Bunina N.V., Vasyushkin S.V., Sklyarova T.P. Analysis of the relationship between students' academic performance and their participation in the research work // Youth Innovation Bulletin. 2019. Vol. 8, Issue 2. P. 340-341. (In Russ.)
4. Vlavatskaya M.V., Korabelnikova A.V. Innovative potential of students' research work // Siberian teacher. 2022. Issue 4 (143). P. 61-70. (In Russ.)
5. Dobrenkov V.I., Polezhaeva T.Yu. The idea of a classical university: from inception to crisis [Electronic resource] // Sociology. 2023. Issue 5. P. 5-12. URL: <file:///C:/Users/Admin/Downloads/ideya-klassicheskogo-universiteta-ot-zarozhdeniya-do-krizisa.pdf>. (In Russ.)
6. Classical university: modern trends and vectors of development (on the way to the 270th anniversary of Moscow University) [Electronic resource] // Sorokin readings – 2024: collection of materials of the XVIII International scientific conference (February 19, 2024). M.: MAX Press, 2024. 730 p. URL: <https://www.socio.msu.ru/documents/sorokinsbornik2024.pdf>. (In Russ.)
7. Organization of students' research work in order to develop university students' readiness for independent work / L.R. Ziyazieva [et al.] // Modern school of Russia. Modernization issues. 2021. Issue 4-1 (36). P. 26-27. (In Russ.)
8. Primchuk N.V. Students' research work as the most important condition for creating an educational environment at a university // Bulletin of Herzen University. 2010. Issue 2 (76). P. 57-58. (In Russ.)
9. Sociology of higher education in Russia: priorities, barriers, brands [Electronic resource] // Center for «Platform» social design. URL: <https://pltf.ru/2023/09/06/socziologiya-vysshego-obrazovaniyav-russii-priority-barery-brendy/> (date of access: 24/09/2024). (In Russ.)
10. Tormozova N.I. Research work of students of a creative university: problems, foreign experience, development trends // Trends in the development of science and education. 2020. Issue 65-3. P. 80-84. (In Russ.)
11. Shoibonova S.V. Educational potential of students' research work // Spirit Time. 2021. Issue 1-1 (37). P. 39-40.
12. Shushlyaeva O.N. Development of the idea of a classical university in the concepts of German scientists [Electronic resource] // International research journal. 2018. Issue 1(67). URL: <https://research-journal.org/archive/1-67-2018-january/razvitie-idei-klassicheskogo-universiteta-v-konceptiyax-nemeckix-uchenyx> (date of access: 31.10.2024). DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.030 (In Russ.)
13. Bashirov A., Khanov T. The Reasons for the Low Efficiency of Students' Research Work at the University // Trudy Universiteta. 2021. Issue 3(84). P. 18-24. DOI 10.52209/1609-1825_2021_3_18. (In Eng.)
14. Ganiyev A., Karimov Yu. Problems and solutions of organizing students' scientific research works // Science and innovation. 2023. p. 77-80. URL: <file:///C:/Users/Admin/Downloads/problems-and-solutions-of-organizing-students-scientific-research-works.pdf>. (In Eng.)
15. Jonzoqova S. Development of professional qualities of students on the basis of innovative educational technologies – as an urgent pedagogical problem [Electronic resource] // Modern Science and Research. 2023. 2(5) P. 141-147. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/science-research/article/view/19796>. (In Eng.)
16. Krolevetskaya E.N., Isaev I.F. Socio-Cultural Educational Environment of University as a Factor in the Development of Future Teacher's Polysubjectness [Electronic resource] // Higher

Education in Russia. 2022. Vol 31. No 6. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-6-114-135>. (In Eng.)

17. Manov B., Milenkova V. Students' research activity as a contribution to modern university [Electronic resource] // Anthropological Researches and Studies. 2018. No. 8. URL: <https://www.journalstudiesanthropology.ro/pdf/students-research-activity-as-a-contribution-to-modern-university-1526065931.pdf>. DOI: <http://doi.org/10.26758/8.1.30>. (In Eng.)

18. Abdrafikova. The role of scientific research work in students' professional competence formation / Nazarova O.K. [et al.] // Modern journal of language teaching methods. 2018. Vol. 8, Is. 11. P. 217-222. (In Eng.)

19. The Model of the Sociocultural Educational Environment of the Classical University / Patlina A. [et al.] // Advances in Economics, Business and Management Research: 5th International Conference on Economics, Management, Law and Education. 2019. Vol. 110. P. 1035-1040. DOI:10.2991/aebmr.k.191225.198. (In Eng.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ирина Владимировна Деткова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и социальной психологии. Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Российская Федерация, e-mail: detval@list.ru

Александра Владимировна Леонтьева, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и социальной психологии. Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Российская Федерация, e-mail: alex_pan_2008@mail.ru

Тереза Александровна Цергой, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогической психологии. Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Российская Федерация, e-mail: tereza1402@mail.ru

Irina V. Detkova, PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Pedagogy and Social Psychology. Adyghe State University, Maikop, the Russian Federation, e-mail: detval@list.ru

Alexandra V. Leontyeva, PhD (Pedag.), Associate Professor, Department of Pedagogy and Social Psychology. Adyghe State University, Maikop, the Russian Federation, e-mail: alex_pan_2008@mail.ru

Tereza A. Tsergoi, PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Educational Psychology. Adyghe State University, Maikop, the Russian Federation, e-mail: tereza1402@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 11.08.2024

Поступила после рецензирования 23.09.2024

Принята к публикации 24.09.2024

Received 11.08.2024

Revised 23.09.2024

Accepted 24.09.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-113-127>
УДК 378.035.7-053.6

Военно-патриотическое воспитание как детерминанта эффективной организации работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции

П.В. Клименко¹, О.В. Шпырня² ✉

¹ «Краснодарское высшее военное орденов Жукова и Октябрьской Революции
Краснознаменное училище имени генерала армии С.М. Штеменко» Министерства
обороны Российской Федерации, г. Краснодар, Российская Федерация

² Кубанский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, г. Краснодар, Российская Федерация
✉ oleg_shpyrnya@mail.ru

Аннотация. В условиях проведения специальной военной операции актуальным становится, прежде всего, военно-патриотическое воспитание молодежи в вузах. Авторами была сформулирована *проблема исследования*, обусловленная наличием определенного пробела между уровнем военно-патриотического воспитания молодежи в вузах и современными вызовами, стоящими перед нашей страной в условиях проведения специальной военной операции.

Цель статьи: выявить основные проблемы военно-патриотического воспитания и предложить основные способы эффективной организации работы с молодежью в вузах.

Результаты исследования: определено, что в последние 20 лет наблюдался процесс деформации традиционных ценностей у молодежи, что повлекло за собой отчуждение от государства, его традиций, культуры, языка, а в ряде случаев и противопоставление себя государственным интересам. С учетом проведения специальной военной операции именно военно-патриотическое воспитание становится основной детерминантой эффективной организации работы с молодежью в вузах.

Ключевые выводы: Военно-патриотическое воспитание как детерминанта эффективной организации работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции представляет собой важнейший элемент педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава. Организация военно-патриотического воспитания в вузах должна подразумевать изменение подходов к воспитательной и социальной работе с молодежью, уделение большего внимания в учебных планах подготовки вопросам истории, культуры, нравственности, добровольчества, служению государству и обществу, а также физическому воспитанию обучающихся.

© Клименко П.В., Шпырня О.В., 2024

Ключевые слова: воспитание, патриотизм, военно-патриотическое воспитание, педагогическое взаимодействие, молодежь, работа с молодежью, вуз, специальная военная операция

Для цитирования: Клименко П.В., Шпырня О.В. Военно-патриотическое воспитание как детерминанта эффективной организации работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):113–127. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-113-127>

Military training and patriotic upbringing as a determinant of effective management of youth work in universities in the context of a unilateral military action

P.V. Klimenko¹, O.V. Shpyrnya² ✉

¹*Krasnodar Higher Military Orders of Zhukov and the October Revolution Red Banner School named after Army General S.M. Shtemenko of Ministry of Defense of the Russian Federation, Krasnodar, the Russian Federation*

²*Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, the Russian Federation*

✉ oleg_shpyrnya@mail.ru

Abstract. In the context of a unilateral military operation, military training and patriotic upbringing of university youth becomes relevant. The goal of the research has been formulated due to the presence of a certain gap between the level of , military training and patriotic upbringing of university youth and modern challenges facing our country in the context of a unilateral military operation.

The goal of the research is to identify the main problems of, military training and patriotic upbringing, and to propose the main ways of effectively organizing work with young people in universities.

The research results: it has been determined that in the last 20 years there has been a process of deformation of traditional values among young people, which entailed alienation from the state, its traditions, culture, language, and in some cases, opposition to state interests. Taking into account the unilateral military operation, it is military training and patriotic upbringing that becomes the main determinant of the effective organization of work with young people in universities.

Key findings: military training and patriotic upbringing as a determinant of effective organization of work with young people in universities in the context of a special military operation is the most important element of the pedagogical activity of the faculty. Organization of military training and patriotic upbringing in universities should imply a change in approaches to educational and social work with young people, paying more attention in the curricula to issues of history, culture, morality, volunteerism, service to the state and society, as well as physical education of student.

Keywords: education, patriotism, military training and patriotic upbringing, pedagogical interaction, youth, work with young people, university, unilateral military operation

For citation: P.V. Klimenko, O.V. Shpyrnya. Military training and patriotic upbringing as a determinant of effective management of youth work in universities in the context of a unilateral military action. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(4):113–127. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-113-127>

Введение. Патриотизм в настоящее время представляет собой важнейший элемент, обуславливающий конкретную связь между индивидом и обществом,

включающую в себя все многообразие культур, религий и народных традиций, представленных в Российской Федерации. В настоящий момент в нашей стране про-

исходит трансформация социальных, нравственных, этических, патриотических, экономических и политических установок, влияющих как на функционирование всех государственных институтов, так и на все общество в целом, обусловленная проведением специальной военной операции.

Указанные процессы затрагивают все слои нашего общества, но, как и во все времена, наиболее остро все изменения воспринимаются именно в молодежной среде, прежде всего, обучающимися высших учебных заведений. Соответственно, сегодня мы наблюдаем картину, когда в ряде случаев молодежь демонстрирует негативное отношение к происходящим процессам в нашем обществе, некоторые молодые люди критикуют проведение специальной военной операции в социальных сетях и мессенджерах. Также наблюдается косвенное неприятие текущей ситуации, выразившееся в отъезде из страны большого числа молодежи (это четко просматривалось осенью 2022 года). В итоге мы можем наблюдать ситуацию, когда часть молодежи (именно часть, авторы никоим образом не говорят в данном контексте о всей молодежной среде) отчуждена от государства, его традиций, не воспринимает такие категории, как «долг перед Родиной», «служение Отечеству», «патриотизм» и др. У многих обучающихся вузов сформировались ложные, основанные на идеализации ряда западных стран, ценности. Изменилось понимание таких понятий как гражданская ответственность, нравственность и другие.

Именно поэтому военно-патриотическое воспитание должно стать основной детерминантой эффективной организации работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции.

Соответственно, в контексте вышесказанного, важным представляется не только процесс педагогического взаимодействия между обучающимися и профессорско-преподавательским составом, но и также

изменение основных профессиональных образовательных программ в части.

Объекты и методы исследования.

Объектом исследования является процесс эффективной организации работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции. Исследование проводилось на базе ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменное училище имени генерала армии С.М. Штеменко» Министерства обороны Российской Федерации, а также ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма» Министерства спорта Российской Федерации. В ходе исследования подробно анализировалось федеральное законодательство в сфере образования, методические рекомендации по организации воспитательной работы, стратегия национальной безопасности, федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования. Методологическая база исследования обусловлена использованием таких методов научного исследования, как:

- анализ литературных источников;
- обобщение;
- описание.

Результаты и обсуждения.

Система патриотического воспитания, как отмечают П.В. Клименко и О.В. Шпырня, представляет собой важный раздел отечественных педагогических исследований [1]. Военно-патриотическое воспитание как детерминанта эффективной организации работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции представляет собой важнейший элемент всей системы организации патриотического воспитания в нашей стране. Организация работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции подразумевает в своей основе комплекс мероприятий, реализуемых не только государственными институтами власти, но также и различными общест-

венными объединениями, например, спортивными общественными организациями (многие спортивные федерации имеют именно данный статус в нашей стране), ветеранскими и военными общественными организациями, историческими общественными организациями и другими. В данном контексте нельзя не упомянуть и Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «ЮНАРМИЯ».

Основная цель военно-патриотического воспитания заключается в том, чтобы современная молодежь, обучающаяся в образовательных организациях высшего образования, гордилась своей страной, знала не только великих полководцев прошлого, таких как Александр Васильевич Суворов, Петр Александрович Румянцев, Петр Семенович Салтыков, Михаил Илларионович Кутузов, Николай Николаевич Раевский, Федор Федорович Ушаков, Павел Степанович Нахимов, Георгий Константинович Жуков, Константин Константинович Рокоссовский и др., а также в целом героев народного ополчения Смутного времени, Отечественной войны 1812 года, Великой Отечественной войны, но и также современных героев специальной военной операции.

Военно-патриотическое воспитание как детерминанта эффективной организации работы в вузах в условиях проведения специальной военной операции направлено на то, чтобы молодежь была готова к защите нашей Родины, осознавала значимость текущей геополитической ситуации, имела ответственную гражданскую позицию, основанную на традиционных для нашей страны ценностях, ее военного и культурно-исторического наследия.

При этом необходимо отметить, что военно-патриотическое воспитание молодежи в вузах в условиях проведения специальной военной операции должно носить не только общетеоретический характер, но иметь прикладной характер.

Как уже было сказано выше, военно-патриотическое воспитание как детерминанта эффективной организации работы в вузах в условиях проведения специальной военной операции должно представлять собой определенный систематизированный комплекс, предусматривающий, прежде всего, реализацию следующих мероприятий:

- формирование у обучающихся образовательных организаций высшего образования ценностных установок по защите своей Родины;
- внедрение в план воспитательной работы проведения обязательных акций патриотического, этического, духовного, исторического, культурного характера;
- освещение процесса проведения специальной военной операции;
- активизация научно-исследовательской деятельности и учебно-исследовательской работы обучающихся, ориентированных на мониторинг проблем военно-патриотического воспитания в условиях проведения специальной военной операции.

В контексте вышесказанного очень большую важность приобретает педагогическая деятельность профессорско-преподавательского состава, так как именно она формирует содержание ценностных установок для обучающихся в плане формирования ответственной гражданской позиции. Основной задачей педагогического сообщества должно стать формирование всесторонне развитой и гармоничной личности обучающегося, имеющего четкую патриотическую позицию, основанную на традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностях.

Согласно Федеральному закону от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024), «Правительство Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления совместно с Министерст-

вом обороны Российской Федерации обязаны систематически проводить работу по военно-патриотическому воспитанию граждан» [8].

На рис. 1 представлен скриншот спра-

вочно-правовой системы «Консультант-Плюс», демонстрирующий требования Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» к военно-патриотическому воспитанию.

The screenshot displays the ConsultantPlus website interface. At the top, there is a search bar with the text 'Поиск: Кодексы, законы и другие материалы' and a 'НАЙТИ' button. Below the search bar, there is a navigation menu with links: 'Некоммерческие интернет-версии', 'О компании и продуктах', 'Купить ConsultantPlus', 'Новшества и акции', 'Пробный доступ', 'Новости', and 'Вакансии'. The main content area shows the 'Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О воинской обязанности и военной службе" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024)'. The article title is 'Статья 14. Военно-патриотическое воспитание граждан'. The text of the article is visible, starting with '1. Правительство Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления совместно с Министерством обороны Российской Федерации, иными федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых настоящим Федеральным законом предусмотрена военная служба, и должностными лицами организаций обязаны систематически проводить работу по военно-патриотическому воспитанию граждан. (в ред. Федерального закона от 04.06.2014 N 145-ФЗ) (см. текст в предыдущей редакции)'. There is also a section for 'Подготовка, полученная гражданами в военно-патриотических молодежных и детских объединениях, общественно-государственных организациях, осуществляющих военно-патриотическое воспитание и участвующих в развитии военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта, учитывается призывными комиссиями при определении вида и рода войск Вооруженных Сил Российской Федерации, а также других войск, воинских формирований и органов, в которых они будут проходить военную службу по призыву. (в ред. Федеральных законов от 27.06.2018 N 166-ФЗ, от 30.11.2023 N 564-ФЗ) (см. текст в предыдущей редакции)'. A note at the bottom states 'Положение об указанных объединениях утверждается уполномоченным федеральным'. On the right side, there is a 'Новости' section with several news items, including 'Бюджетная отчетность: Минфин подготовил новый стандарт', 'Суд отменил решения СФР по камеральной проверке, вынесенные до истечения срока подачи возражений', 'ЦБ РФ вновь повысил ключевую ставку', 'Для отчетности федеральных ГАБС стали известны сроки на 2025 год – проект Казначейства', 'Нечеловеческий расход: для оценки благоустройства территории не нужно специального образования, решил суд', and 'Статистическая отчетность о зарплате и кадрах: Росстат обновил ряд форм'.

Рис. 1 Скриншот справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

Fig. 1 Screenshot of the reference and legal system «ConsultantPlus»

Source:

Источник:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/4b8a6e41a4356c0addb1c4c572e9ab7c0c5195e2/

Вопросы военно-патриотического воспитания рассматриваются многими авторами и достаточно давно. Например, А.В. Мелентьев исследовал военно-патриотическое воспитание как социально-педагогическую проблему [2]. Н.Ф. Прошко был осуществлен детальный анализ военно-патриотического воспитания в образовательных учреждениях России [5]. В.А. Смирнов исследовал особенности гражданского сознания студенческой молодежи в условиях специальной военной операции [7]. Также имеется ряд публика-

ций на иностранном языке, посвященных проблемам военно-патриотического воспитания в целом [10, 11].

При этом наблюдается дефицит научных исследований, где отображались бы проблемы военно-патриотического воспитания в условиях проведения специальной военной операции. На рис. 2 представлен скриншот из научной электронной библиотеки «ELibrary» по запросу «военно-патриотическое воспитание». В первых 100 результатах нет ни одного упоминания о специальной военной операции.

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА

Поиск в библиотеке

Организация

Навигатор

- ЖУРНАЛЫ
- КНИГИ
- ПАТЕНТЫ
- ПОИСК
- АВТОРЫ
- ОРГАНИЗАЦИИ
- КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
- РУБРИКАТОР
- ССЫЛКИ
- ПОДБОРКИ

Начальная страница

Текущая сессия

Легенда

- Доступ к полному тексту документа открыт
- Полный текст доступен на сайте издателя
- Полный текст может быть получен через систему заказа
- Доступ к полному тексту закрыт
- Если иконки нет - полный текст документа отсутствует в НЭБ

Контакты

Копирайт

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКОВОГО ЗАПРОСА

ВСЕГО НАЙДЕНО ПУБЛИКАЦИЙ: 30473 из 58408553

№	Публикация	Цит.
1	ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ; ДУХОВНОЕ ВОСПИТАНИЕ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА Бесимбаев А.А., Олейник Н.А., Пепеляев А.В. В сборнике: Памятные даты - дни воинской славы России. Посвящается 80-летию Курской битвы и 210-летию Битвы народов. Материалы Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией К.В. Костиной. Омск, 2023. С. 415-422.	3
2	ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ Беспестов Н.С. Студенческий. 2021. № 24-2 (152). С. 83-85.	1
3	ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ АРМИИ И ФЛОТА КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ Попова Н.Ю., Тургенева В.А. В сборнике: ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. сборник статей по материалам XXIV международной научно-практической конференции. 2019. С. 53-57.	2
4	ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ КАДЕТ Гатиятов Д.М. В книге: Воспитание и социализация в современной социокультурной среде. сборник научных статей Международной научно-практической конференции. 2019. С. 139-142.	3
5	ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В БЮДЖЕТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ, КАК ОСНОВА ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ Белоглазова Е.А., Покарнина О.П. В сборнике: Динамика развития системы военного образования. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией К.В. Костиной. Омск, 2022. С. 397-400.	1
6	ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ "АВАНГАРД") Сидоров А.Ю., Иванова И.П. В сборнике: Актуальные проблемы педагогики и методики начального образования. сборник научных статей. 2023. С. 135-141.	0
7	ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЧУВСТВ У ДОШКОЛЬНИКОВ В ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ПОСРЕДСТВОМ ГРУППОВЫХ ФОРМ РАБОТЫ Гуляева С.И. В сборнике: Педагогика, психология, общество: от теории к практике. материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2023. С. 141-143.	0
8	ВОСПИТАНИЕ НА БОЕВЫХ ТРАДИЦИЯХ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ Райкова А.Н. В сборнике: Гражданско-патриотическое воспитание: потенциал, проблемы, перспективы. материалы Всероссийской научно-практической конференции. Саранск, 2023. С. 169-174.	0
9	ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ: КОНЦЕПЦИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ, ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ Белоганов В.А. учебное пособие для студентов вузов региона / Чита, 2008.	8
10	ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ВСЕГО ПРОЦЕССА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН РОССИИ Лавров Д.Е. Студенческий. 2022. № 41-6 (211). С. 40-41.	1
11	СБОРНИК МЕРОПРИЯТИЙ КО ДНЮ ПОБЕДЫ, ДНЮ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА И ДРУГИМ ПАТРИОТИЧЕСКИМ ПРАЗДНИКАМ сценарии торжеств, линейек, вечеров, литератур.-музыкал. композиций, кл. часов, воен.-спортив. игр / Сер. Воспитание в школе. (Изд. 2-е, испр.) Волгоград, 2005.	0
12	ПРОГРАММА ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ "ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА" Дмитровград, 2007.	0

Следующая страница

Выделить все публикации на этой странице

Снять выделение

Добавить выделенные статьи в подборку:

Новая подборка

Добавить все страницы с результатами поиска в указанную выше подборку

Вернуться к поисковой форме и изменить условия запроса

Список статей, ссылающихся на данную запись

Продолжить поиск среди найденных результатов

Вывести список моих публикаций

Вывести список публикаций, ссылающихся на мои работы

Вывести список ссылок на мои публикации

Анализ публикационной активности автора

Рис. 2 Скриншот материалов научной электронной библиотеки «ELibrary» по запросу «военно-патриотическое воспитание»

Fig. 2 Screenshot of the materials from the scientific electronic library «ELibrary» on the request «military-patriotic education»

Source/ Источник: https://elibrary.ru/query_results.asp

Сформированный запрос в научной электронной библиотеке «ELibrary» на тему «специальная военная операция» показал достаточное число публикаций, но почти все они не относятся к педагогике, а связаны с военной, юридической и медицинской наукой, силовыми структурами, а в ряде случаев вообще связаны с другими странами (рис. 3).

Помимо Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»,

вопросы формирования общегосударственной системы патриотического воспитания молодежи закреплены в следующих документах:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации».
2. Методические рекомендации Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи».

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА

LIBRARY.RU

Поиск в библиотеке

Организация

Навигатор

ЖУРНАЛЫ

КНИГИ

ПАТЕНТЫ

ПОИСК

АВТОРЫ

ОРГАНИЗАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

РУБРИКАТОР

ССЫЛКИ

ПОДБОРКИ

Начальная страница

Текущая сессия

Легенда

Доступ к полному тексту документа открыт

Полный текст доступен на сайте издателя

Полный текст может быть получен через систему заказа

Доступ к полному тексту закрыт

Если иконки нет - полный текст документа отсутствует в НЭБ

Контакты

Копирайт

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКОВОГО ЗАПРОСА

ВСЕГО НАЙДЕНО ПУБЛИКАЦИЙ: 106331 из 58408553

№	Публикация	Цит.
1	ANALYSIS OF HOAX NEWS ABOUT RUSSIA'S SPECIAL MILITARY OPERATIONS (SMO) IN THE INDONESIAN MEDIA Muzykant V.L., Syurkani P. Neophilology. 2024. Т. 10. № 1. С. 164-176.	0
2	SPEZIELLE MILITÄROPERATION - DER ERSTE HELD RUSSLANDS Dzhaniev Ch.A., Langenstein V.A. В сборнике: Всегда на страже. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции на иностранных языках, посвященной дню войск национальной гвардии Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2024. С. 122-124.	0
3	THE RUSSIAN-SAUDI RELATIONSHIP AFTER THE BEGINNING OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION (2022) Kfoury M.I. Oriental Courier. 2023. № 2. С. 48-59.	0
4	ROSGVARDIA - THE MAIN STRIKING FORCE IN SPECIAL MILITARY OPERATION ZONE Podolyakin I.V., Evdokimova Ju.N. В сборнике: Всегда на страже. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции на иностранных языках, посвященной дню войск национальной гвардии Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2024. С. 97-100.	0
5	ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ Модестов С.А. Вестник Академии военных наук. 2022. № 2 (79). С. 53-59.	0
6	О МЕТОДОЛОГИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ Дойников И.В. Современное право. 2023. № 2. С. 12-18.	1
7	ПРОГРАММА «РАСЧЕТ СКОРОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОСОБО ОПАСНОЙ ИНФЕКЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ» Гетман С.И., Шенякина И.Е., Николаев А.Д. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2024612771, 05.02.2024. Заявка от 25.01.2024.	0
8	НАУЧНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ПОДГОТОВКИ И ХОДА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ Петрий П.В. Военный академический журнал. 2023. № 4 (40). С. 5-10.	0
9	ПОДВИГИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ЛЕТЕЧИКОВ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ Шендриков Е.А. В сборнике: Динамика развития системы военного образования. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск, 2024. С. 1253-1260.	0
10	ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ Карпов А.С., Карпова К.В. Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 12. С. 217-219.	0
11	СОВРЕМЕННЫЙ ЭКСТРЕНИЗМ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ Алферов С.Н. Омские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 3 (41). С. 136-145.	1
12	МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕНИЗМ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ Ваторопин А.С., Тепляков И.И. Образование и право. 2022. № 8. С. 133-139.	9
13	ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ Проскурин И.М. В сборнике: Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств. Сборник материалов	0

Возможные действия

Следующая страница

Выделить все публикации на этой странице

Снять выделение

Добавить выделенные статьи в подборку:

Новая подборка

Добавить все страницы с результатами поиска в указанную выше подборку

Вернуться к поисковой форме и изменить условия запроса

Создать новый поисковый запрос

Продолжить поиск среди найденных результатов

Вывести список моих публикаций

Вывести список публикаций, ссылающихся на мои работы

Вывести список ссылок на мои публикации

Анализ публикационной активности автора

Рис. 3 Скриншот материалов научной электронной библиотеки «ELibrary» по запросу «специальная военная операция»

Fig. 3 Screenshot of the materials from the scientific electronic library «ELibrary» on the request «unilateral» military operation»
Source/ Источник: https://elibrary.ru/query_results.asp

3. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации».
4. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р).
5. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период

до 2030 года» [3, 7, 9].
Например, в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», являющейся сегодня одним из основных документов в нашей стране, четко прописывается необходимость воспитания молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей (рис. 4).

Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400
"О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"

Номер опубликования: 0001202107030001
Дата опубликования: 03.07.2021

◀ 1 ... 9 10 11 12 13 14 15 ... 44 ▶

1 10 20 50 ВСЕ

Страница №12 из 44:

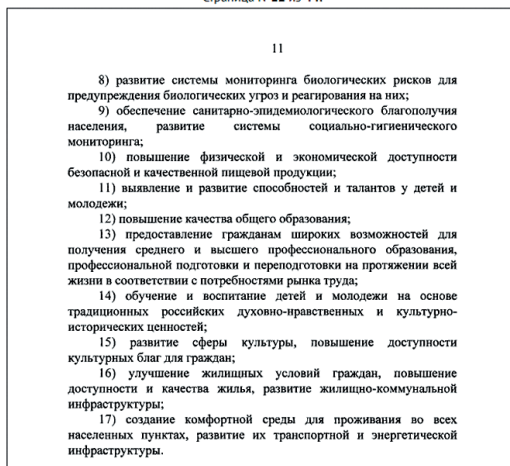

Рис. 4 Скриншот портала «Официальное опубликование правовых актов»

Fig. 4 Screenshot of the portal «Official publication of legal acts»

Source/ Источник: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=12>

Наличие необходимости и чрезвычайной важности духовно-нравственного воспитания молодежи подчёркивает Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. N 809

«Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (рис. 5).

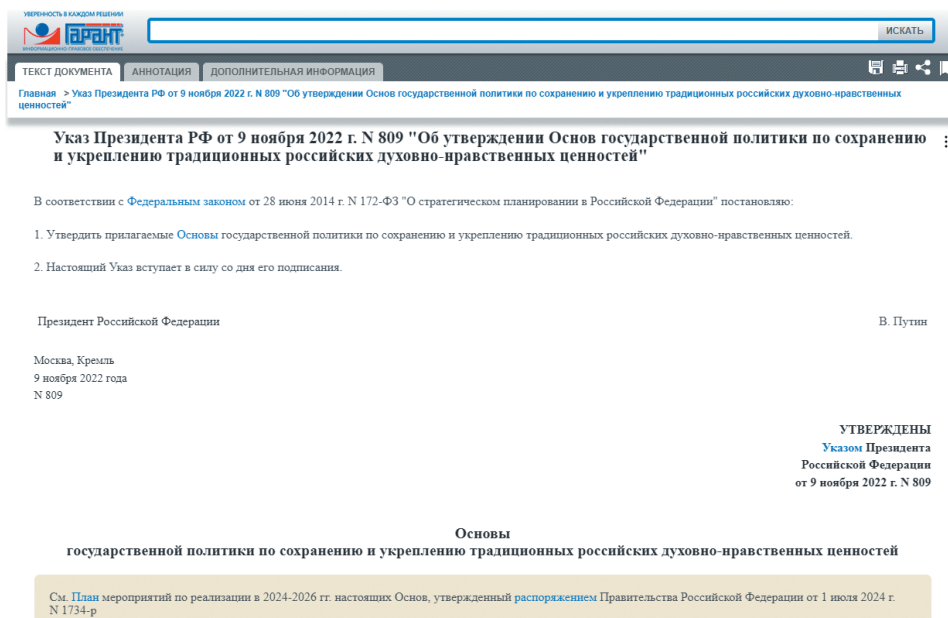

Рис. 5 Скриншот информационно-правовой системы «Гарант»

Fig. 5 Screenshot of the information and legal system «Garant»

Source/ Источник: https://base.garant.ru/405679061/#block_1000

В текущей ситуации, обусловленной проведением специальной военной операции, отечественная педагогическая наука должна пересмотреть детерминанты эффективной организации работы с молодежью в вузах с уделением особого внимания военно-патриотическому воспитанию. Это возможно осуществить посредством поиска, обоснования и апробирования принципиально иных дидактических принципов и подходов к работе с молодежью в высших учебных заведениях в плане военно-патриотического воспитания. При этом необходимо учитывать, что военно-патриотическое воспитание как детерминанта эффективной организации работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции представляет собой очень сложное явление, как и вообще патриотизм в целом.

Организация воспитательной работы образовательной организации высшего образования в условиях проведения специальной военной операции должна ориентироваться на каждого обучающегося, учитывая все текущие запросы общества. Особенно актуально это как в отношении студентов, родственники которых задействованы в специальной военной операции (как кадровые военнослужащие и мобилизованные граждане), так и в отношении только что поступивших в вузы студентов из новых территорий Российской Федерации:

1. Донецкая Народная Республика.
2. Луганская Народная Республика.
3. Херсонская область.
4. Запорожская область.

Уже сложившаяся (хоть и относительно небольшая) практика педагогической деятельности показала, что данные категории обучающихся, во-первых, значительно острее воспринимают вопросы социальной несправедливости, а во-вторых, имеют более ярко выраженную патриотическую позицию, которая, к сожалению, не всегда находит свой отклик не только среди однокурсников, но и среди некоторых

преподавателей (до сих в средствах массовой информации появляются сообщения об отсутствии патриотической позиции у ряда представителей образовательного общества, некоторые из которых покинули страну). Именно поэтому очень важным представляется развитие чувства патриотизма через военно-патриотическое воспитание молодежи в вузах. Воспитательный процесс в высших учебных заведениях в обязательном порядке должен опираться на актуальные запросы гражданского общества, а также учитывать все происходящие сегодня геополитические изменения в мире.

При этом процесс организации военно-патриотического воспитания в вузах должен подразумевать не только условные часы куратора, встречи с ветеранами в преддверии торжественных дат (это также обязательные и очень важные элементы), но и вопросы физического воспитания молодежи. Исследование Д.Г. Радченко, Т.А. Кондратюк, посвященное формированию основных педагогических принципов военно-патриотического воспитания в вузах (здесь учитывался данный процесс в контексте физического воспитания), показало, что в вузах (здесь рассматривались образовательные организации, не входящие в подчинение Министерства спорта Российской Федерации и Министерства обороны Российской Федерации) более половины молодых людей младших курсов образовательных организаций высшего образования продемонстрировали низкий уровень физической подготовки (рис. 6) [6].

В результате анализа данных, представленных на рис. 6, можно сделать вывод о том, что необходимо пересмотреть вопрос военно-патриотического воспитания молодежи с учетом комплексного подхода, включая и вопросы физического воспитания. Помимо вопросов общей физической подготовки, Д.Г. Радченко, Т.А. Кондратюк осуществили мониторинг военно-прикладной готовности молодежи,

Рис. 6 Показатель физической подготовки молодых людей младших курсов образовательных организаций высшего образования, чел., %

Fig. 6 Indicator of physical fitness of junior students of higher education institutions, people, %

Source/ Источник: [6]

обучающейся в образовательных организациях высшего образования, где также был продемонстрирован низкий уровень [6].

Соответственно, можно сделать вывод, что текущий уровень и состояние военно-патриотического воспитания не отвечает интересам Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции. Подобная ситуация обуславливает важность и необходимость в самое ближайшее время рассмотреть военно-патриотическое воспитание как основную детерминанту эффективной организации работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции.

В контексте результатов, отображенных на рис. 6, авторы предлагают включить и скорректировать рабочие программы дисциплин:

1. «Физическая культура и спорт».
2. «Физическая культура и спорт (элективные дисциплины)».
3. «Основы военной подготовки».

Данные дисциплины являются обязательными для изучения по всем направлениям подготовки бакалавриата. При этом мы предлагаем в программе «Физическая культура и спорт (элективные дисциплины)

ны)» предусмотреть выбор одного из видов военно-прикладных видов спорта, например, таких как:

- армейский рукопашный бой;
- военно-прикладной спорт;
- военно-спортивное многоборье;
- стрельба из штатного или табельного оружия;
- гребля на шлюпках;
- гребно-парусное двоеборье;
- армейское тактико-стрелковое многоборье.

Многие из данных видов военно-прикладного спорта можно применять в образовательных организациях высшего образования, подведомственных Министерству спорта Российской Федерации. При этом можно предусмотреть межпредметные взаимосвязи между дисциплиной «Основы военной подготовки» и «Физическая культура и спорт (элективные дисциплины)».

Также представляется целесообразным включить в процесс военно-патриотического воспитания как основной детерминанты эффективной организации работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции такие общие для всех направлений подготовки дисциплины учебного плана,

как «Основы российской государственности» и «Обучение служением».

Современная педагогическая практика демонстрирует нам, что эффективность военно-патриотического воспитания как основной детерминанты эффективной организации работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции зависит, прежде всего, от понимания сути стоящих перед обществом проблем и соответствующей квалификации научно-педагогических работников, а также от их способности использовать в соответствующем контексте имеющиеся педагогические технологии в рамках компетентного подхода, действующего законодательства в сфере образования и Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования.

Однако, если подробно проанализировать Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, то можно обнаружить отсутствие упоминания в них каких-либо установок по военно-патриотическому воспитанию обучающихся. Как известно, в ходе обучения студенты обязаны в полном объеме освоить следующие виды компетенций:

- универсальные;
- общепрофессиональные;
- профессиональные.

В данный момент мы говорим о Федеральных стандартах поколения 3++, не затрагивая стандарты 4-го поколения, так как Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.02.2022 № 89 только вступил в силу с 01.09.2024, и массово данные стандарты будут внедряться с 2025 года.

Соответственно, вполне логично, что вопросы военно-патриотического воспитания должны отображаться в качестве результатов освоения универсальных компетенций, тем более что они едины для всех программ бакалавриата. Однако анализ универсальных компетенций в учебных планах продемонстрировал полное отсутствие не только военно-патри-

отической составляющей в частности, но патриотической в целом.

Все универсальные компетенции разделены на категории:

1. «Системное и критическое мышление».
2. «Разработка и реализация проектов».
3. «Командная работа и лидерство».
4. «Коммуникация».
5. «Межкультурное взаимодействие».
6. «Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение)», «Безопасность жизнедеятельности».
7. «Инклюзивная компетентность».
8. «Экономическая культура, в том числе финансовая грамотность».
9. «Гражданская позиция».

Вполне логично было включить элементы военно-патриотического воспитания обучающихся в таких категориях универсальных компетенций, как, прежде всего, «Гражданская позиция», а также «Безопасность жизнедеятельности». Однако в категории «Гражданская позиция» мы видим расшифровку универсальной компетенции УК-10 (в некоторых стандартах УК-11) «Способен формировать нетерпимое отношение к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению и противодействовать им в профессиональной деятельности». То есть отсутствует хоть какое-либо упоминание о патриотической составляющей. При этом данная формулировка была введена Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 27 февраля 2023 г. № 208 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования», то есть уже в то время как специальная военная операция длилась один год [4].

В категории «Безопасность жизнедеятельности» находится УК-8, где упоминается военный конфликт, но исключительно в контексте «...безопасных условий жизнедеятельности для сохранения природной среды, обеспечения устойчивого развития общества...».

Общепрофессиональные компетенции мы не рассматривали, так как они, прежде всего, ориентированы «на области профессиональной деятельности и (или) сферы профессиональной деятельности». Аналогичная ситуация и с профессиональными компетенциями, так как они формулируются вузом на основе профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, а также «на основе анализа требований к профессиональным компетенциям, предъявляемых к выпускникам на рынке труда, обобщения отечественного и зарубежного опыта, проведения консультаций с ведущими работодателями, объединениями работодателей отрасли».

Соответственно, можно сделать вывод о наличии проблемы военно-патриотического воспитания при организации эффективной работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции. Данный процесс не является основной детерминантой воспитательной работы в образовательных организациях высшего образования. При этом проблема заключается не только и не столько в работе научно-педагогических работников, сколько в наличии необходимой нормативной базы для эффективной реализации военно-патриотического воспитания при организации эффективной работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции.

Заключение. Проведенное исследование выявило проблемы военно-патриотического воспитания при организации эффективной работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции, которые касаются не только содержательного наполнения данного процесса, но и нормативного регулирования.

К числу основных выявленных проблем военно-патриотического воспитания при организации эффективной работы с молодежью в вузах в условиях проведения специальной военной операции авторы относят:

- недостаточная интеграция военно-патриотического воспитания в общий план воспитательной работы с молодежью в образовательных организациях высшего образования;
- низкий уровень физической подготовки обучающихся вузов;
- в ряде случаев отсутствие должной гражданской позиции у обучающихся, обусловленной проведением специальной военной операции;
- низкий уровень военно-прикладной готовности молодежи, обучающейся в образовательных организациях высшего образования;
- отсутствие элементов военно-патриотического воспитания как в категориях универсальных компетенций, так и в их расшифровке.

Для решения выявленных проблем авторы предлагают реализацию следующих мероприятий, направленных на повышение эффективности военно-патриотического воспитания молодежи в вузах в условиях проведения специальной военной операции:

- пересмотр планов воспитательной работы с обучающимися в вузах с обязательным выделением военно-патриотической составляющей в качестве основного раздела;
- введение раздела, посвященного специальной военной операции (предыстория вопроса, основные причины проведения, важность для отстаивания национальной самоидентичности, этапы, герои) в рабочую программу дисциплины «Основы российской государственности»;
- введение раздела, посвященного специальной военной операции (организация добровольной помощи, волонтерство и другие вопросы) в рабочую программу дисциплины «Обучение служением»;
- формирование межпредметных взаимосвязей между разделами рабочих программ дисциплин «Физическая культура и спорт», «Физическая культура и спорт (элективные дисциплины)», «Основы во-

енной подготовки» с возможностью введения выбора обучающимися для изучения военно-прикладных видов спорта;

– введение еще одной универсальной компетенции в категории «Гражданская позиция», включающую в себя вопросы военно-патриотического воспитания, например, «Способен отстаивать и защищать интересы Российской Федерации на осно-

ве традиционных ценностей, военно-патриотического, духовного, исторического и культурного наследия».

Считаем, что реализация указных выше мероприятий позволит повысить эффективность военно-патриотического воспитания молодежи в вузах в условиях проведения специальной военной операции.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Клименко П.В., Шпырня О.В. Приоритетные направления патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15, № 4. С. 93-100.
2. Мелентьев А.В. Военно-патриотическое воспитание как социально-педагогическая проблема // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 6А, ч. II. С. 905-914.
3. Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] // Методические рекомендации Федерального агентства по делам молодежи (Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи»): [сайт]. https://patriot.nso.ru/sites/patriot.nso.ru/wodby_files/files/document/2022/12/documents/metodicheskie_rekomendacii_osnovy_patr._vospitaniya.pdf (дата обращения: 02.09.2024).
4. О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 27 февраля 2023 г. № 208.
5. Прошко Н.Ф. Военно-патриотическое воспитание в образовательных учреждениях России [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/18PDMN622.pdf>
6. Радченко Д.Г., Кондратюк Т.А. Военно-патриотическое воспитание обучающихся в процессе освоения учебной дисциплины «Физическая культура и спорт» в вузах: учебное пособие. Красноярск, 2019. 146 с.
7. Смирнов В.А. Гражданские установки российских студентов в контексте специальной военной операции // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 8/9. С. 9-23.
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.
9. О воинской обязанности и военной службе (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024): Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
10. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция).
11. Deibuk O.V., Tabarchak E.V. The system of military-patriotic education of NNS students // News of Science and Education. 2018. Vol. 6, No. 3. P. 006-009.
12. Leonov V.V. Radzievskaya E.N., Leonov A.V. Military-patriotic education of youth in the paradigm of patriotism and citizenship // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration: Proceedings of the International Conference, Beijing. Beijing, 2024. P. 45-53.

REFERENCES

1. Klimenko P.V., Shpyrnya O.V. Priority areas of patriotic education of modern youth in the context of a special military operation // Bulletin of Maikop State Technological University. 2023. Vol. 15, Issue 4. P. 93-100. (In Russ.)
2. Melentyev A.V. Military-patriotic education as a socio-pedagogical problem // Pedagogical journal. 2022. Vol. 12, No. 6A, part II. P. 905-914. (In Russ.)
3. Fundamentals of patriotic education of citizens of the Russian Federation [Electronic resource] // Methodological recommendations of the Federal Agency for Youth Affairs Russian Center for Civil and Patriotic Education of Children and Youth): [website]. https://patriot.nso.ru/sites/patriot.nso.ru/wodby_files/files/document/2022/12/documents/metodicheskie_rekomendacii_osnovy_patr_vospitaniya.pdf (date accessed: 02/09/2024). (In Russ.)
4. On Amendments to the Federal State Educational Standards of Higher Education: Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated February 27, 2023 No. 208. (In Russ.)
5. Proshko N.F. Military-patriotic education in educational institutions of Russia [Electronic resource] // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2022. Vol. 10, Issue 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/18PDMN622.pdf> (In Russ.)
6. Radchenko D.G., Kondratyuk T.A. Military-patriotic education of students in the process of mastering the academic discipline “Physical Education and Sports” in universities: a tutorial. Krasnoyarsk, 2019. 146 p. (In Russ.)
7. Smirnov V.A. Civil attitudes of Russian students in the context of the unilateral military operation // Higher education in Russia. 2023. Vol. 32, Issue. 8/9. P. 9-23. (In Russ.)
8. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400. (In Russ.)
9. On military duty and military service (as amended and supplemented, entered into force on September 1, 2024): Federal Law of March 28, 1998 No. 53-FZ (as amended on August 8, 2024).
10. On Education in the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ (latest revision). (In Russ.)
11. Deibuk O.V., Tabarchak E.V. The system of military-patriotic education of NNS students // News of Science and Education. 2018. Vol. 6, Issue 3. P. 006-009. (In Eng.)
12. Leonov V.V. Radzievskaya E.N., Leonov A.V. Military-patriotic education of youth in the paradigm of patriotism and citizenship // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration: Proceedings of the International Conference, Beijing. Beijing, 2024. P. 45-53. (In Eng.)

Информация об авторах / Information about the authors

Павел Валерьевич Клименко, кандидат педагогических наук, начальник специального факультета. «Краснодарское высшее военное орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменного училища имени генерала армии С.М. Штеменко» Министерства обороны Российской Федерации, г. Краснодар, Российская Федерация, e-mail: pashaklim82@mail.ru

Олег Валентинович Шпырня, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма и гостеприимства. Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Краснодар, Российская Федерация, e-mail: oleg_shpyrnya@mail.ru

Pavel V. Klimenko, PhD (Pedag.), Head of the Special Faculty, Krasnodar Higher Military Orders of Zhukov and the October Revolution Red Banner School named after Army General S.M. Shtemenko of Ministry of Defense of the Russian Federation, Krasnodar, the Russian Federation

Oleg V. Shpyrnya, PhD (Pedag.), Associate professor, Head of the Department of Tourism and Hospitality, Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, the Russian Federation

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 01.10.2024

Поступила после рецензирования 23.10.2024

Принята к публикации 24.10.2024

Received 01.10.2024

Revised 23.10.2024

Accepted 24.10.2024

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-128-143>
УДК 316.346.36

Теоретико-методологические подходы к исследованию поколений: сравнительный анализ

В.С. Новикова✉

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
Российский биотехнологический университет, г. Москва, Российская Федерация*
✉ vlctorr1a@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена дефиниции понятия «поколение», а также анализу трансформации этого понятия на различных этапах развития поколенческой теории. Демографический подход к изучению поколений связан, прежде всего, с выделением определенных возрастных интервалов с целью анализа возрастной структуры населения. Автор ставит своей целью дополнить демографический взгляд на поколения социологической интерпретацией их особенностей и характеристик. В результате теоретического обзора поколенческих концепций было сформулировано авторское определение понятия «поколение». Под поколением автор понимает группу людей, схожих по ценностным установкам, паттернам поведения и мировоззрению, которые выработаны в ходе совместного переживания исторических событий и социально-экономических условий с общим возрастным интервалом около 20 лет.

В рамках представленной работы автор выдвигает предположение о том, что поколенческие теории и классификации имеют точки соприкосновения, позволяющие систематизировать и сравнить их. Для проверки этой гипотезы рассмотрены поколенческие классификации Хоу и Штрауса, Ю.А. Левады, В.В. Радаева, а также ряда других авторов. Результатом теоретического обзора является проведение сравнительного анализа этих классификаций в табличном виде. По итогу работы автор приводит ряд рекомендаций по выбору теоретической рамки для исследования поколений в зависимости от страновой и предметной специфики. Данное исследование будет полезно в первую очередь ученым, занимающимся поколенческой проблематикой в различных сферах социальных наук. Также представленная статья имеет актуальность для образовательных программ, в которых включено рассмотрение поколений как научной категории.

Ключевые слова: поколения, когорты, теория поколений, бэйби-бумеры, поколение икс, поколение Y, миллениалы, поколение Z

Для цитирования: Новикова В.С. Теоретико-методологические подходы к исследованию поколений: сравнительный анализ. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):128–143. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-128-143>

Theoretical and methodological approaches to the study of generations: a comparative analysis

V.S. Novikova✉

Institute for Demographic Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Russian Biotechnological University, Moscow, the Russian Federation

✉ v1ctorr1a@mail.ru

Abstract. The article defines the concept of «generation», and analyzes the transformation of this concept at various stages of the development of generational theory. The demographic approach to the study of generations is primarily associated with the identification of certain age intervals in order to analyze the age structure of the population. The author aims to supplement the demographic view of generations with a sociological interpretation of their features and characteristics. As a result of a theoretical review of generational concepts, the definition of the concept of «generation» has been formulated. A generation is understood as a group of people similar in value attitudes, behavior patterns and worldview, which were developed in the course of joint experience of historical events and socio-economic conditions with a common age interval of about 20 years.

In the framework of the presented work, It has been assumed that generational theories and classifications have points of contact that allow them to be systematized and compared. To test this hypothesis, the generational classifications of Howe and Strauss, Yu.A. Levada, V.V. Radaev, and a number of other authors have been considered. The result of the theoretical review is a comparative analysis of these classifications in tabular form. As a result of the work, a number of recommendations for choosing a theoretical framework for studying generations depending on country and subject specifics have been provided. This study will be useful primarily for scientists studying generational issues in various fields of social sciences. Also, the presented article is relevant for educational programs that include consideration of generations as a scientific category.

Keywords: generations, cohorts, generational theory, baby boomers, generation X, generation Y, millennials, generation Z

For citation: Novikova V.S. Theoretical and methodological approaches to the study of generations: a comparative analysis. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(4):128–143. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-128-143>

Введение. Актуальность исследования поколений возрастает в настоящее время в связи с возникновением ряда исследовательских вопросов в этом направлении. В текущей перспективе на определения границ поколений влияет два разнонаправленных процесса. С одной стороны, сроки смены поколений строятся на среднем возрасте деторождения, который сдвигается в большую сторону в связи с изменением демографической структу-

ры семьи [1]. В то же время интервалы поколений измеряются в зависимости от протекания процессов социализации и формирования ценностных расхождений между поколениями.

Технологии в настоящий момент становятся одним из важных факторов дифференциации поколений. Развитие информационных технологий увеличивает темп жизни и скорость формирования того самого «разрыва» поколений. Таким обра-

зом, несмотря на увеличение среднего возраста рождения детей, возрастные интервалы, определяющие границы поколения, сокращаются за счет смены технологий.

В.В. Радаев в 2019 году так обосновывал отсутствие кардинальных различий поколений: «Прогноз заключается в том, что перелом уже произошел, и у центниалов, родившихся в XXI веке, усилятся признаки, которые сегодня отличают миллениалов, – то есть следующее поколение усилит эти тренды. Нового перелома трендов, скорее всего, не произойдет» [2]. Однако спустя почти шесть лет после этого прогноза мы можем наблюдать основание для возможного разрыва. Причиной этому могут послужить NBIC-технологии, например, искусственный интеллект. В период ранней взрослости в дальнейшем вступит поколение детей, рожденных уже не просто в цифровой среде, а окруженное искусственным интеллектом.

Новизна представленной работы заключается в систематизации и соотнесении имеющихся поколенческих теорий. Суть анализа заключается в сравнении основных характеристик, представленных в различных типологиях, поиске сходства, а также различий и противоречий между ними. В результате автор дает соотнесение описания поколенческих групп у разных авторов. Результаты системного анализа теоретических концепций представлены в едином табличном виде. Разработанная система поколенческих теорий в дальнейшем будет применима для социологических исследований с целью грамотно определить поколенческую группу эмпирического объекта исследования и выделить его ключевые характеристики согласно основным теориям.

Социологический подход рассматривает поколения как общественные явления, а также как субъектов и объектов воздействия, действия и взаимодействия, в качестве факта социальных изменений. Другими словами, они рассматриваются в

научном дискурсе как в публичной, так и в частной сфере. Таким образом, с одной стороны, под поколением понимается отношения в рамках семьи, а с другой, «шаг» условных возрастных когорт в ходе социальных изменений [3, с. 13].

Производя содержательный анализ дефиниции «поколение», стоит учесть четыре базовых подхода: биологический, генеалогический, демографический, историко-культурный [4, с. 1498]. Первый из них базируется на изучении форм организма, которые в свою очередь различаются по своему строению, образу жизни и размножению. Второй подход подразумевает группу особей, которая одинаково отдалена от предков.

Однако наиболее подходящими трактовками для профиля настоящего исследования выступают последние два подхода. Так, демографическая трактовка объясняет поколения как родившихся на протяжении одного года индивидов и используется для составления возрастной структуры населения. В этом ключе также уместно понятие «возрастной когорты» населения, которое содержит в себе именно возрастную компоненту и применяется для демографических исследований. В такой теоретической рамке когорты выделяются на основании года рождения и пяти- или десятилетним интервалом [5].

Историко-культурное понимание поколения рассматривает более широкий контекст, принимая во внимание совокупность участников одного события или современников важных исторических событий. В этом ключе поколение необходимо классифицировать, рассматривая не только год рождения индивида, но и его отношение к социальному времени. Другими словами, время, которое переживается коллективно, формируя особенности культуры отдельных классов, субкультур, гендерной специфики или профессий (конструирования реальности в целом). Также, прибегая к историко-культурному изучению поколений, мы говорим о включении

в одну поколенческую группу нескольких возрастных когорт.

Помимо общего историко-культурного контекста, в различные возрастные интервалы индивиды имеют ключевые задачи, стоящие перед ними на каждом этапе продолжающейся всю жизнь социализации. Этап вступления во взрослую жизнь представляет особый интерес в контексте исследования поколений, так как заданные условия становления взрослого определяют в дальнейшем специфику поколения. Интервал ранней взрослости К. Мангейм определяет в промежутке от 17 до 25 лет [6, с. 34]. В то же время существует тенденция кидалтизма, который способен сместить интервал ранней взрослости в еще пока что еще не исследованные рамки.

В результате, при отнесении возрастной когорты к определенному поколению, необходимо проанализировать возрастные паттерны и культуру поведения, общую систему ценностей, отношение к совместно пережитым событиям, схожим условиям социализации в контексте жизненного пути [7]. При этом анализ индивидуального пути рассматривает не только процесс прохождения фиксированных стадий жизни с нормативной точки зрения. Здесь стоит отдельно рассматривать восприятие индивидом или группой времени, исходя из отношения к историко-культурным событиям. Более узко можно рассматривать отношение к социальной группе и к ролям внутри нее. Например, роли профессионала, работника и т. д.

В результате общая ценностная компонента поколений складывается из трех основных составляющих. С одной стороны – это временной промежуток рождения представителей поколения. Из этого вытекает два других важных составляющих. Представителей одного поколения можно объединить по символическому принципу, т. к. они обладают знанием общего культурного кода, контекста и символов. Третья составляющая – социальная память как общее проживание крупных историче-

ских событий и их отражение в сознании поколенческой группы.

Стоит отметить, что социальная память является близким по смыслу понятием к исторической памяти. Осадчая Г.И. определяет социальную память как социальную информацию о прошлом и совокупность актуальных практик, сформировавшихся под влиянием текущей реальности, общественно-культурного контекста и личного социального бытия людей, разновекторно оценивающих прошлое [8, с.75]. Отличительной особенностью социальной памяти является то, что она содержит запоздалую оценку исторических процессов субъектами. В ходе такого заполнения может происходить искажение исторических фактов. Прежде всего, это происходит через межпоколенческую трансляцию истории от старших к младшим в рамках семьи или других значимых групп. Так, М. Хёрш описывает этот процесс в своей концепции «постпамяти» [9].

Основная часть. Теоретическое изучение проблемы поколений связано с трудами К. Мангейма, поскольку он один из первых взял за основу разделения возрастных когорт связь с определенными историческими событиями. Основой такого разделения послужило наличие у людей, проживших одни и те же исторические события, одинакового опыта, возможностей и, в конечном счете, коллективных воспоминаний. Итогом общности этих воспоминаний является оформление поколенческих паттернов, выражающихся в вопросах отношения к реальности и моделях поведения. Аналогичный общий бэкграунд описывается П. Бурдые в его теории габитуса. Изначально его труды, описывающие массовые поколения, были вдохновлены именно социальный проблематикой потерянного поколения после Первой мировой войны [6].

В определении поколения К. Мангейм основывается на позитивистском и романтико-историческом подходах и вы-

страивает собственный социологический подход к определению поколений на базе схожего местоположения в социальном пространстве [6, с. 24]. Принадлежность к определенному поколению обуславливает ценностные установки индивида, следовательно, и его поведение. Это влияние на жизнь индивида можно сравнить с классовой принадлежностью. При этом различия в восприятии мира среди разных поколений неизбежно приводят к конфликту. Молодая возрастная когорта более склонна к модернизации мира, построенного старшим поколением, которое, напротив, стремится к его стабилизации. В то же время само поколение нельзя назвать единой однородной структурой: К. Мангейм указывает на наличие поколенческих единиц, которые ярко выделяются на общем фоне и выступают ему антагонистами.

Как подчеркивает К. Мангейм, основным фактором, формирующим межпоколенческое взаимодействие, является социальная динамика: «...в случае высокой скорости изменений старшее поколение испытывает большее влияние молодых при опосредовании средних поколений, а в условиях статичного состояния общества молодое поколение стремится приспособиться к старшему и походить на него» [10, с. 814.]. В современном состоянии ускоренного темпа жизни и эпоху «текучей современности», описанной З. Бауманом [11], можно говорить о ключевой роли именно молодого поколения на современном этапе развития общества.

Стоит отметить, что в настоящее время теорию К. Мангейма дополнили с точки зрения стратификационного подхода на основе возрастной принадлежности. Неравенство поколений основывается на неравномерном доступе к ключевым ресурсам: молодежь, как правило, обладает ими в значительно меньшем количестве. В. Бенгтсон видит в этом основу для социальных конфликтов, почвой для которых служит противоречие между стабильностью и трансформацией [12].

Смену поколенческих ценностей также изучал Р. Инглхарт в своей теории постматериализма [13]. Первая разновидность поколений, выделенных ученым, имеет большие установки на удовлетворение материальных потребностей и экономический рост. Период взросления представителей этих поколений приходится на сложные социально-экономические процессы, в результате которых у поколения формируются материалистические установки. Второй тип поколений формируется следом за материалистами за счет смещения «от ценностей выживания к ценностям самовыражения». На первый план выходит ценность общественной ответственности и движений. На место погони за экономическим ростом приходит борьба за экологию и общественное равенство различного рода (гендерное, экономического и т. д.). Помимо этого, усиливается процесс секуляризации, растет приемлемость к приезжающим в принимающем обществе, а также растет допустимость альтернативных форм гендерных отношений. Например, учащается допустимость разводов, снижается осуждение гомосексуальных связей. Здесь также стоит отметить, что современные миллениалы и зумеры относятся к постматериалистическим поколениям, так как период их взросления пришелся на относительную стабильность.

Известный американский антрополог М. Мид также занималась проблемой поколений через призму культурных различий обществ [14]. Так, общества с постфигуративной, примитивной культурой не имеют ярких различий в ценностях молодого и старшего поколения, так как в обществе господствует абсолютная преемственность. Результатом является медленное протекание изменений в таком обществе. На цивилизованном этапе развития обществ возникает кофигуративная культура. Здесь взаимоотношения поколений также трансформируются и обучение происходит, прежде всего, в рамках своей

поколенческой когорты, то есть в среде сверстников. В течение жизни таким образом взрослые накапливают больше опыта и знаний. Результатом этой трансформации служит постепенная модернизация общества. Для современного общества характерна префигуративная культура, где трансформация происходит наиболее активно и уже молодое поколение, более адаптированное к меняющемуся миру, обучает старших.

Следующий этап в изучении поколенческой проблематики – постсовременный. Его представители анализируют и выделяют поколения, родившиеся с начала XX века, по тем же основаниям, что и К. Мангейм. Однако авторы используют циклический подход, делают акцент на изучении общих ценностей, мировоззрении индивидов. Наиболее известной из постсовременных теорий является теория Н. Хоува и У. Штрауса (Н. Хоу и В. Штрауса) [15].

Основанием их классификации выступают общие ценности, разделяемые представителями разных поколений, сменявшихся на протяжении XVI–XXI века. Оригинальная теория поколений построена на циклических изменениях, при этом каждый цикл составляет примерно 80–90 лет и совпадает с жизненным циклом человеческой жизни. Затем, после окончания цикла, ученые отметили наступление кризисной ситуации в американской истории, сменяющей общественный порядок. При этом интервалы могут быть неодинаковы и иметь продолжительность как 70, так и 100 лет. Современный период представлен такими поколениями, как бейби-бумеры, иксы, миллениалы и хоумлендеры.

Каждый период состоит из последовательной, повторяющейся смене четырех сезонов (весна, лето, осень, зима), обусловленных социально-политическими и экономическими условиями, также сменяющимися по циклу (подъем, пробуждение, спад, кризис). Смена этих этапов рождает соответствующий архетип поколения: про-

рок, странник, герой, художник. Архетипы можно охарактеризовать с точки зрения общих ценностей и паттернов поведения соответственно: идеалистический, реактивный, гражданский, адаптивный.

Стремление молодого поколения построить собственную новую реальность, исправив ошибки предыдущего поколения, является движущим механизмом смены описанных циклов. Таким образом, молодые люди, вступая в период совершеннолетия, осознают несправедливость мира, построенного предыдущим поколением. Со временем замещая их, они кладут в основу общественного развития иные, зачастую кардинально противоположные принципы. Такая переориентировка ценностей из поколения в поколение рождает цикличность: коллективизм сменяется индивидуализмом, тот порождает эгоизм, который вытекает в конформизм, и затем цикл начинается сначала.

Следом за завершением цикла рождается пятое поколение, которое частично повторяет первый архетип. Представители этого поколения рождаются в переходный период между двумя циклами. В результате этого испытывают смешанное влияние со стороны различных ценностных систем, тем самым становясь переходным поколением. Поэтому в обществе параллельно существует четыре основных поколения. Однако проследить трансформацию системы ценностей достаточно сложно, поскольку для этого необходимо произвести как минимум два лонгитюдных «замера» системы ценностей. Первый из них – измерение ценностей 20-летней молодежи. Затем – замер ценностей, пришедших им на смену 20-летних молодых людей и сравнение с уже полученными значениями у уже старшего поколения. Таким образом, подобное лонгитюдное исследование должно длиться минимум 40 лет.

Говоря о поколениях, представленных сегодня в структуре населения, в своих работах они используют следующую периодичность названий поколенческих

групп с шагом в 20 лет: бэйби-бумеры, поколения X (икс), Y (игрек/миллениалы) и Z (зет\хоумлендеры). Исходя из его теории о цикличности в смене поколений, отметим, что предыдущий цикл завершало так называемое «молчаливое» поколение.

Наиболее актуальной работой Н. Хоу является книга «Четвертый поворот наступил» [16], выпущенная ученым в середине 2023 года. В рамках этой работы автор продолжает исследование поколений, но уже с акцентом на смещение возрастных промежутков для представителей поколения Y и Z.

Переходя к отличительным чертам каждого архетипа, начнем описание с представителей весеннего сезона – пророки, к ним относится поколение бейби-бумеров, самое старшее поколение трудоспособного возраста. Их условия формирования – общество в период обновления после крупных кризисов, конфликтов. В среднем возрасте они склонны создавать идеалистический мир на месте разрушенного старого, транслировать новые моральные ценности. Их идеализм создает общество коллективизма с верой в светлое будущее на основе общего начала.

Следующий сезон – лето, представители которого стремятся изменить идеальный мир, построенный предыдущим поколением, начать в нем революционные изменения. Это поколение носит название «X» или тринадцатое, относится к архетипу «странник». Они отрицают коллективизм, стремятся проявить себя, а не подстраиваться под общепринятые нормы. В момент их взросления они чувствуют себя непонятыми и незащищенными в рамках, установленных ранее. Это приводит к формированию у них ценности прагматизма и расчетливости к среднему возрасту. Их вклад заметен, прежде всего, в культуре.

Поколение Y, или миллениалы, относится к осеннему сезону и архетипу «герой». Это яркие индивидуалисты, которые в момент своего формирования чувствуют защищенность, вырабатывают эгоизм и

циничность, вырастают с четко сформулированной гражданской позицией. Они отрицают нравственные устои, стремятся достичь неограниченности в собственных действиях. Это происходит в связи с преобладанием ценности прагматизма и самодостаточности в момент их формирования. Основным маркером относительно среды формирования выступает появление сети Интернет.

Поколение Z относится к зимнему сезону и архетипу «художник», который в цикле социально-экономических изменений рождается в кризисной фазе. Это обуславливает их конформизм и адаптивность, поскольку они формируются в нестабильных условиях и вынуждены подстраиваться под них. В связи с этим они не имеют четкого внутреннего стресса, но отлично ориентируются в виртуальном мире, так как с рождения интегрированы в него. К среднему возрасту они становятся неуверенными лидерами, что является результатом излишней защищенности со стороны родителей в период взросления. Стоит отметить, что характеристики молодого поколения, в теории авторов, должны повторять черты молчаливого поколения, предшествующего бейби-бумерам, поскольку они являются представителями «пятого» поколения в обществе, формирующиеся на переходной стадии цикла (табл. 1).

Однако, несмотря на логичность и последовательность сменяемости описанных поколений, теория имеет ряд оснований для критики. Несмотря на изначальную ориентацию на универсальность, теория имеет локальную культурную специфику. Она является американской версией развития поколений, без учета специфики и культуры, традиций, ценностей. В теории не рассматривается опыт отдельных стран, развитые и развивающиеся страны приравниваются друг к другу. Согласно этой теории, представители одного поколения имеют незначительные страновые различия или вовсе не имеют их. Однако о таком

**Таблица 1. Теория сменяемости поколений Н. Хоуа и У. Штрауса
на момент 2024 г.**
**Table 1. The theory of generational succession by N. Howe and W. Strauss
for the year 2024**

Источник: составлено автором
Source: compiled by the author

Поколение	Сезон	Архетип	Год рождения	Цикл	Условия формирования
Молчаливое	Зима	Художник	1925–1942	Кризис	Вторая мировая война
Бейби-бумеры	Весна	Пророк	1943–1960	Подъем	Период экономической и общественно-политической стабильности
Икс	Лето	Странник	1961–1981	Пробуждение	Революция сознания
Игрек / Миллениалы	Осень	Герой	1982–2005	Спад	Культурные войны, постмодерн
Зет / Центиниалы	Зима	Художник	2006–2029	Кризис	Мировой экономический кризис, пандемия

пренебрежении, с нашей точки зрения, целесообразнее говорить, скорее, начиная с поколения миллениалов, поскольку их период взросления пришелся на 2010-е годы как период развития цифровых технологий, а также расцвета глобализации, что позволило молодежи из разных стран получить в этот период схожий «набор» событий для формирования социальной памяти и паттернов поведения.

К тому же возникают вопросы относительно общепринятого поколенческого интервала. У. Штраус и Н. Хоу в своей теории устанавливают среднюю длительность для одного поколения в интервале 20 лет. Однако на этот интервал влияет два разнонаправленных процесса: с одной стороны, средний возраст деторождения увеличивается, с другой, цифровизация создает условия для более быстрой смены ценностных установок и формирования большей разницы между поколениями.

Теория Хоу и Штрауса получила свое продолжение в ряде эмпирических иссле-

дований, проведенных их последователями. Так, Pew Research Center [17] произвели схожую с теорией классификацию, однако их отличием стал сдвиг возрастных рамок с шагом примерно в 5 лет. Таким образом, для молчаливого поколения годами рождения стали 1928–45 гг., для бумеров – 1946–64 гг., иксы в их классификации родились в 1965–80 гг., игреки – в 1981–86 гг., а зеты – в 1997–2012 гг.

Российские авторы активно занимались адаптацией теории поколений, акцентировав внимание на процессе смены поколений именно в России. Советский социолог Ю.А. Левада, изучавший социальную память, также разработал классификацию поколений. Основанием для ее разработки послужили последовательно проведенные социологические исследования в период с 1994 по 2012 год. Ю.А. Левадой было сформулировано содержание понятия «советский человек», специфика которого сохраняется даже после смены государственной системы в России [18].

В сборнике «Время перемен: предмет и позиция исследователя» [19] автор рассматривает три связанных понятия: социальная память, историческое сознание и мифологическое сознание. В теории Ю.А. Левады основной акцент делается не на возрастных характеристиках, а на поиске поколенческих групп, имеющих историческую общность.

Автор описывает два механизма смены поколений. В основе первого, элитарного, лежит влияние основ государственного управления на исторические и социально-экономические изменения в масштабах общества. Второй подход носит название массового и затрагивает низовые группы населения. Так, для российской действительности он выделяет шесть основных исторических событий: революционные изменения с 1905 по 1930 г., сталинский период (1930–1941), Великая Отечественная война и послевоенное время (1941–1953), период оттепели и либерализации (1953–1964), период застоя (1964–1985) и демократические реформы в период перестройки (1985–1999) [20].

Соответственно, поколения разделены в зависимости от того исторического события, которое оказало влияние на их формирование. Ю.А. Левада сделал акцент в своих исследованиях на сменах ценностей и установок россиян из каждого поколения. Так, он, например, выяснял, что для каждого из поколений является наиболее важным в жизни, что, по их мнению, определяет благосостояние человека и т. д.

Также в контексте настоящего исследования важным является понятие «переломного поколения», или, как его характеризует У. Джеймс в своей работе «Многообразие религиозного опыта» [21] – дважды рожденные. Так это поколение описывает Ю.А. Левада: «Речь шла о людях, которые в зрелом возрасте обращаются к какой-то новой системе мировосприятия, к иной вере, т. е. как бы заново переживают процесс социализации

или аккультурации. Нечто подобное можно усмотреть у поколенческих групп, переживающих общественный перелом как переоценку собственных ценностей...» [20, с. 12].

Однако, несмотря на подробное описание характеристик поколений, Ю.В. Левада не успел описать представителей поколений XXI века. Поэтому его теория нуждается в дополнении с точки зрения более современных подходов, затрагивающих самые молодые группы населения.

Так, недостающие материалы мы можем найти у В.В. Семеновской [7]. В своей типологии она выделяет околвоенное поколение, рожденное в 20–40-е годы 20 века, доперестроечное – с 40–60-е годы рождения, поколение переходного периода, родившееся в 60–70-е годы, и послеперестроечное поколение, появившееся на свет после 80-х годов.

Следующим отечественным автором, который внес вклад в теорию поколений, является В.В. Радаев. Он также предложил классифицировать российские поколения в зависимости от исторических событий, формирующих становление их представителей. В то же время автор культурно-исторического взгляда и предостерегает своих коллег по историческому подходу, критикуя «излишне политизированный подход к анализу поколений». Здесь автор актуализирует необходимость отказа от концепции «ухода советского простого человека». В.В. Радаев подчеркивает, что передача советской системы ценностей не продолжилась и дети того самого советского человека представляют собой уже совсем иной тип личности.

Радаев предложил разделить поколения на советский и постсоветский периоды. К первому периоду относятся два поколения: оттепели (1939–1946 г. р.) и застоя (1947–1967 г. р.). Второй период включает в себя три поколения: реформенное (1968–1981 г. р.), миллениалы (1982–2000 г. р.), поколение Z, или центениалы (рожденные с 2001 г.) [22].

Миллениалы в теории В.В. Радаева занимают особое место, так как среда их формирования отличается стабильностью в политическом и социально-экономическом плане. Схожий с Ю.А. Левадой скептический настрой по отношению к молодежи просматривается и в работах Пастухова [23]. Этот исследователь акцентирует внимание на сугубо потребительской природе системы ценностей молодежи, а также угрожающе называет их поколением исторического тупика. В.В. Радаев опровергает этот тезис и выделяет аполитичность как одну из важных черт миллениалов. Однако это не отменяет их интерес и мнение относительно насущной проблематики. Миллениалы стремятся участвовать в их обсуждении, но не в политической сфере. Их активность в первую очередь связана с поддержанием волонтерских и благотворительных движений, а также с борьбой за экологию.

Несмотря на это, это поколение в его теории неоднородно – среди них есть отличительная группа, этап взросления которой приходится на спад российской экономики после 2008 года. Их отличительные

черты заключаются в принципе трех «С» (смартфоны, социальные сети, спад экономики) [24, с. 30].

На основе рассмотренных выше теоретических концепций мы можем прийти к их сопоставлению используя три основных сравнительных положения. Во-первых, это – название поколения, затем год или промежуток их рождения, и наконец, наиболее важное – это то, что сформировало их ценностную модель. У Ю.А. Левады этот период мы называет историческим контекстом, в то время как у В.В. Радаева речь идет о периоде взросления. Также стоит сделать предварительное замечание о том, что у В.В. Радаева в теории рассмотрены только поколения, рожденные уже после образования Советского союза. Следовательно, для поколения, выросшего в эпоху сталинизма у Левады и рожденного с 1910 по 1919 годы, в теории Радаева нет описанного аналога. Однако его теория дополняет работы Левады, т. к. содержит рассмотрение постсоветских поколений, что, в свою очередь, не имеет аналога в типологии Левады. Полученное сравнение представлено в таблице 2.

Таблица 2 – Теории поколений Ю.А. Левады и В.В. Радаева

(Источник: составлено автором)

Table 2 – Theories of generations by Yu.A. Levada and V.V. Radaev

(Source: compiled by the author)

Периодизация Ю.А. Левады			Периодизация В.В. Радаева		
Период поколения	Год рождения (условный)	Исторический контекст (эгалитарный подход)	Название поколения	Год рождения (условный)	Период взросления
Сталинизм	1910 – 1919 гг.	1930–1941 гг. Формирование монолитного тоталитарного общества			
			Советские поколения		
Война	1920–1928 гг.	1941–1953 гг. Вопрос о выживании тоталитарного режима	Мобилизационное	до 1938 г.	Период войны и послевоенного восстановительного десятилетия (1941–56)

Оттепель	1929–1943 гг.	1953–1964 гг. Либерализация режима, надежды на гуманизацию социализма	Оттепели	1939–1946 гг.	Хрущевская оттепель (1956–64); формирование шестидесятников
Застой	1944–1968 гг.	1964–1985 гг. Формирование ориентации массового потребления	Застоя	1947–1967 гг.	Брежневский застой (1964-84)
Перестройка	1969–1980 гг.		Постсоветские поколения		
			Реформенное	1968–1981 гг.	Период горбачевской перестройки и последующих либеральных реформ (1985–99)
			Миллениалы	1982–2000 гг.	Стабильный и благополучный период
			Зет	после 2001 г.	

Представленная таблица является удобным инструментом для анализа поколений в зависимости от той теоретической рамки, которая будет выбрана автором. Стоит отметить, что, опираясь на данную таблицу, авторы смогут соблюсти плюралистический подход к рассмотрению тех поколенческих групп, которые дублируются в рассмотренных теориях.

Однако теории Ю.А. Левады и В.В. Радаева остались известны преимущественно в научных кругах. Большую распространенность в сфере маркетинга и управления получила теория Е.М. Шамис и Е.Н. Никонова [25]. Они также разделяют общество на возрастные когорты, закладывая схожий принцип в сравнении с предыдущими авторами, однако они не делают акцент на цикличности смены поколений. Также уделяют внимание как историческим условиям формирования, так и личностным качествам существующих в настоящее время поколений.

Представители поколения X в теории авторов, так же как и американском первоисточнике, описываются яркими индивидуалистами. Их формирование происходит в момент важных социально-политических перемен: Афганская война, свобода слова, экономические потрясения 90-х. В российской версии это поколение активно овладевает новыми знаниями, прагматично относясь к жизни; они выработали ответственность и сформировали полноценную взрослость, научились адаптироваться к миру, искать в нем преимущества и отстаивать в нем свободу [26, с. 14].

Взрослое и зрелое поколение сменяет поколение миллениалов (1985–2002 г. р) – в некотором смысле, инфантильное, поздно взрослеющее и не готовое принимать на себя ответственность. Несмотря на это, желающие поменять ценности этого мира к лучшему, даже вопреки тому, что заставили быстрое развитие технической сферы. Новые технологии повлияли не только на

развитие цифровых технологий, но и на систему коммуникации [27, с. 11].

Представителями поколения Z в настоящий момент в российском обществе являются молодые люди до 21 года. Они характеризуются прагматичностью, ориентацией на полную свободу личности, в совершенстве владеют цифровыми технологиями. Эти признаки выработались у них благодаря неограниченной информатизации, геймификации большинства сфер, в том числе и образования, что повлияло на становление их личностных характеристик, сформировало мировоззрение [28].

Еще один подход в изучении поколений, помимо их типологизации и описания циклов их смены – исследование стратегий, по которым следуют представители поколений в течении жизненного цикла. П.А. Ореховский формулирует теоретическое обоснование для четырех таких стратегий. Первая из стратегий, модернистская, базируется на принципе свободного обсуждения общественных проблем. Вторая носит название «непобежденного», суть которого заключается в дроблении поколения на лидеров (героев) и обывателей (толпы). Поколения также могут придерживаться стратегии ухода, в рамках которой в обществе возрастает отрицание общепринятых ценностей, так как они противоречат их идеалам. Следующая стратегия «малых дел» также предполагает разделение на лидеров и аутсайдеров, однако здесь лидеры ставят своей целью менять мир по мере своих возможностей, не совершая революционных действий. В процессе взросления представители одного поколения усваивают определенный ценностный набор. При этом с течением жизни эта ценностное единение может нарушаться посредством смены одной стратегии на другую на разных жизненных этапах.

А.П. Глухов и Ю.М. Стаховская отмечают, что поколенческий разрыв обусловлен разной степенью владения цифровыми технологиями. Несмотря на это, суще-

ствует и противоположная тенденция, суть которой заключается в упрощении коммуникации между поколениями на основе сотрудничества в процессе освоения цифровых технологий.

Заключение. В результате проделанной работы автор отмечает специфику предмета исследования. Классификация поколений вынуждает нас придерживаться ряда условностей и ограничений. Прежде всего, стоит сказать, что любое поколение представляет собой категорию макроуровня, которая в эмпирическом выражении может иметь вариативные проявления.

Однако это не отменяет востребованности этой категории для описания групп людей примерно одинакового возрастного интервала, со схожим опытом и ценностями. Т. Шанин отметил, что похожей спецификой обладают и другие категории, описывающие обширные группы людей [31, с. 38]. Среди таких понятий ученый выделяет, например, «этничность» или «класс», без использования которых невозможно представить существование социологической науки. Соответственно, мы можем использовать категорию «поколение» по аналогичным правилам, то есть имея в виду определенные допущения.

Таким образом, в представленной работе были рассмотрены как различные подходы к поколениям (демографический, исторический и культурно-исторический), так и авторские классификации поколенческих групп. На основании произведенного анализа была произведена систематизация взглядов авторов и разработаны критерии для сравнения этих классификаций. Такими критериями выступили названия для поколений, интервал их рождения, и в первую очередь внимание было уделено историческому контексту взросления представителей разных поколений, который, в свою очередь, определяет общность их опыта и паттернов поведения.

Исходя из рассмотренных подходов, мы можем сформулировать определенную последовательность, позволяющую

ориентироваться в многообразии теорий поколений. С точки зрения автора, постматериалистические поколения релевантнее всего исследовать с помощью теории В.В. Радаева или Н. Хоу и Штрауса, также применима классификация, приведенная центром Pew Research. Последние два вида теорий также подходят для проведения маркетинговых поколенческих исследований. Теорию В.В. Радаева автор считает наиболее применимой для исследования российской поколенческой структуры.

Стоит также отметить, что работа Н. Хоу 2023 года имеет наибольшую временную новизну среди рассмотренных концепций. Достоинством этой теории является смещение интервала рождения представителей поколения Z на 2006 год, а этап их взросления – на период пандемии 2019–2020 года, что также отражено в новом термине – хоумлендеры. Однако исследовательской проблемой является выделение Z как самостоятельного поколения. Причина этого – отсутствие принципиального отличия от поколения

миллениалов, поскольку основной поколенческий разлом уже произошел и связан с утратой актуальности концепции советского человека. В то же время, как отмечает В.В. Радаев, поколение миллениалов неоднородно само по себе, что дает простор для выделения и исследования отдельных групп миллениалов.

Еще одной исследовательской рекомендацией является исключение из предмета исследования возрастных групп на стыке поколений. Добиться этого можно путем исключения $\frac{1}{4}$ интервала в начале и конце промежутка рождения поколенческой группы. Это позволит получить более «чистые» поколенческие срезы, имеющие более ярко выраженные отличительные черты, что важно, в первую очередь, при проведении качественных исследований.

Завершая, стоит отметить, что проблематика исследования поколений применима к самым разным отраслям социологической науки и, несмотря на все сложности в организации таких исследований, они имеют обширную перспективу применения.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Демографическая структура семьи: генезис методологического подхода // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 56-74. DOI 10.21064/WinRS.2024.1.4. EDN HUCQMR. ISSN 1992-2892
2. Вадим Радаев: Миллениалы откладывают взросление и меньше пьют: [сайт]. Режим доступа: <https://www.if24.ru/vadim-radaev-millennial/>
3. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность: [монография]. М.: РОССПЭН, 2009. 271 с.
4. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 1633 с.
5. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
6. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции / пер. с англ. Е.Я. Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. 162 с.
7. Семенова В.В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 213-237.

8. Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю. Социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции: теоретическая модель социологического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 70-78.
9. Hirsch M. The Generation of Postmemory. *Columbia University Poetics Today*. 2008. Vol. 29, No. 1. P. 103-128.
10. Беляева Л.А. «Взрослая» молодежь в современном социальном пространстве России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. № 4. С. 812-827. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827
11. Bauman Z. *Liquid modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000. 232 p.
12. Bengtson V.L., Schaie K.W. *The Problem of Generations: Age Group Contrasts, Continuities, and Social Change. The Course of Later Life: Research and Reflections*. N.Y.: Springer, 1989.
13. Inglehart R. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press. 1997. 496 p.
14. Mead M. *Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap*. N. Y.: Doubleday, 1970. 128 p.
15. Strauss W., Howe, N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. N. Y.: Morrow, 1991. 538 p.
16. Howe N. *The fourth turning is here: what the seasons of history tell us about how and when this crisis will end* (First Simon & Schuster hardcover ed.). New York, London, Toronto, Sydney, New Delhi: Simon & Schuster, 2023. 592 p.
17. Dimock Ml. *Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins*. Pew Research Center. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/>
18. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / А.А. Голов [и др.]; под общ. ред. Ю.А. Левады. М.: Мир; Океан, 1993. 300 с.
19. Левада Ю.А. *Время перемен: предмет и позиция исследователя*. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 872 с.
20. Левада Ю.А. *Поколения XX века: возможности исследования* // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2001. № 5. С. 8-13.
21. James W. *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. Longman, 1917. P. 434.
22. Радаев В. *Миллениалы: как меняется российское общество*. М.: Высш. школа экономики, 2019. 224 с.
23. Пастухов В. Теория о поколениях России: от «фронтовиков» — к «поколению без будущего» и дальше // Новая газета. 2015. № 77.
24. Радаев В.В. *Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (первая часть)* // Социологический журнал. 2020. № 3. С. 30-63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395
25. RuGenerations – Российская школа теории поколений [Электронный ресурс]. URL: <https://rugenations.ru/>
26. Шамис Е., Никонов Е. *Теория поколений. Необыкновенный Икс. 1964–1984*. М.: Синергия Стор, 2018. 184 с.
27. Шамис Е., Никонов Е. *В семье не без Миллениума. Что делать поколению (1985–2002 г.р.), которое меняет мир*. М.: Синергия Стор, 2020. 184 с.
28. Никонов Е. *Ученый-дегустатор, или Кем хотят быть дети поколения Z* [сайт]. RuGenerations – российская школа Теории поколений; 2022. Режим доступа: <https://rugenations.ru/2022/03/14/ученый-дегустатор-или-кем-хотят-быть-д/>
29. Ореховский П.А. *Поколенческая динамика и новейшая история СССР – России (1950–2004 гг.)* // Мир России. Социология. Этнология. 2009. Т. 18, № 4. С. 37-65.

30. Глухов А.П., Стаховская Ю.М. Цифровой разрыв в фокусе межпоколенческой коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 148-155. DOI: 10.17223/1998863X/59/14

31. Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение. 2005. С. 17-39.

REFERENCES

1. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. Demographic structure of a family: genesis of the methodological approach // A Woman in Russian society. 2024. Issue 1. P. 56-74. DOI 10.21064/WinRS.2024.1.4. EDN HYCQMR. ISSN 1992-2892 (In Russ.)

2. Vadim Radaev: Millennials are postponing adulthood and drinking less: [website]. Access mode: <https://www.if24.ru/vadim-radaev-millennialy/> (In Russ.)

3. Semenova V.V. Social dynamics of generations: problem and reality: [a monograph]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 271 p. (In Russ.)

4. Soviet encyclopedic dictionary / ed. by A.M. Prokhorov. 4th ed., corrected and enlarged. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1989. 1633 p. (In Russ.)

5. Vishnevsky A.G. Demographic modernization of Russia 1900–2000. Moscow: New Publishing House, 2006. 608 p. (In Russ.)

6. Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations. Competitiveness. Economic ambitions / trans. from English by E.Ya. Dodin. Moscow: INION RAS, 2000. 162 p. (In Russ.)

7. Semenova V.V. Modern conceptual and empirical approaches to the concept of «generation» // Russia under reforms: a yearbook / ed.by L.M. Drobizhev. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2003. p. 213-237. (In Russ.)

8. Osadchaya G.I., Kireev E.Yu. Social memory of the youth of the states participating in the Eurasian integration: a theoretical model of sociological analysis // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2020. Issue 3 (59). P. 70-78. (In Russ.)

9. Hirsch M. The Generation of Postmemory. Columbia University Poetics Today. 2008. Vol. 29, Issue1. P. 103-128. (In Eng.)

10. Belyaeva L.A. «Adult» youth in the modern social space of Russia // Bulletin of RUDN. Series: Sociology. 2022. Issue 4. P. 812-827. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827 (In Russ.)

11. Bauman Z. Liquid modernity. Cambridge: Polity Press, 2000. 232 p. (In Eng.)

12. Bengtson V.L., Schaie K.W. The Problem of Generations: Age Group Contrasts, Continuities, and Social Change. The Course of Later Life: Research and Reflections. N.Y.: Springer, 1989. (In Eng.)

13. Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton: Princeton University Press. 1997. 496 p. (In Eng.)

14. Mead M. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. N.Y.: Doubleday, 1970. 128 p. (In Eng.)

15. Strauss W., Howe, N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N. Y.: Morrow, 1991. 538 p. (In Eng.)

16. Howe N. The fourth turning is here: what the seasons of history tell us about how and when this crisis will end (First Simon & Schuster hardcover ed.). New York, London, Toronto, Sydney, New Delhi: Simon & Schuster, 2023. 592 p. (In Eng.)

17. Dimock Jr. Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins. Pew Research Center. 2019 [Electronic resource]. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/> (In Eng.)

18. The Soviet common man: An attempt at a social portrait at the turn of the 90s / A.A. Golov [et al.]; under the general editorship of Yu.A. Levada. Moscow: Mir; Okean, 1993. 300 p. (In Russ.)

19. Levada Yu.A. Time of change: the subject and position of the researcher. Moscow: New literary review, 2016. 872 p. (In Russ.)
20. Levada Yu.A. Generations of the twentieth century: research opportunities // Herald of public opinion. Data. Analysis. Discussions. 2001. Issue 5. P. 8-13. (In Russ.)
21. James W. The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature. Longman, 1917. P. 434. (In Eng.)
22. Radaev V. Millennials: How Russian Society is Changing. Moscow: Higher School of Economics, 2019. 224 p. (In Russ.)
23. Pastukhov V. Theory of Russian Generations: From «Front-Line Soldiers» to the «Generation Without a Future» and Beyond // Novaya Gazeta. 2015. Issue 77. (In Russ.)
24. Radaev V.V. The Split of the Millennial Generation: Historical and Empirical Justification (Part One) // Sociological Journal. 2020. Issue 3. P. 30-63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395 (In Russ.)
25. RuGenerations — Russian School of Generation Theory [Electronic resource]. URL: <https://rugenerations.su/> (In Russ.)
26. Shamis E., Nikonov E. Theory of Generations. The Extraordinary X. 1964–1984. Moscow: Synergy Store, 2018. 184 p. (In Russ.)
27. Shamis E., Nikonov E. Not Without a Millennium in a Family. What to Do for the Generation (born in 1985-2002) That Changes the World. Moscow: Synergy Store, 2020. 184 p. (In Russ.)
28. Nikonov E. Scientist-taster, or Who Do the Children of Generation Z Want to Be [website]. RuGenerations – Russian School of Generation Theory; 2022. Access mode: <https://rugenerations.su/2022/03/14/ucheny-degustator-ili-kom-khot-byt-d/> (In Russ.)
29. Orekhovsky P.A. Generational Dynamics and the Modern History of the USSR – Russia (1950–2004) // The World of Russia. Sociology. Ethnology. 2009. Vol. 18, Issue 4. P. 37-65. (In Russ.)
30. Glukhov A.P., Stakhovskaya Yu.M. Digital Divide in the Focus of Intergenerational Communication // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2021. Issue 59. P. 148-155. DOI: 10.17223/1998863X/59/14 (In Russ.)
31. Shanin T. History of Generations and Generational History // Fathers and Sons: Generational Analysis of Contemporary Russia. Moscow: New Literary Review. 2005. P. 17-39. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Виктория Сергеевна Новикова, младший научный сотрудник. Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация e-mail: v1ctorr1a@mail.ru

Victoria S. Novikova, Junior Researcher. Institute for Demographic Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation e-mail: v1ctorr1a@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 05.10.2024
Поступила после рецензирования 29.10.2024
Принята к публикации 30.10.2024

Received 05.10.2024
Revised 29.10.2024
Accepted 30.10.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-144-155>
УДК 316.354-055.2(470)

Ключевые факторы развития общественных объединений женщин в современной России

Е.С. Рязанова✉

*Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация*
✉ alenaigor@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы, излагаемой в данной статье, состоит в целесообразности выявления факторов развития российских общественных объединений женщин, что будет способствовать совершенствованию механизма их государственной поддержки для решения в стране социально значимых проблем женщин, детей, семей.

Проблема исследования заключается во всесторонней активизации российских общественных объединений женщин, с одной стороны, и в отсутствии концептуального обоснования факторов, воздействующих на их позитивное развитие, с другой стороны.

Целью исследования является выявление, классификация и определение степени влияния комплекса разных факторов на развитие общественных объединений женщин в современной России.

Методы исследования. В статье использованы данные социологических опросов, проведенных в 2024 г. в двух российских регионах – Белгородской и Московской областях. Во-первых, анкетный опрос женщин, которые являются сотрудниками или волонтерами российских общественных объединений женщин. Во-вторых, интервью экспертов из числа руководителей и ученых.

Результаты. Среди внешних факторов наибольшее значение имеют совершенствование женских образовательно-просветительских программ и государственная поддержка женских структур, а также большой объем ежедневной неоплачиваемой работы россиянок по дому, действие консервативных гендерных стереотипов, опасение жительниц приграничных территорий за жизнь и здоровье близких. Среди внутренних факторов (действующих в рамках организаций) выделяются сотрудничество с властью, повышение финансовой базы, профессионально-личностное развитие, цифровизация.

Ключевые выводы. Ключевые факторы развития общественных объединений женщин в современной России целесообразно разделять на внешние и внутренние, учитывая их неоднородность, различную степень влияния на женские структуры, а также разницу в мнениях сотрудниц и волонтеров, с одной стороны, и экспертов – с другой.

Ключевые слова: общественные объединения, женские общественные организации

Для цитирования: Рязанова Е.С. Ключевые факторы развития общественных объединений женщин в современной России. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):144–155. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-144-155>

Key factors in the development of non-governmental women's associations in modern Russia

E.S. Ryazanova✉

*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
I.D. Putilin, Belgorod, the Russian Federation*
✉ alenaigor@yandex.ru

Abstract.

The relevance research lies in the expediency of identifying the factors of development of Russian public women's associations. This will contribute to improving the mechanism of their state support for solving socially significant problems of women, children and families in the country.

The problem of the research lies in the comprehensive activation of Russian public associations of women, on the one hand, and in the absence of a conceptual justification of the factors influencing their positive development, on the other hand.

The goal of the research is to identify, classify and determine the degree of influence of a complex of different factors on the development of women's public associations in modern Russia.

The research methods. The article uses data from sociological surveys conducted in 2024 in two Russian regions - Belgorod and Moscow regions. First, it is a questionnaire survey of women who are employees or volunteers of Russian public associations of women. Secondly, this is an interview with experts from among managers and scientists.

The results. Among the external factors, the most important are the improvement of women's educational programs and state support for women's structures, as well as a large amount of daily unpaid work for Russians at home, the effect of conservative gender stereotypes, and the fear of residents of border territories for the life and health of loved ones. Among the internal factors (operating within organizations), cooperation with the authorities, increasing the financial base, professional and personal development, digitalization have been highlighted.

Key findings. It is advisable to divide the key factors of the development of women's public associations in modern Russia into external and internal ones, taking into account their heterogeneity, the varying degree of influence on women's structures, as well as the difference in opinions of employees and volunteers, on the one hand, and experts, on the other.

Keywords: non-governmental organizations, women's non-governmental organizations

For citation: Ryazanova E.S. Key factors in the development of non-governmental women's associations in modern Russia. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(4):144–155. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-144-155>

Введение. В современную социологическую теорию и реализуемую социальную практику активно включается всестороннее обсуждение целей, ориентиров и национально-географических особенностей реализации прав женщин в разных странах. В частности, «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» [1] закрепляет интернациональные основы антидискриминационного подхода к анализу общественного прогресса.

Кроме того, своевременное и эффективное решение подобных актуальных глобальных задач как внутренней политики современных государств, так и международной повестки глобального и всестороннего устойчивого развития, включает в себя постепенное, поэтапное достижение гендерного не только юридического равноправия в рамках легитимности, но и реального, практического равенства мужчин и женщин во всем мире [2].

В процессы достижения серьезных проблем, касающихся женщин, вовлекаются общественные объединения. В частности, речь идет о тех структурах, которые сформированы по инициативе представительниц женского пола, возглавляются ими, а также сотрудниками и добровольцами в них также в большинстве случаев являются именно женщины. В России, как в других странах мира, происходит активизация женского движения и формирования и активного функционирования подобных формирований, которые существуют в различных организационно-правовых формах (ассоциации, партии, фонды и проч.).

В частности, современные негосударственные, неправительственные, некоммерческие объединения все больше вовлекаются в партнерство с органами власти и с другими структурами. Это позволяет расширять сферы деятельности и масштаб площадок, на которых транслируются потребности и интересы женщин, их детей и других членов семей.

Работа общественных объединений женщин в современной России базируется на сложной, в основном традиционной системе социальных ценностей (включая жизнь, здоровье, равенство, ненасилие [3, с. 68]). Эти ценности обязательно имеют национальный российский характер, четко проявляясь как некая «совокупность наиболее устойчивых, характерных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакций на него» [4, с. 242].

А поскольку такие общественные организации повседневно общаются с женщинами на местах, то эти структуры имеют большие перспективные преимущества перед государственными и муниципальными органами, которые перегружены бюрократическими функциями, согласованиями и другими процедурами, а поэтому не могут быстро реагировать на изменение потребностей и на поступление

новых инициатив от женских объединений.

Более того, в силу приближенности к местным женщинам, а также по причине отсутствия множественных процедур согласований и различных затрат, именно современные общественные объединения женщин могут работать с более низкими социально-проектными бюджетами и расходами, чем государственные, оказывать услуги высокого качества и максимально оперативно.

Методы. В статье использованы данные социологических опросов, проведенных в 2024 г. в двух российских регионах – Белгородской и Московской областях. Во-первых, это анкетный опрос женщин, которые являются сотрудниками или волонтерами российских общественных объединений женщин (968 человек; выборка целевая по критерию работы в рамках деятельности общественных объединений; ошибка выборки 0,4). Во-вторых, это интервью профессиональных экспертов (14 человек – руководителей объединений женщин, сотрудников профильных структур в органах регионального управления, а также ученых, занимающихся профильными теоретическими и эмпирическими социологическими исследованиями по теме статьи).

Результаты. В результате сбора, обработки и анализа первичных социологических данных (полученных в результате анкетирования и интервью) выделены две группы ключевых факторов развития общественных объединений женщин в современной России: внешние и внутренние. В частности, вначале интерпретации собранных материалов (методом анкетного опроса и методом экспертного интервью) было осуществлено пошаговое распределение мнений респондентов-женщин о степени влияния внешних (социальных) факторов на современное развитие общественных объединений, в состав которых в основном входят представительницы женского пола (рис. 1).

Рис. 1. Распределение мнений респондентов-женщин о степени влияния внешних факторов на развитие общественного объединения, % опрошенных

Fig. 1. Distribution of opinions of female respondents on the degree of influence of external factors on the development of a public association, % of respondents

Таким образом, в результате анкетирования женщин зафиксировано, что первые места по частоте отметок занимают факторы, заключающиеся в максимально высокой нагрузке по дому и детям. Кроме того, среди выделенных в проведенном исследовании ключевых факторов, оказывающих позитивное воздействие на дальнейшее развитие общественных объединений, оказались не только такие, как образование, государственная поддержка, но и возникновение ощущения отсутствия безопасности из-за боевых действий в Белгородской области.

Эксперты подтверждают важность учета в работе комплекса всех факторов. Речь идет о важности анализа каждого из них и затем синтеза, который позволяет увидеть целостную картину, полученную в результате проделанного факторного анализа. «В последнее время участие женщин в развитии общественных процессов становится все более активным и заметным. Женские объединения быстро и адекватно ситуации реагируют на все происходящие события, сотрудничают друг с другом и с другими структурами. Здесь имеются в виду и государственные

органы, и даже бизнес. Женские организации в своей работе становятся все более эффективными, даже своего рода инклюзивными, поскольку они включаются в разрешение тех трудностей, с которыми мы сегодня сталкиваемся» (эксперт 2).

На современном этапе развитие общественных объединений ярко демонстрирует, что входящие в них женщины приобретают новые компетенции, которые не были им свойственны ранее. Женские организации принимают на себя выполнение других функций (не только по вопросам достижения гендерного равноправия и гендерного равенства), требующих от людей высокого уровня владения коммуникативными способностями (как в непосредственном общении, так и в сети Интернет).

«Сейчас все говорит об устойчивости таких женских организаций. Ведь сегодня женщины и женские объединения принимают самое активное участие в реализации миротворческих операций, они заметны в развитии народной дипломатии, даже такой своеобразной женской дипломатии, в инициировании, организации и доставке гуманитарных товаров» (эксперт 5).

Принимая участие в образовательных, развивающих и просветительских проектах, а также получая государственную поддержку (на национальном, региональном, муниципальном уровнях), женщины в разных странах и регионах начинают повышать собственную уверенность в себе [5]. А возникновение особо сложных условий (к примеру, пандемии) продемонстрировало, что именно общественные

объединения женщин взяли на себя максимальную нагрузку по уходу за нуждающимися (как уже заразившимися, так и потенциальными пациентами) [6]. Сравнение результатов анкетирования и интервью продемонстрировали комплементарность данных. Получилось, что первые позиции остались теми же, они лишь на один-два пункта сдвинулись вниз или вверх по отношению друг к другу (рис. 2).

Рис. 2. Распределение мнений квалифицированных экспертов о степени влияния внешних факторов на развитие общественного объединения, средний балл при ранжировании

Fig. 2. Distribution of opinions of qualified experts on the degree of influence of external factors on the development of a public association, average score in ranking

В отличие от анкетирования самих женщин, у экспертов на ключевые позиции вышли хотя и те же самые факторы, но они распределились немного по-иному: сначала образовательные женские программы, потом увеличение объема неоплачиваемого домашнего труда и всесторонняя государственная помощь. У опрошенных нами экспертов, в отличие от женщин, высокие показатели набрал такой фактор развития общественных объединений женщин, как сохранение и распространение консервативных гендерных стереотипов.

Некоторые российские общественные объединения женщин в последние десятилетия использовали для своего развития иностранные инвестиции, в частности,

от зарубежных неправительственных организаций и фондов. Эти международные или мононациональные неправительственные структуры пропагандировали и поддерживали финансово разные проекты, такие как «экономические программы, социальная поддержка населения, подготовка лидеров общественного мнения, программы, нацеленные на защиту прав женщин» [3, с. 2].

Однако при проведении исследований и при анализе собранных данных следует учитывать скрытый характер такой поддержки. Иностранцами спонсорами «сначала создаются социально значимые, благородные проекты, а потом они резко меняют свою деятельность и становятся антироссийскими» [7, с.

3]. Помимо внешних (социальных, не-организационных) факторов, выявлены также и внутренние, которые постепенно

зарождаются и действуют в рамках самих общественных объединений женщин (рис. 3).

Рис. 3. Распределение мнений респондентов-женщин о степени влияния внутренних факторов на развитие общественного объединения, % опрошенных

Fig. 3. Distribution of opinions of female respondents on the degree of influence of internal factors on the development of a public association, % of respondents

Согласно мнениям опрошенных женщин-респонденток, среди внутренних факторов, действующих в рамках самой организации, наиболее выделяются сотрудничество с властью, повышение финансовой базы, профессионально-личностное развитие. Речь идет не только об

опытных руководителях-лидерах, но и девушках [8, с. 41]. Анализ материалов интервью экспертов также подтвердил значимость этих внутренних факторов в качестве ключевых, которые способствуют развитию общественных объединений женщин в современной России (рис. 4).

Рис. 4. Распределение мнений квалифицированных экспертов о степени влияния внутренних факторов на развитие общественного объединения, средний балл при ранжировании

Fig. 4. Distribution of opinions of qualified experts on the degree of influence of internal factors on the development of a public association, average score in ranking

Однако профессиональные эксперты, в отличие от опрошенных сотрудников общественных объединений, обратили более серьезное внимание на острую необходимость дальнейшей цифровизации организаций исследуемого типа. Цифровизация способствует скорейшему уходу в прошлое «единообразных шаблонов и образцов, всеобщей унификации» [9, с. 37] и открывает новые возможности для дальнейшего позитивного развития изучаемых структур.

Современные исследователи отмечают, что в настоящее время происходит расширение видов деятельности женских организаций. Они нацелены на оказание помощи семьям и детям, а также пожилым людям, которые оказались в сложной жизненной ситуации. К примеру, некоторые работы содержат «отдельные аспекты проблемы эйджизма и достойной старости как социального явления» [10, с. 34]. И эта актуальная проблематика в настоящее время попадает в поле зрения многих общественных объединений, в том числе и женских организаций.

Кроме того, объединения женщин занимаются благотворительной деятельностью, которая нацелена на помощь людям, оказавшимся в сложной ситуации, например, в связи с приобретением какого-либо нового заболевания, либо в случае обострения хронической болезни, которая появилась у человека ранее, но находилась в состоянии ремиссии. И здесь речь идет непосредственно о медицинской благотворительности, которая представляет собой особую «деятельность некоммерческих организаций в сфере оказания помощи гражданам по вопросам получения медицинских услуг: сбор средств на лечение, реабилитацию, оказание помощи сопровождающим лицам, психологическое сопровождение» [11, с. 701].

Одним из важных направлений работы женских организаций является оказание помощи жертвам домашнего насилия. Для построения современной системы работы

с женщинами (и детьми) важным является то, что практика должна опираться на эмпирические исследования. Научные работы, заключающиеся в выявлении факторов, условий, проявлений и степени жестокости обращения с женщинами со стороны супругов, позволяют эффективно находить наиболее правильные способы решения проблемы домашнего насилия.

И сегодня женские организации занимаются не только конкретной помощью жертвам домашнего насилия (предоставление жилья, питания и проч.), но и многосторонней профилактикой. Последняя заключается в проведении массовых предварительных просветительских мероприятий, направленных на устойчивое формирование общественного мнения о недопустимости случаев домашнего насилия в современных семьях.

Опрошенные нами эксперты отмечают значимость всесторонней государственной поддержки, которую ежегодно получают женские объединения. *«Правительство страны уделяет внимание развитию общественных объединений. Выделяются средства, предоставляются субсидии. Мы уже два раза выигрывали конкурс Фонда президентских грантов. Для нас это каждый раз большая радость. Это помогло нам реализовать наше давнее желание о проведении проекта, направленного на помощь многодетным семьям. Конечно, можно говорить, что помощь семьям – это все-таки не содействие женщинам, а такое общее вспомоществование всем членам семьи, включая мужей и детей. Но мы понимаем, что основная ежедневная нагрузка в многодетных семьях ложится на матерей, на женщин»* (эксперт 3).

То есть опрошенные нами эксперты очень высоко оценивают то внимание и ту поддержку, которую государство оказывает общественным организациям, в которых в конечном счете целевой аудиторией являются именно российские женщины. Хотя вполне логично, что здесь имеется в виду взаимосвязанность разных

проблем, имеющих у женщин и у членов их семей, включая работу по воспитанию и образованию (к примеру, выполнению школьной домашней работы) несовершеннолетних детей, которые нуждаются в повседневном уходе, заботе, внимании. И чем младше дети, тем больше времени требуется для них.

В своих интервью эксперты заостряют внимание на том, что в России вопрос гендерного равноправия и гендерного равенства не является таким острым, как во множестве стран современного мира. Дело в том, что исторически данная проблема была во многом решена в советское время. Однако нельзя говорить, что данную проблематику следует полностью снимать с российской повестки, так как пока еще не решена очень значительная часть практических задач, связанных с достижением полного социального равенства мужчин и женщин.

«Хотя сейчас вопрос гендера в нашем государстве совсем не популярный, а даже и, наоборот, вызывает некое недоумение у многих людей и у общественных лидеров. Конечно, в нашей стране нет такой гендерной дискриминации, как во многих современных странах. Но все-таки нашим лидерам женских организаций следует подбирать всех российских женщин к проявлению инициативы. А это возможно только через демонстрацию своего собственного, личного примера» (эксперт 7).

Причем эксперты отмечают, что *«личный пример вообще не предполагает, например, развитие каких-то негативных, протестных настроений в обществе»* (эксперт 9). Так, наоборот, лидерам российских женских организаций следует поддерживать диалог с самими женщинами, которые не вовлечены в активную социально-политическую жизнь. Это будет способствовать повышению общей солидарности в российском обществе, а не только женской.

Личность руководителя женской организации имеет ключевое значение

в представленности данной структуры в общественном ракурсе. Именно руководитель и сотрудники выступают образом, который ярко символизирует изначальную главную миссию и основное назначение какой-либо конкретной женской организации. Хотя здесь эксперты отмечают некоторые трудности во взаимодействии женщин-руководителей с представителями других структур.

«Мы делали достаточно крупный для нашей организации проект. Его содержание включало просвещение женщин в сфере трудового права. Однако, когда на практике у нас дело дошло до непосредственного общения с людьми из других организаций, стало ясно, что легко не будет. Возникли трудности в управлении всей командой проекта, включающей людей из разных организаций и из органов управления, которые зачастую были мужчинами. И в результате при налаживании общения мне пришлось использовать все свои способности, все свое творчество, чтобы начать выстраивать положительные взаимоотношения. И эти контакты надо было пытаться поддерживать на хорошем уровне в течение всего проекта, до самого его окончания» (эксперт 4). В данном высказывании продемонстрирована проблема, которая заключается в восприятии мужчинами женских сложностей. Зачастую мужчины не готовы поддерживать проекты, которые в той или иной степени способствуют развитию, продвижению гендерного равенства в нашей стране.

Кроме того, личностный компонент в работе женщин представлен тем, что они порой вынуждены совмещать высокую повседневную нагрузку, которая состоит в профессиональной деятельности по основному месту работы (даже если это не общественная организация), выполнении повседневных домашних (например, по устройству быта), семейных обязанностей (в частности, по первичному семейному воспитанию и

образованию детей) и сложной работе в общественном объединении, к примеру, в качестве добровольца. Здесь следует уделять внимание профилактике эмоционального выгорания, грозящего женщинам, которые сильно перегружены психологически.

В случае руководства общественным объединением у женщины возрастает и интеллектуальная, и физическая, и психоэмоциональная нагрузки. И только лишь жесткое планирование, соблюдение своего собственного графика, предвосхищение каких-либо непредвиденных обстоятельств, установление устойчивых и эффективных коммуникаций помогают

создать условия для достижения сложнейшего баланса между жизненными ограничениями, которые возникают в результате многослойного наложения друг на друга профессиональных, семейных и общественных обязанностей.

Со временем происходит изменение взглядов российских женщин, а также и общественного мнения на основные задачи женского населения. Приведем опросные данные ВЦИОМ и охарактеризуем в общих чертах динамику распределения мнений опрошенных россиян (мужчин и женщин) о приоритете для большинства женщин семьи или профессиональной деятельности (рис. 5).

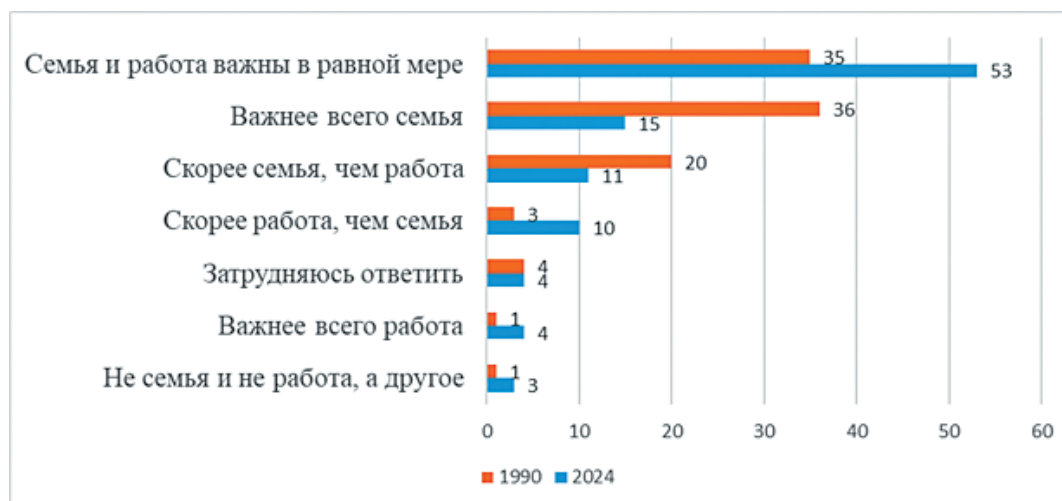

Рис. 5. Распределение мнений опрошенных россиян о приоритете для большинства женщин семьи или профессиональной деятельности (сравнение результатов опросов ВЦИОМ 1990 и 2024 гг.), % опрошенных

Источник: [12]

Fig. 5. Distribution of opinions of surveyed Russians about the priority of family or professional activity for most women (comparison of the results of WCIOM surveys in 1990 and 2024), % of respondents

Source: [12]

Как видно из диаграммы, россияне отходят от устойчивых ранее установок о том, что для женщины всегда семья остается самой важной сферой жизни. Сравнительный анализ демонстрирует, что в 1990 г. такую позицию ранее занимали вдвое больше опрошенных, чем в 2024 г. То есть в настоящее время происходит изменение взглядов

общества на предназначение женщин. И все чаще выбор падает на идеальное достижение баланса между профессией и семьей. Более того, все чаще речь идет о том, том работа занимает даже более значимую позицию в приоритетах женщин, чем семья.

Однако в результатах опроса ВЦИОМ отражена гендерная разница в позициях

россиян. Выявленный разрыв в мнениях характерен в целом для всех возрастных групп опрошенных. Мужчины всех возра-

стов однозначно связывают жизнь женщин в большей степени с семьей, чем с профессиональной деятельностью (рис. 6).

Рис. 6. Сравнение мнений опрошенных мужчин и женщин о приоритете для большинства современных россиянок семьи или профессиональной деятельности (2024), % опрошенных

Источник: [12]

Fig. 6. Comparison of the opinions of surveyed men and women about the priority of family or professional activity for the majority of modern Russian women (2024), % of respondents

Source: [12]

А у самих опрошенных женщин мнения различаются. И здесь появляется тенденция, связанная с возрастом. Чем моложе женщины, тем чаще они говорят не о приоритете в своей жизни семьи, а о балансе работы и семьи. Эта тенденция характерна для всех женщин, независимо от того, в какой сфере она трудится. И работает ли она в государственном, коммерческом или в общественном секторе, в том числе в

женской общественной организации.

Выводы. Выделяя и анализируя ключевые факторы развития общественных объединений женщин в современной России, приходим к выводу об их разделении на внешние и внутренние, на их неоднородность и на различную степень влияния на женские структуры, а также на разницу в позициях сотрудниц и волонтеров, с одной стороны, и экспертов – с другой.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. Adopted by General Assembly resolution 34/180 of 18 December 1979 [Electronic resource] // United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (access date: 28.08.2024).

2. Agenda for Sustainable Development [Electronic resource] // United Nations. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda> (access date: 28.08.2024).

3. Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья / Борисов С.Н. [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 1. С. 68-73. DOI 10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73.

4. Овсянникова Т.А. Национальный характер и национальное сознание // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: сборник научных статей IX Международной научно-практической конференции. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 242-245.

5. Hibbs L. «I could do that!» – The role of a women's non-governmental organisation in increasing women's psychological empowerment and civic participation in Wales // Women's Studies International Forum. 2022. Vol. 90. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.wsif.2021.102557>.

6. COVID-19 and women's rights organizations: bridging response gaps and demanding a more just future. 2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2021/03/policy-brief-covid-19-and-womens-rights-organizations> (access date: 28.08.2024).

7. Осипова Я. Как женщины и мигранты становятся инструментами влияния Запада в СНГ. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://crimea.ria.ru/20230217/kak-zhenschiny-i-migranty-stanovyatsya-instrumentami-vliyaniya-zapada-v-sng-1127038779.html> (дата доступа: 28.08.2024).

8. Волкова О.А. Молодежь и профессиональный труд // Человек и труд. 2006. № 10. С. 41-42.

9. Лешкевич Т.Г. «Глобальный модерн» и новое понимание субъектности // Век глобализации. 2017.

10. Ананченко П.И., Волкова О.А., Пашко Т.Ю. Эйджизм. Старение. Достойная старость. М.: АТиСО, 2019. 175 с.

11. Горский А.А., Волкова О.А. Медицинская благотворительность: основные направления деятельности зарубежных некоммерческих организаций // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № S. С. 701-704.

12. Современная женщина: между работой и семьей. 2024 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sovremennaja-zhenshchina-mezhdu-rabotoi-i-semei> (дата доступа: 28.08.2024).

REFERENCES

1. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. Adopted by General Assembly resolution 34/180 of 18 December 1979 [Electronic resource] // United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (access date: 28.08.2024). (In Eng.)

2. Agenda for Sustainable Development [Electronic resource] // United Nations. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda> (access date: 28.08.2024). (In Eng.)

3. Borisov S.N., Volkova O.A., Besschetnova O.V., Dolya R.Yu. Domestic violence as a factor of violation of social and mental health // Problems of social hygiene, healthcare and history of medicine. 2020. Vol. 28 (1). P. 68-73. DOI 10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73. (In Russ.).

4. Ovsyannikova T.A. National character and national consciousness // Trends in the development of modern society: managerial, legal, economic and social aspects: collection of scientific articles of the 9th International Scientific and Practical Conference. Kursk: Southwestern State University, 2019. P. 242-245. (In Russ.).

5. Hibbs L. «I could do that!» – The role of a women's non-governmental organisation in increasing women's psychological empowerment and civic participation in Wales // Women's Studies International Forum. 2022. Vol. 90. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.wsif.2021.102557>. (In Eng.)

6. COVID-19 and women's rights organizations: bridging response gaps and demanding a more just future. 2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2021/03/policy-brief-covid-19-and-womens-rights-organizations> (access date: 28.08.2024). (In Eng.)

7. Osipova Ya. How women and migrants become instruments of Western influence in the CIS. 2023. [Electronic resource]. URL: <https://crimea.ria.ru/20230217/kak-zhenschiny-i-migranty-stanovyatsya-instrumentami-vliyaniya-zapada-v-sng-1127038779.html>. (In Russ.).
8. Volkova O.A. Youth and professional work // Man and labor. 2006. Vol. 10. P. 41-42. (In Russ.).
9. Leshkevich T.G. «Global modernity» and a new understanding of subjectivity // The Age of Globalization. 2017. Vol. 3 (23). P. 31-42. (In Russ.).
10. Ananchenkova P.I. Ageism. Aging. Dignified old age / P.I. Ananchenkova, O.A. Volkova, T.Yu. Pashko. Moscow: ATiSO, 2019. 175 p. (In Russ.).
11. Gorsky A.A. Medical charity: main directions of activity of foreign non-profit organizations / A.A. Gorsky, O.A. Volkova // Problems of social hygiene, health care and history of medicine. 2020. T. 28, Iss S. P. 701-704. (In Russ.).
12. Modern woman: between work and family. 2024 [Electronic resource] // VTsIOM. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sovremennaja-zhenshchina-mezhdu-rabotoi-i-semei> (access date: 08/28/2024). (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Елена Сергеевна Рязанова, преподаватель. Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: alenaigor@yandex.ru

Elena S. Ryazanova, Lecturer of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, the Russian Federation, e-mail: alenaigor@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 07.09.2024
Поступила после рецензирования 01.10.2024
Принята к публикации 02.10.2024

Received 07.09.2024
Revised 01.10.2024
Accepted 02.10.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-156-168>
УДК 008.2:004

Социогуманитарный аспект теории информационного общества в трудах отечественных ученых-футурологов

Т.Л. Салова✉

Сочинский государственный университет, г. Сочи, Российская Федерация
✉ salova@mail.ru

Аннотация. Оценка вклада отечественных ученых-футурологов в разработку общих теоретических основ концепции информационного общества особенно актуальна в настоящее время, при переходе России к новой стадии цивилизационного развития.

Постановка проблемы. В трудах В.И. Вернадского еще в 30-е годы предыдущего столетия были заложены основы будущего информационного общества, которое он называл «ноосферой». Идеи В.И. Вернадского положены в основу Концепций перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, принятых правительством в 1996 году. Начиная с 90-х годов XX столетия несколько десятков отечественных исследователей работают над концепцией формирования информационной цивилизации. В статье выделены те ученые-футурологи, которые, с точки зрения автора, выходят на высокий уровень обобщений происходящих в обществе перемен. Проведен анализ работ таких ученых-футурологов России, как А.Д. Урсул, Р.Ф. Абдеев, Н.Н. Моисеев, А.И. Ракитов, К.К. Колин, А.В. Соколов, В.П. Казначеев.

Целью данной работы является исследование вклада российских ученых-футурологов в разработку теоретических основ построения информационного общества. Особое внимание уделяется социогуманитарному аспекту изучаемой проблемы.

В качестве методологической основы исследования выступает системный подход и общие методы научного познания, такие как анализ, синтез, обобщение.

Ключевой вывод. Крупные российские ученые-футурологи являются продолжателями ноосферно-гуманистического направления информатизации, в рамках которого Человек-ученый с высокой нравственной позицией имеет свое социальное предназначение: сохранение культуры.

Ключевые слова: теория информационного общества, социогуманитарный аспект, российские ученые-футурологи, ноосферные исследования, ноосферогенез, информационная культурология, социальная информатика, методология устойчивого развития

Для цитирования: Салова Т.Л. Социогуманитарный аспект теории информационного общества в трудах отечественных ученых-футурологов. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):156–168. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-156-168>

Social and humanitarian aspects of the information society theory in the works of Russian futurologists

T.L. Salova✉

Sochi State University, Sochi, the Russian Federation

✉ *salova@mail.ru*

Abstract. The assessment of the contribution of domestic futurologists to the development of general theoretical foundations of the concept of the information society is especially relevant at the present time, as Russia moves to a new stage of civilizational development.

Statement of the problem. In the works of V.I. Vernadsky back in the 30s of the last century, the foundations of the future information society were laid, which he called the “noosphere”. The ideas of V.I. Vernadsky formed the basis of the Concepts of the Transition of the Russian Federation to Sustainable Development, adopted by the government in 1996. Beginning in the 90s of the twentieth century several dozen domestic researchers have been working on the concept of the formation of an information civilization. The article highlights those futurologists who, from the author's point of view, are reaching a high level of generalization of the changes taking place in society. The works of such Russian futurologists as A.D. Ursul, R.F. Abdeev, N.N. Moiseev, A.I. Rakitov, K.K. Kolin, A.V. Sokolov, V.P. Kaznacheev have been analyzed.

The goal of the research is to study the contribution of Russian futurologists to the development of theoretical foundations for building an information society. Particular attention is paid to the socio-humanitarian aspect of the problem under study.

The methodological basis of the study is a systems approach and general methods of scientific knowledge, such as analysis, synthesis, generalization.

Key conclusions. Major Russian futurologists are the successors of the noospheric-humanistic direction of informatization, within the framework of which the Human Scientist with a high moral position has his social purpose: the preservation of culture.

Keywords: information society theory, social and humanitarian aspect, Russian futurologists, noospheric research, noospherogenesis, information cultural studies, social informatics, sustainable development methodology

For citation: Salova T.L. Social and humanitarian aspects of the information society theory in the works of Russian futurologists. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(4):156–168. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-156-168>

Введение. Идея справедливого, гуманного и свободного информационного общества лежит в основе практически всех концепций теоретиков-футурологов.

Классическая характеристика информационного общества, оформившаяся в 60-х – 80-х годах XX века в трудах Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Маклюэна [1, 2, 3], а чуть позднее М. Кастельса [4], рассматривает человека (ученого-интеллектуала, производителя новых знаний) как центральную фигуру нового общества. Д. Белл подчеркивает: «Бережное отношение к талантам и распространение образова-

тельных и интеллектуальных институтов станет главной заботой общества» [1].

Интересно проследить влияние российских ученых-футурологов на формирование концепции информационного общества, особенно гуманитарного теоретико-методологического подхода, в основе которого лежат, прежде всего, проблемы социального развития, повышения интеллектуального потенциала и интеллектуальной культуры общества.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования являются концепции построения информационного обще-

ства, особенно в разрезе социогуманитарного знания, в трудах крупных российских ученых-футурологов с целью выявления их влияния на формирование нового гуманистического научного мировоззрения.

Методология исследования опирается на общие методы научного познания, такие как анализ, синтез, обобщение.

Результаты и обсуждение. Над проблематикой построения информационного общества уже более трех десятилетий трудится целая плеяда российских ученых-футурологов. Не претендуя на исчерпывающий обзор трудов отечественных исследователей, хотелось бы остановиться на тех из них, которые, с точки зрения автора, внесли существенный вклад в разработку социогуманитарных аспектов теории информационного общества. Большая часть российских ученых-футурологов работает именно в рамках этого подхода. Следует выделить значение таких ученых, как А.Д. Урсула, Р.Ф. Абдеева, Н.Н. Моисеева, А.И. Ракитова, К.К. Колина, А.В. Соколова, В.П. Казначеева. Каждое из этих имен знаменует собой определенный теоретический и временной этап в познании закономерностей построения информационной цивилизации, в центре которой находится Человек.

Сразу следует подчеркнуть, что российские ученые-футурологи подключились к проблематике построения информационного общества значительно позже японских, американских и европейских ученых, которые начали разрабатывать свои концепции, начиная с 60-х годов XX столетия. Российские ученые-футурологи активно присоединились к мировому сообществу исследователей только в 1990-е годы, после распада СССР, когда были сняты идеологические барьеры советского периода и изменилось отношение к информатизации общества в целом. Понятия «информационное общество», «постиндустриальное общество» были включены российскими учеными в научный оборот.

Пик исследований отечественных ученых в области прогнозирования развития информационной цивилизации действительно приходится на 90-е годы предыдущего столетия. Но не следует забывать, что еще в начале XX века в трудах выдающегося отечественного мыслителя В.И. Вернадского высказаны мысли о ноосфере (сфере разума), которая может появиться как результат оптимальной стратегии выживания, где принципы гуманизма, соединенного с нравственным интеллектом, займут приоритетное место [5, 6]. Несмотря на утопичность отдельных утверждений, задачу созидания ноосферы можно считать задачей сегодняшнего дня и рассматривать как необходимость формирования планетарного мышления. Недаром В.И. Вернадского считают одним из основных мыслителей направления, известного как русский космизм [7]. Своими трудами В.И. Вернадский как бы «закрепляет» лидерскую позицию России и в вопросе формирования информационной цивилизации: ноосфера В.И. Вернадского – это, без сомнения, прогрессивная модель будущего развития. В 1992 году в Рио-де-Жанейро на всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД), также известной как «Саммит Земли», было принято Положение об устойчивом развитии цивилизации [8], многие пункты которого совпадали с идеями В.И. Вернадского. А в 1996 году были приняты Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [9]. Таким образом, за идеей ноосферы закрепился государственный статус.

Прямым продолжателем ноосферных исследований является крупный российский ученый А.Д. Урсул, широкие научные интересы которого лежат в области глобалистики: эволюционно-информационной, космической. Но основное поле деятельности – это, без сомнения, разработка и продвижение теории устойчивого развития [10]. Главной заслугой А.Д. Урсула было создание своей Русской Ноосферной

Научной Школы [11]. Ноосферногуманистическое направление информатизации было заложено в его работах: «Путь в ноо-сферу. Концепция выживания и устойчивого развития человечества» (1993) [12], «Ноосферная стратегия перехода России к устойчивому развитию» (1997) [13]. В более поздней работе «Ноосферогенез как глобально-эволюционный процесс» (2015) [14] А.Д. Урсул выдвигает основную идею своей теории: ноосферогенез выступает как системное движение повышения степени устойчивости, где принципы гуманизма, соединенного с нравственным интеллектом, занимают приоритетное место. И тут же, как бы полемизируя с самим собой, подчеркивает, что это возможно только в случае формирования единого интегрального интеллекта человечества. Следует отметить, что ноосферогенез опирается на интеллектуально-информационные и социально-гуманитарные технологии.

В последние годы жизни (умер в 2020 году) А.Д. Урсул разрабатывал концепцию ноосферно-опережающего образования [15] как модели образовательной системы XXI века, ориентированную на реализацию стратегии устойчивого развития. Основными характеристиками ноосферно-опережающего образования можно считать следующие:

- превращение образования из механизма трансляции устаревших знаний в фактор освоения знаний и умений, соответствующих современным прогностическим моделям;
- ориентация на новейшие открытия и методологии, информационные и коммуникационные технологии;
- превращение образования в непрерывный процесс на протяжении всей жизни;
- смещение акцента на индивидуализацию образования и самообучение;
- формирование духовных, интеллектуально-информационных качеств личности, гражданственности и патри-

тизма с целью обеспечения безопасного функционирования общества и окружающей среды.

А.Д. Урсул неоднократно подчеркивал, что у России свой путь вхождения в ноосферу, связанный с изменением природы человека и формированием личности со сверхновым ноосферным мышлением. Стратегия возрождения России предусматривает развитие экономики, экологии, духовной сферы и национальной безопасности в неразрывном единстве. Миссия России в XXI веке – стать ноосферной научно-образовательной державой, для которой наука становится базисом стратегического управления социоприродной эволюцией. Выход из экономического и социально-политического кризиса, дальнейшие процессы интеграции России с мировым сообществом отечественные ученые-футурологи связывают именно со стратегией устойчивого развития или ноосферогенезом.

Процессы коэволюции человека и биосферы продолжают интересовать отечественных ученых. Так, Р.Ф. Абдеевым – российским кибернетиком, главным конструктором информационных моделей космических аппаратов, специалистом по теории познания и философии информационного общества – предпринята попытка синтеза информатики, кибернетики, синергетики и классической теории развития. Основные труды ученого: «Философия информационной цивилизации» (1994) [16], «Методология устойчивого развития и пути его реализации в условиях России» (1996) [17]. Р.Ф. Абдеев признан как создатель гуманной общепланетарной философии XXI века и новой философской концепции информационной цивилизации.

Основные положения его концепции:

- информация становится стратегическим ресурсом государств;
- бурное развитие информационных технологий существенно меняет характер труда и сфер занятости;

– сокращение числа занятых в промышленности и сельском хозяйстве способствует увеличению сектора интеллектуального труда;

– вложение средств в наукоемкие отрасли может вывести страну на путь Сингапура [18], где практически все население занято высокоинтеллектуальным трудом;

– позиции государства усиливаются за счет реализации принципа «пяти колец», а именно эффективному взаимодействию пяти секторов власти: законодательной, исполнительной, судебной, а также власти информации и власти интеллекта [19, с. 48];

– меняются акценты в сторону увеличения финансирования таких сфер, как здравоохранение и образование;

– обеспечение экологической стабильности и выживания человечества за счет охраны природы, перехода к возобновляемым источникам энергии и безотходным технологиям;

– отказ от войн, сохранение жизни как высшей ценности.

Автор концепции подчеркивает, что успешная ее реализация возможна только в результате объединения усилий всего человечества.

Российского интеллигента, академика Н.Н. Моисеева относят к теоретикам ноосферы и наследникам космизма. Основное место в его трудах отводится так называемой экологической философии с человеком-ученым как центральной фигурой нового общества. Прийти к власти – миссия и предназначение ученого, его долг перед человечеством, считал Н.Н. Моисеев. Он надеялся, что ученые станут носителями новой экологической нравственности, в основе которой лежат ценности самосохранения общества. Эти идеи отражены в основных работах Н.Н. Моисеева: «Судьба цивилизации. Путь Разума» [20], «Универсальный эволюционизм» [21], «Универсум. Информация. Общество» [22].

Концепция Универсального эволюционизма Н.Н. Моисеева пропитана

глубокими историко-философскими рассуждениями о судьбе России и судьбе всей цивилизации. В качестве основных принципов данной концепции ученый предлагает рассматривать следующие:

– вселенная является единой саморазвивающейся системой, в которой действуют общие законы самоорганизации;

– существует экологический императив как граница допустимой активности человека, которую ни при каких обстоятельствах нельзя переступить;

– шкалой новых нравственных ценностей выступает нравственный императив;

– образование предлагается рассматривать как систему формирования, сохранения и развития коллективных знаний, нравственности и памяти народа.

Концепция Универсального эволюционизма Н.Н. Моисеева как концепция самоорганизации природы, человека и общества может служить методологической основой построения современной научной картины мира. «Информационное общество – планетарное общество, – подчеркивал ученый, – Коллективный разум которого способен играть такую же роль, какую в организме человека играет его собственный разум» [22, с. 181]. Основные положения концепции, в том числе экологический императив, нравственный императив, позволяют понимать причины усиливающегося глобального экологического кризиса наших дней.

Большое внимание ученый уделяет месту и роли интеллигенции в эволюции человечества. Главное, считал Н.Н. Моисеев – сохранение русской цивилизационной матрицы и ее носителей – тончайшего слоя интеллектуалов-интеллигентов. В главе «Об интеллигенции, ее судьбе и ответственности» из книги «Как далеко до завтрашнего дня...» он писал: «... именно сочетание гражданственности с нравственным началом и гуманистической системой общественных суждений у меня и связывается с понятием интеллигентности». [23, с. 117]. Н.Н. Моисеев считал, что

только интеллигенция может противостоять разрушительному воздействию на образование и культуру средств массовой коммуникации. Он видел социальное предназначение и миссию интеллигенции в духовном и нравственном оздоровлении России. «Интеллектуал с высокой нравственной позицией имеет свое социальное предназначение: сохранение культуры, накопление и генерацию знаний и интеллекта, поддержание благоприятного нравственного климата в обществе, обеспечение устойчивого развития цивилизации» [24, с. 550]. Труды Н.Н. Моисеева можно рассматривать как долгосрочные научные программы будущих фундаментальных исследований.

А.И. Ракитов – автор работ по вопросам философии науки и проблемам построения информационного общества. Его наиболее известная работа – «Философия компьютерной революции» [25]. С 1991 года советник Президента России по проблемам информатизации и научно-технологической политики. А.И. Ракитов выдвигает концепцию «информационной эпистемологии»: эпистемология рассматривается как систематическое изучение процесса получения принципиально новых научных знаний. В устойчивом развитии общества первостепенную роль А.И. Ракитов отводит науке: «Для развития отечественных технологий завтрашнего дня мы обязаны поставить в центр государственной политики развитие отечественной фундаментальной и прикладной науки» [26, с. 1062]. Единственным выходом России из кризиса А.И. Ракитов считает переход России на уровень общества высоких технологий, общества, построенного на знаниях. Это путь лидеров глобальных трансформаций XXI века.

С именем крупного ученого-футуролога К.К. Колина связано становление и развитие нового научного направления – информационной культурологии [27], в основе которого лежит представление об информационной природе феномена

культуры. Совместно с А.Д. Урсулом им были разработаны структура и содержание предметной области новой научной дисциплины. Определено понятие объекта исследований – информационной культуры: «Информационная культура представляет собой подсистему культуры, которая формируется под воздействием процесса информатизации общества и включает в себя все многообразие результатов деятельности человека в информационной сфере общества, а также средства, виды и технологии этой деятельности» [27, с. 6]. К.К. Колин рассматривает информационную культуру как принципиально новый системный феномен, с появлением которого связан новый тип мышления и мировоззрения.

К.К. Колин является также автором и разработчиком еще одного нового научного направления – информационной социологии [28]. Предметной областью являются социальные аспекты философских и информационно-технологических проблем в процессе перехода к информационной цивилизации. В частности, одной из значимых проблем К.К. Колин считает проблему качества жизни в информационном обществе [28, с. 57]. Основные направления и задачи исследований информационной социологии (по К.К. Колину) следующие [28, с. 58]:

- философские основания информационной социологии;
- информационная экономика и новая структура занятости, новые информационные профессии;
- социальные проблемы информационного общества: в частности, информационное неравенство, информационные войны, информационная безопасность, виртуализация социума;
- информационное пространство личности и ее коммуникативный статус;
- социальные функции новых информационных устройств, социальные сети и сетевые сообщества, информационная зависимость;

- социология информационной и интеллектуальной культуры;

- информационная цивилизация в системе глобальной эволюции.

В качестве фундаментального научного метода информационной культурологии и информационной социологии К.К. Колин предлагает рассматривать информационный подход, который является развитием общего системного подхода. Информационный подход К.К. Колин считает фундаментальным методом познания природы, человека и общества. Он также является разработчиком нового образовательного курса для вузовской системы «Фундаментальные основы информатики: социальная информатика» [29]. Эту научную разработку исследователь посвящает ученому-футурологу А.Д. Урсулу – основоположнику социальной информатики как нового научного направления.

Можно выделить следующие основные принципы новой концепции преподавания информатики в вузовской системе, предложенные К.К. Колиным [30]:

- информатика рассматривается как дисциплина, способствующая развитию высокой информационной и интеллектуальной культуры человека, а также формированию информационного мировоззрения и научного миропонимания в целом;

- в основе лежит изучение философских проблем информатики и научных методов, таких как информационный подход, информационное моделирование и прогнозирование;

- новая стратегия преподавания помогает подготовке высококвалифицированных кадров, готовых к профессиональному росту, мобильности и быстрому освоению современных информационных технологий, а также формированию интеллектуальной элиты нового информационного общества;

- развитие интеллекта и творческих способностей определяют уровень развития человеческого потенциала и, как следствие, повышение интеллектуального

потенциала общества, который становится важнейшим стратегическим ресурсом при переходе к информационной цивилизации.

В структуре социальной информатики К.К. Колиным введено также новое понятие интеллектуальной безопасности, связанное с развитием и сохранением интеллектуального потенциала и интеллектуальных ресурсов общества. Угрозу интеллектуальной безопасности России представляет следующее:

- материальная недооценка государством труда ученых;

- занижение социальной значимости и престижности профессий, связанных с наукой;

- старение и нехватка высококвалифицированных кадров.

Следует подчеркнуть, что интеллектуальная безопасность напрямую влияет на изменение генофонда нации, т. е. на историческую судьбу нации, на ее будущее.

К.К. Колин является одним из авторов Национальной доктрины образования Российской Федерации. В области философии образования им предложена концепция опережающего образования, главным критерием которой является ориентация на будущее, на переход к информационной цивилизации. Автор стремится привлечь внимание к тем новым тенденциям, которые могут стать причиной серьезных социальных проблем развития человека и общества в XXI веке. Например, проблема информационного неравенства людей в новой информационной среде, проблемы информационных войн и информационно-психологической безопасности человека и общества.

Опережающее образование, по К.К. Колину, должно быть ориентировано на работу с будущим, «на конструирование будущего», т. е. на решение тех проблем, которые либо еще не сформулированы, либо слабо структурированы. В основе лежит, во-первых, врожденная способность человека к опережающему мышлению и, во-вторых, базис фундаментальных

знаний, который формируется в системе непрерывного образования. При этом ставка делается на интеграцию науки и образования.

Для успешного продвижения новой концепции опережающего образования необходимо развитие целой системы определенных качеств, помогающих людям легко адаптироваться в быстро изменяющемся мире, а именно:

- системного научного мышления;
- экологической и информационной культуры;
- творческой активности;
- высокой нравственности.

Следует добавить, что К.К. Колин является вице-президентом Международной академии ноосферы (с 1991 года), Академии социальных технологий (с 1995 года) и Академии информатизации образования (с 1996 года).

Нельзя обойти стороной такого крупного ученого, как А.В. Соколов, который является одним из основателей социальной информатики, автором общей теории и метатеории социальной коммуникации [31, 32], исследователем и теоретиком библиографоведения. А.В. Соколов является основателем концепции библиотечного гуманизма. Ученый подчеркивает, что человеку присущ инстинкт культуры: стремление к культуре, ее создание и сохранение. Он один из первых заговорил о гуманистической миссии Библиотеки, которая заключается «в утверждении в общественном сознании гуманистической сущности российской идентичности и активном противостоянии всем проявлениям дегуманизации общества» [33, с. 381]. «Гуманизм является мировоззренческой основой библиотечной профессии» – один из тезисов монографии «Думы о библиологосе – Книжном Разуме: библиографическое эссе» [34]. А.В. Соколов вернул термин «логос» в научный оборот и стал автором нового научного направления: философии мира книжной культуры и книжного разума. Библиологос – это коллективный

творческий Разум цивилизованного общества, метафора для описания социального мира интеллигентов-книжников, основное предназначение и созидательную силу которых А.В. Соколов видел в сохранении общественного знания с целью передачи новым поколениям в качестве общественного культурного наследия. А.В. Соколову принадлежит идея объединения философского знания об уникальности человека как личности и культурологического знания о книжности [34, с. 25]. Монография о Библиологосе является последним трудом ученого и научно-духовным завещанием, в котором Книжный Разум рассматривается как стратегический ресурс ноосферогенеза.

Анализ вклада российских ученых-футурологов в разработку теории информационного общества будет далеко не полным без упоминания В.П. Казначеева – мыслителя мирового уровня, организатора науки Сибири, наследие которого масштабно по объему, количеству идей и научных школ. Результаты гуманитарно-культурологических подходов к изучению человека как целостного космопланетарного явления емко представлены в монографии (в соавторстве со Е.А. Спириным): «Космопланетарный феномен человека. Проблемы комплексного изучения» (1991) [35]. Работа является продолжением линии русского космизма и представляет объемный труд в рамках направления современного научного знания – космической антропоэкологии. В монографии выдвигается два постулата человековедения (по В.П. Казначееву) [35, с. 11]:

1) феномен человека следует рассматривать как фундаментальную социоприродную целостность, которая проявляется через многообразие его социоприродных измерений;

2) человек многомерен.

Развитием этих идей стала работа В.П. Казначеева (в соавторстве с А.В. Трофимовым) «Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля.

Проблемы космопланетарной антропоэкологии» [36]. В.П. Казначееву и группе ученых его Научной Школы удалось разработать целостное учение о живом веществе на планете Земля, которое включает и гипотезу интеллекта «как функции космического пространства, космического живого вещества» [36, с. 57]. Рамки данной статьи не позволяют дать более глубокий анализ этому направлению исследований, известному как космопланетарное измерение ноосферогенеза.

Заключение. Масштабы работ отечественных ученых-футурологов впечатляют: так, Р.Ф. Абдеевым разработан и внедряется в вузах новый курс гуманной общепланетарной философии XXI века, в основе которого лежит модель спирального развития общества в координатах энтропии-информации, А.Д. Урсул – идеолог и разработчик социальной информатики, Н.Н. Моисеев – автор экологической философии, А.И. Ракитов – основоположник информационной эпистемологии, К.К. Колин – разработчик информационной культурологии и информационной социологии, А.В. Соколов является автором философии мира книжной культуры и книжного разума (Библиологоса), а В.П. Казначеев – идеологом космической антропологии.

Российских ученых-футурологов отличает социогуманитарная направленность исследований научного прогнозирования развития общества. Последователи идей В.И. Вернадского о ноосфере и устойчивом развитии цивилизации – такие как А.Д. Урсул, Р.Ф. Абдеев, Н.Н. Моисеев,

К.К. Колин и другие – рассматривают ноосферогенез как системное движение повышения степени устойчивости, при условии реализации принципов гуманизма, соединенного с нравственным интеллектом.

Главной заслугой А.Д. Урсула можно считать создание в России Ноосферной Научной Школы, задачами которой стало поддержание научного направления и объединение ученых-единомышленников.

Н.Н. Моисеев также является основателем своей Научной Школы, идеи которой опираются на коэволюционную парадигму ноосферогенеза – гармоничного совместного развития человека и окружающего его мира. Научная Школа В.П. Казначеева объединяет отечественных ученых-футурологов «под флагом» космопланетарной антропоэкологии.

За пределами данной статьи находится Школа А.Л. Яншина, разрабатывающая научное направление, которое условно можно назвать ноосферной кибернетикой. Это направление в настоящее время является наименее разработанным.

Но все четыре Научные Школы – А.Д. Урсула, Н.Н. Моисеева, В.П. Казначеева и А.Л. Яншина – входят в Российскую Ноосферную Научную Школу всемирного масштаба [11], которая является носителем мощного научно-образовательного потенциала и, по своей сути, выполняет миссию объединения российских ученых-футурологов в интеллектуальном пространстве нового гуманистического научного миропонимания.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.

2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002.
3. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника Центр, 2003.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
6. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012.
7. Московченко А.Д. В.И. Вернадский, русский космизм, автотрофность, перспективы // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309, № 8. С. 232-235.
8. Лось В.А. РИО-92: предварительные итоги 30-летия стратегии устойчивого развития (часть 1: Устойчивое развитие: исторические и теоретические основания) // Вестник МГУ. Серия, 27: Глобалистика и геополитика. 2022. № 2. С. 3-22.
9. О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440. URL: <http://www.government.ru/docs/all/17992> (дата обращения: 24.07.2024).
10. Kolin K.K. Outstanding Scientist of Our Time: to the 80th Anniversary of Academician A.D. Ursul // Journal of Siberian Federal University. Humanities And Social Sciences. 2016. № 9. P. 2194-2201.
11. Субетто А.И. Ноосферная научная школа в России: итоги и перспективы / под науч. ред. Зеленова Л.А. СПб.: Астерион. 2012.
12. Урсул А.Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития человечества. М.: Луч. 1993.
13. Урсул А.Д. Ноосферная стратегия перехода России к устойчивому развитию. М.: Гомель. 1997.
14. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Ноосферогенез как глобально-эволюционный процесс // Философская мысль. 2015. № 1. С. 9-92.
15. Урсул А.Д. На пути к опережающему образованию. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 3(31). С. 130-133; № 4(32). С. 132-139.
16. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994.
17. Абдеев Р.Ф. Методология устойчивого развития и пути его реализации в условиях России // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. М.: Интеллект, 1996.
18. Селезнев П.С. Сингапурская модернизация: инновационный опыт для России // Власть. 2014. Т. 22, № 7. С. 165-172.
19. Аникин В.И., Абдеев Р.Ф., Сурма И.В. Философские аспекты информационной цивилизации и современные проблемы управления в ракурсе глобальной безопасности // Вопросы безопасности. 2017. № 2. С. 44-54.
20. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000.
21. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3-28.
22. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001.
23. Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993. М.: МНЭПУ, 1997.
24. Fikhtner O.A., Salova T.L. A Human of Information and Digital Civilization // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS) International Scientific and Practical Conference «Education in a Changing World: Global Challenges and National Priorities. 2021. Vol. 140. P. 544-551.
25. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции М.: Политическая литература, 1990.
26. Ракитов А.И. Роль науки в устойчивом развитии общества // Вестник РАН. 1997. Т. 67, № 12. С. 1061-1065.
27. Колин К.К. Информационная культурология: философские и научно-методологические основания изучения и развития информационной культуры человека и общества // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2013. № 9. С. 4-13.

28. Колин К.К. Информационная социология: предмет и задачи нового направления социологических исследований // Гуманитарные науки: теория и методология. 2022. № 4. С. 54-72.

29. Колин К.К. Фундаментальные основы информатики: социальная информатика: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

30. Колин К.К. Новая стратегия развития России и информационные аспекты модернизации образования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3(27). С. 32-42.

31. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие. М.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.

32. Соколов А.В. Метатеория социальной коммуникации. М.: Рос. нац. биб-ка, 2001.

33. Соколов А.В. Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России: профессионально-мировоззренческое пособие. М.: РШБА, 2016.

34. Соколов А.В. Думы о Библиологосе – Книжном Разуме: библиологическое эссе. СПб.: СПбГИК, 2023.

35. Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека. Проблемы комплексного изучения. Новосибирск: Наука, 1991.

36. Казначеев В.П., Трофимов А.В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля. Проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск: Наука, 2004.

REFERENCES

1. Bell D. The Coming Postindustrial Society. An Experiment in Social Forecasting. Moscow: Academia, 2004. (In Russ.)

2. Toffler E. The Third Wave. Moscow: AST, 2002. . (In Russ.)

3. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Creation of the Print Culture Man. Kyiv: Nika Center, 2003. . (In Russ.)

4. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Moscow: HSE, 2000. (In Russ.)

5. Vernadsky V.I. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon. Moscow: Nauka, 1991.

6. Vernadsky V.I. Biosphere and Noosphere. Moscow: Iris-Press, 2012. (In Russ.)

7. Moskovchenko A.D. V.I. Vernadsky, Russian Cosmism, Autotrophy, Prospects // Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. 2006. Vol. 309, No. 8. P. 232-235. (In Russ.)

8. Los V.A. RIO-92: Preliminary Results of the 30th Anniversary of the Sustainable Development Strategy (Part 1: Sustainable Development: Historical and Theoretical Foundations) // Moscow State University Bulletin. Series, 27: Globalistics and Geopolitics. 2022. Iss. 2. p. 3-22. (In Russ.)

9. On the Concept of the Transition of the Russian Federation to Sustainable Development [Electronic Resource]: Decree of the President of the Russian Federation of 01.04.1996 No. 440. URL: <http://www.government.ru/docs/all/17992> (date of access: 24.07.2024).

10. Kolin K.K. Outstanding Scientist of Our Time: to the 80th Anniversary of Academician A.D. Ursul // Journal of Siberian Federal University. Humanities And Social Sciences. 2016. Iss. 9. P. 2194-2201. (In Russ.)

11. Subetto A.I. Noospheric scientific school in Russia: results and prospects / edited by L.A. Zelenov. St. Petersburg: Asterion. 2012. (In Russ.)

12. Ursul A.D. Path to the noosphere. Concept of survival and sustainable development of mankind. Moscow: Luch. 1993. (In Russ.)

13. Ursul A.D. Noospheric strategy of Russia's transition to sustainable development. Moscow: Gomel. 1997. (In Russ.)

14. Ursul A.D., Ursul T.A. Noospherogenesis as a global evolutionary process // Philosophical Thought. 2015. Iss. 1. P. 9-92. (In Russ.)

15. Ursul A.D. Towards advanced education. // Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2012. Iss. 3 (31). P. 130-133; Iss. 4 (32). P. 132-139. (In Russ.)
16. Abdeev R.F. Philosophy of information civilization. Moscow: VLADOS, 1994. (In Russ.)
17. Abdeev R.F. Methodology of sustainable development and ways of its implementation in Russia // Analysis of systems on the threshold of the XXI century: theory and practice. Moscow: Intellect, 1996. (In Russ.)
18. Seleznev P.S. Singapore modernization: innovative experience for Russia // Power. 2014. Vol. 22, Iss. 7. P. 165-172. (In Russ.)
19. Anikin V.I., Abdeev R.F., Surma I.V. Philosophical aspects of the information civilization and modern problems of management in the context of global security // Security issues. 2017. Iss. 2. P. 44-54. (In Russ.)
20. Moiseev N.N. The fate of civilization. The path of Reason. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. (In Russ.)
21. Moiseev N.N. Universal evolutionism // Questions of philosophy. 1991. Iss. 3. P. 3-28. (In Russ.)
22. Moiseev N.N. Universe. Information. Society. Moscow: Sustainable world, 2001. (In Russ.)
23. Moiseev N.N. How far is it until tomorrow... Free reflections. 1917–1993. M.: MNEPU, 1997. (In Russ.)
24. Fikhtner O.A., Salova T.L. A Human of Information and Digital Civilization // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS) International Scientific and Practical Conference «Education in a Changing World: Global Challenges and National Priorities. 2021. Vol. 140. P. 544-551. (In Eng.)
25. Rakitov A.I. Philosophy of the Computer Revolution M.: Political Literature, 1990. (In Russ.)
26. Rakitov A.I. The Role of Science in the Sustainable Development of Society // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 1997. Vol. 67, Iss. 12. P. 1061-1065. (In Russ.)
27. Kolin K.K. Information cultural studies: philosophical and scientific-methodological foundations for the study and development of the information culture of man and society // Modern information technologies and IT education. 2013. Iss. 9. P. 4-13. (In Russ.)
28. Kolin K.K. Information sociology: the subject and tasks of the new direction of sociological research // Humanities: theory and methodology. 2022. Iss. 4. P. 54-(In Russ.)
29. Kolin K.K. Fundamental foundations of informatics: social informatics: a textbook for universities. Moscow: Academic Project; Yekaterinburg: Business book, 2000. (In Russ.)
30. Kolin K.K. New strategy for the development of Russia and information aspects of education modernization // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical sciences. 2018. Iss. 3 (27). P. 32-42. (In Russ.)
31. Sokolov A.V. General Theory of Social Communication: a tutorial. Moscow: Mikhailov V. A. Publishing House, 2002. (In Russ.)
32. Sokolov A. V. Metatheory of Social Communication. Moscow: Russian National Library, 2001. (In Russ.)
33. Sokolov A. V. Bibliosphere and Infosphere in the Cultural Space of Russia: a professional and ideological manual. Moscow: Russian School of Biology, 2016. (In Russ.)
34. Sokolov A. V. Thoughts on Bibliologos – Book Mind: a bibliological essay. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Culture, 2023. (In Russ.)
35. Kaznacheev V. P., Spirin E. A. The Cosmoplanetary Phenomenon of Man. Problems of Comprehensive Study. Novosibirsk: Science, 1991. (In Russ.)
36. Kaznacheev V. P., Trofimov A. V. Essays on the nature of living matter and intelligence on planet Earth. Problems of cosmoplanetary anthropoecology. Novosibirsk: Nauka, 2004. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Тамара Львовна Салова, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий и математики. Сочинский государственный университет, г. Сочи, Российская Федерация, e-mail: salova@mail.ru

Tamara L. Salova, PhD (Eng.), Associate professor, Department of Information Technologies and Mathematics, Sochi State University, Sochi, the Russian Federation, e-mail: salova@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 12.07.2024

Поступила после рецензирования 24.08.2024

Принята к публикации 25.08.2024

Received 12.07.2024

Revised 24.08.2024

Accepted 25.08.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-169-183>
УДК 398.22(470.6)

Праэlementы утопии в северокавказском традиционном эпосе «Нарты»: осмысление в контексте современной социальной реальности

А.М. Сиюхова¹ ✉, И.А. Абдокова²

¹Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
✉ amins@mail.ru

²Адыгейский республиканский колледж искусств им. У.Х. Тхабисимова,
г. Майкоп; Краснодарский государственный институт культуры,
г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. На современном этапе возникла насущная потребность дать оценку различным формам утопических идей, увязав ее с проблематикой укрепления традиционных ценностей этнических сообществ. Предмет исследования – осмысление в контексте современной социальной реальности праэлементов утопии в нартском эпосе. Основным методом выступает метод структурно-функционального анализа по выявлению роли конкретной утопической идеи в структуре нартского эпоса как формы отражения социокультурных форм бытия этноса. Также применяется метод экстраполяции, выявляющий общее и особенное в реализации конкретных утопических идей в современной социокультурной ситуации. Определена типология элементов утопического в эпосе, включающая чудеса, связанные с пищевыми продуктами; с физической силой и необычайными способностями; с трансформацией человеческого тела; с возможностью влиять на погоду и суточные циклы; с сохранением вечной молодости и красоты; с наступлением социального равенства. Выявляется, что утопии эпоса чаще имеют вещно-объективный характер и значимы не сами по себе, а в той мере, в какой они могут быть полезны для рода. Осмысление утопических перемен социальных уложений выражено метафорически, в символической форме раскрывая сущность отношения к социальному неравенству. Зерна утопий нартского эпоса в современной социальной реальности приняли различную форму реализации: некоторые осуществились и перестали быть утопиями, другие превратились из осознаваемых как реальные явления в утопические. Утопические идеи, связанные с переустройством общества, так и остаются утопиями вследствие того, что социальные идеалы все время меняются.

Ключевые слова: утопия, нартский эпос, мифологическое сознание, праэлементы утопии в эпосе, самосохранение, противостояние внешним угрозам, современная социальная реальность, этнические ценности, национальная идентичность

© Сиюхова А.М., Абдокова И.А., 2024

Для цитирования: Сиюхова А.М., Абдокова И.А. Праэлемнты утопии в северокавказском традиционном эпосе «Нарты»: осмысление в контексте современной социальной реальности. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):169–183. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-169-183>

Primary utopian elements in the North Caucasian traditional epic «The Narts»: understanding in the context of contemporary social reality

A.M. Siyukhova¹✉, I.A. Abdokova²

¹Maykop State Technological University, Maykop, the Russian Federation
✉ amins@mail.ru

²Adyghe Republican College of Arts named after U.Kh. Tkhabisimov, Maykop;
Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, the Russian Federation

Abstract. At the present stage, there is an urgent need to assess various forms of utopian ideas, linking it with the problem of strengthening the traditional values of ethnic communities. The subject of the research is to understand the primary elements of utopia in the Nart epic in the context of contemporary social reality. The main method is the method of structural and functional analysis to identify the role of a specific utopian idea in the structure of the Nart epic as a form of reflection of the socio-cultural forms of existence of the ethnos. The extrapolation method is also used, revealing the general and the specific in the implementation of specific utopian ideas in the modern socio-cultural situation. A typology of utopian elements in the epic has been determined, including miracles associated with food products; with physical strength and extraordinary abilities; with the transformation of the human body; with the ability to influence the weather and daily cycles; with the preservation of eternal youth and beauty; with the onset of social equality. It has been revealed that the utopias of the epic often have a material-objective character and are significant not in themselves, but to the extent that they can be useful for the family. The understanding of utopian changes in social structures is expressed metaphorically, in a symbolic form revealing the essence of the attitude to social inequality. The grains of utopia of the Nart epic in modern social reality have taken various forms of implementation: some have come true and ceased to be utopias, while others have transformed from being perceived as real phenomena into utopian ones. Utopian ideas associated with the reorganization of society remain utopias due to the fact that social ideals are constantly changing.

Keywords: utopia, the Nart epic, mythological consciousness, utopian primary elements in the epic, self-preservation, resistance to external threats, modern social reality, ethnic values, national identity

For citation: Siyukhova A.M., Abdokova I.A. Primary utopian elements in the North Caucasian traditional epic «The Narts»: understanding in the context of modern social reality. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(4):169–183. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-169-183>

Введение. Современные научный и публицистический дискурсы включают в себя интенсивное использование категории утопии, понимая под ней весьма широкий спектр явлений и их толкований. Стремительное увеличение скорости со-

циальных и технологических изменений, многие из которых были предугаданы и предсказаны в классических утопиях, стимулируют формирование новых утопий и антиутопий, зовущих человечество к новым взлетам, либо чреватых ужасаю-

щим саморазрушением. Сегодня возникла насущная потребность дать оценку различным формам высказываемых утопических идей, увязав ее с проблематикой укрепления традиционных ценностей этнических сообществ. Для культуры северокавказских народов в настоящий момент это является весьма актуальным, т. к. происходит заметное усиление влияния религиозных течений ислама, зачастую идущее вразрез с укорененными этническими традициями и несущих потенциал социальной деструктивности. Для успешности дальнейшего развития своего общества и культуры любому этносу сегодня «необходимо вспомнить и возродить традиционные ценности наших предков и, основываясь на них, строить свое будущее» [1].

По мнению Т.Б. Медведевой, основной идеей современной западной философии в отношении утопизма является неизбежное создание техно-утопии – осмысление желаемого будущего как жизни социума в условиях, отвечающих качествам совершенства [2]. Беспрецедентное развитие коммуникационных систем в XX и XXI веках, превратившее земной мир в «глобальную деревню» по Маклюэну [3], изменило утопическую идею локализации гармоничного общества в некоем несуществующем («нигдеином») месте на идею построения подобной социальной системы отношений на каждой пяди обитаемой биосферы, т. е. в пантопию [4], о чем пишут исследователи Т.С. Паниотова и Е.В. Санникова.

Если научно-философский подход к утопии, как правило, трактует ее как некое идеальное, пока нигде не существующее социокультурное и политико-экономическое уложение, то авторы прикладных исследований в сфере социологии, юриспруденции, политологии и даже технологического производства используют данное понятие для обозначения невозможного в различных локальных областях жизни. Приведем в пример статьи: «Введение четырехдневной рабочей недели: утопия или реальная необходимость?» [5], или

«Безопасные лифты России: утопия или реальность?» [6].

Человечество продолжает мечтать о счастливой жизни для всех, несмотря на постоянно случающиеся потрясения экономического, политического и экологического характера, вследствие чего тема утопии в системе социогуманитарного знания не утратит актуальности, пока Земля будет обитаема разумными существами. Исходя из этого, важным аспектом изучения категории утопии является поиск ее генезиса в архаических формах общественного сознания, воплощенных в творческом выражении народного духа в виде эпоса, фольклора, обычаев, традиций. Подобные исследования являются значимым фактором укрепления этнической и общенациональной идентичности, подвергаемой сегодня разнообразным прессингам политического и идеологического толка.

Обзор литературы. Интерес к теме утопии иллюстрируется многочисленными публикациями, появившимися за последние два десятилетия. Однако лишь малая их часть рассматривает проблему генезиса утопического мышления. Так, например, Э.П. Карпеев первым толчком к появлению утопий считает основную и неизбывную проблему человечества, начиная с эпохи первобытности – обеспечение средств существования и защиту от внешних опасностей [7]. Инстинкт самосохранения в постоянном преодолении смерти стал основой как первых форм культуры (мистики, мифов и пр.), так и более поздних социально-философских систем, в том числе утопий. Ученый обращает внимание на то, что в обыденном сознании возникали мечты о скатерти-самобранке или о щуке, выполняющей любые пожелания, воплощаясь в сюжетах сказок, которые бытуют до настоящего времени. В данных рассуждениях мы видим, что первые утопические образы были достаточно конкретными, вещными, вплетенными в обыденную повседневность. Проблемы преодоления несовершенств обществен-

ного уклада стали подниматься в утопиях гораздо позже, при этом некоторые его праэлементы технологически-вещного характера сохранялись, например, в «Новой Атлантиде» Френсиса Бэкона в главе «Дом Соломона» [8]. Еще позже – в XX в. – желаемые физические трансформации как материальных предметов, так и самих людей стали превалировать в форме техно-утопий.

К работам методологического характера следует отнести исследование О.В. Фединой, в котором она проводит комплексный анализ основных подходов к самому понятию утопии. В фокусе ее внимания оказываются концепции выдающихся теоретиков, занимающихся вопросами анализа социальной реальности и моделей социального ожидания (К. Маркса, З. Фрейда, К. Мангейма и др.). Важным замечанием ученого становится мысль о том, что «социальные ожидания человека всегда будут связаны с бессознательным отождествлением личного и национального будущего» [9]. Данный тезис сочетается с пониманием того, что концепт неразрывной связки понятий «личное/общественное» заложен в архетипическом слое сознания, сформированным в глубокой древности и воплощенном в мифо-эпических системах этносов. О.В. Федина высказывает идею, что утопия в форме литературного произведения, являясь условной визуализацией ожиданий социального идеала, может помочь в анализе массовых социальных явлений, в которые сегодня вовлечены различные социальные группы. В этом смысле, по нашему мнению, анализ утопических праэлементов в эпических системах этносов является правомерным и результативным. Это также может поддерживаться тезисом исследователя о том, что «совокупность исторических событий, сложившаяся в уникальный путь, преодоленный этносом в течение существования, откладывается в его коллективной памяти и создает базовые конструкции, царящие над ним, воссоздающие особенный поряд-

ок существования и методы осмысления действительности» [9, с. 26]. Эпос народа, представляя в символической форме особенности форм культуры и общественных отношений, таким образом выражает не абстрактные представления идеалов, а конкретные социокультурные ожидания данного народа.

Следует отметить, что работа О.В. Фединой во многом наследует подходы, изложенные ранее (2008) в статье Т.С. Паниотовой и Е.В. Санниковой «Утопия после “конца Утопий”». Авторы отмечают важную особенность утопического мышления, которая выражается в гипотетической возможности обладания всеми в равной степени избыточными благами природы и цивилизации. Особенно это становится очевидным в нестабильные периоды исторического развития, когда у людей возникает потребность «в устойчивых ориентирах, национальных мифах, моральных абсолютах» [4]. Именно поэтому, по мнению ученых, утопия – это не только исторический, но и глубоко современный феномен.

В рамках научной статьи невозможно охарактеризовать весь пласт научной классической и современной литературы, касающейся проблематики утопии. При этом для настоящей работы необходим обзор публикаций, посвященный вопросам исследования нартского эпоса, в которых так или иначе затрагивается тема культурного кодирования, онтологических оснований формирования особой картины мира этноса и принципов реальных социокультурных практик и взаимодействий. Необходимо отметить, что чаще всего статьи на эту тему раскрывают филологические, литературоведческие, культурологические, реже философско-антропологические аспекты. Однако они могут в полной мере являться источниковой базой для изысканий социологического порядка, т. к. в них выводы и результаты основываются на сопряжении знаково-символической системы эпоса с реалиями социальной жизни народов,

исторически населяющих Северокавказский регион. В качестве такого источника с полным правом выступает цикл статей А.С. Куёка, рассматривающего различные проблемы отражения мировоззрения и эстетики адыгов в художественно-поэтической системе нартского эпоса. Исследователь выявляет самые значимые мотивы нартских сказаний, среди которых достаточная доля может интерпретироваться с культуросоциологических позиций, как то: мотив добывания огня (для замерзающего народа), мотив богоборчества, мотив непереносимого наказания за грехи, мотив изобретения первых орудий труда, мотив социального неравенства и др. [10]. Другая статья этого автора посвящена роли эпического героя в восстановлении космического порядка [11]. В качестве примера автор рассматривает сюжеты борьбы нартов со злым богом Пако за возвращение огня, тепла, воды людям, терпящим бедствия из-за нарушенного порядка в природе и ввержения их жизни в бессистемный хаос.

Авторитетный кавказовед К.Х. Унежев обосновывает историко-культурное значение адыгского нартского эпоса, видя в нем воплощение идеи героической борьбы, имеющей всегда не личное, но общественное значение [12]. Ученый отмечает глубочайший смысл нартских сказаний в передаче нравственных основ народа, понимании устройства окружающего мира, места человека в этом мире, выражении национальных духа и характера. Важной мыслью исследователя является положение, что причиной частой схожести мифологий различных народов является типологическая идентичность условий материального и социального существования, порождающая одинаковые формы его фантастического отражения в художественно-эпическом сознании. В дополнение к этому К.Х. Унежев высказывается о факторе культурного диалога между древними адыго-абхазскими племенами и древнегреческими народами, приведшими к возникновению множества параллелей в

сюжетах греческой мифологии и адыгского нартского эпоса.

Комплекс научных изысканий, именуемый нартоведением, также включает множество работ, посвященных раскрытию характеров и социальной функции отдельных персонажей эпоса, которые будут упомянуты в процессе настоящего исследования.

Объект исследования – эпос «Нарты» как культурное достояние народов Северного Кавказа. **Предмет исследования** – осмысление в контексте современной социальной реальности праэлементов утопии в северокавказском традиционном эпосе «Нарты».

Цель статьи – охарактеризовать элементы зарождающихся утопий в нартском эпосе и проанализировать реализацию данных идей в современной жизни общества. **В задачи** исследования входит:

- выявление основных форм утопических идей коллективного этнического сознания, заключенных в текстах нартского эпоса;
- характеристика наиболее значимых утопических идей, артикулированных в сказаниях;
- анализ реализованности данных идей в социальных взаимодействиях и практиках современности.

Основным **методом** выступает метод структурно-функционального анализа по выявлению роли конкретной утопической идеи в структуре нартского эпоса как формы отражения социокультурных паттернов бытия этноса. Также применяется метод экстраполяции, выявляющий общее и особенное в реализации конкретных утопических идей в современной социокультурной ситуации, детерминированной сохраненными, либо трансформированными ценностями, заложенными в традиционном эпосе адыгов.

Основная дискуссия. Непосредственно подступая к теме нашего исследования, укажем, что эпос любого народа содержит праэлементы утопий, сходные по своим

функциям, однако есть существенная разница в конкретном выражении данных микроутопий, что в конечном счете объясняется свойствами менталитета каждого народа.

Напомним, что героический эпос «Нарты» является культурным достоянием народов Северного Кавказа – адыгов, абхазов и др. Сложившись много веков назад, он вобрал в себя самые значимые черты национального характера и стал вербальным воплощением и выражением культурного кода кавказцев. Комплекс развернутых повествований, изложенных в прозаической, а также в музыкально-поэтической формах, воссоздает жизнь мифического племени нартов, начиная с его «появления на земле, до переселения на небо и в подземный мир» [13]. В сказаниях, посвященных героическим подвигам нартов – богатырей, вступающих в борьбу со всяческими напастями (как то: иныжи, бляго, другие нарты с низким уровнем нравственности и пр.), а также замечательным женщинам – матерям, невестам и женам нартов, присутствуют элементы чудесного, прямо или косвенно отсылающие к утопиям. Данные явления так или иначе могут быть экстраполированы на современную социальную реальность, в силу того что этнические сообщества, по мере дифференцированности их культуры от культур других народов, сохраняют некую матрицу (культурный код), позволяющую им развиваться по определенному, заданному в архетипических образах мифологического творчества вектору.

Типология таких чудес может быть представлена следующим образом:

- чудеса, связанные с пищевыми продуктами;
- чудеса, связанные с физической силой нартов и необычайными способностями;
- чудеса, связанные с необычностью способа рождения человека, трансформацией человеческого тела и бессмертия;

- чудеса, связанные с возможностью влиять на погоду и суточные циклы;

- чудеса сохранения вечной молодости и красоты;

- мечты, связанные с наступлением социального равенства и всеобщего благоденствия.

Еда представляется священной субстанцией со времен первобытности, от ее наличия или отсутствия зависят многие факторы человеческого самочувствия в физическом и эмоциональном аспектах. Реальный или потенциальный дефицит продуктов питания рождает культурные практики, связанные с обрядами и ритуалами земледелия и охоты, а также их результатами в виде продуктов питания. Так, исследователями отмечается, что обрядовая выпечка хлеба рассматривалась как посредничество между людьми и духами предков, что обуславливало особую почтительность к продукту [14]. Однако творческий потенциал народа также рождает фантазии, в которых происходит чудесная трансформация малого количества еды в большое или огромное. Именно такой сюжет раскрывается в легенде о том, как нарт Сосруко вернул Стране Нартов семена проса. Бог земледелия одарил нартов семенами проса словами: «Если сварить одно зерно моего проса, то выйдет из него полный котел пасты (густой каши). Бросил Тхаголедж в каждый нартский котел по одному просяному зерну. Нарты развели огонь, повесили свои огромные котлы и стали варить пасту. Сварили – и удивились: из каждого малого зерна вышел целый котел пасты. Принялись пировать нарты и, как повелось у них, первую заздравную чашу осушили в честь Тхаголеджа» [15]. Исследователи указывают, что котел в адыгском эпосе и фольклоре выполняет сакральную функцию символа изобилия, а борьба за обладание им знаменует борьбу порядка с хаосом и смертью [11]. Далее по сюжету суму с семенами похищает злобный иныж (одноглазый монстр-великан с драконьим

хвостом), у которого просо силой и хитростью впоследствии отвоевывает для народа нарттов Сосруко.

В другом сказании Сосруко собирается в героический поход и просит свою мать Сатаней: «Приготовь мне еду, / Чтобы мощь в ней жила, / Но чтоб легок был груз, / А поклажа – мала: / Уезжаю чуть свет» [15]. Как видим, в данном отрывке также высказывается желаемое качество еды – в малом количестве содержать большой источник энергии. Следует отметить, что в реальной истории адыгские племена научились сублимировать продукты намного раньше, чем появились бульонные кубики «Галина Бланка». Высушенные и измельченные соленые сыр и мясо в полевых условиях охоты, пастушьего ремесла или воинских набегов добавлялись в свежесваренную несоленую пасту, делая блюдо питательным и вкусным.

Еще одно чудо, претендующее на качество праэлемента утопии, – получение энергии живому от неживого, т. е. не из органического продукта. Сам Сосруко, будучи младенцем, и, позже, его чудесный летающий конь Тхожий перед походом насыщались кремнем (речной галькой): «Так сказав, Сосруко быстро / Подтянул подпруги ту же, / Дал коню кремня две меры, / Чтобы серый сил набрался. / От кремня взметнулись искры, / От огня ослепли птицы!» [15]. Если экстраполировать образ коня на современное транспортное средство (например, ледокол или ракетоноситель), то кремний можно считать эквивалентом ядерного топлива. В данном случае утопия перестала быть утопией и стала реальностью.

Второй праэлемент утопии, который мы можем вычлени из текстов нартских сказаний, – это мечта людей приобрести могучую физическую силу, дающую им по своим возможностям сравниться с богами и даже вступать с ними в противоборство. Так, семь дней юный Сосруко держался за гриву волшебного коня-альпа, пытающегося сбросить и растоптать на-

ездника. На седьмой день обессиленный неистовой скачкой конь остановился, покори́лся нарту и стал служить ему верой и правдой в его героических приключениях. Другой нарт Быданоко демонстрировал свою чудесную силу, передвигая тяжелую наковальню бога кузнечного ремесла Тлепша. В легендах о других нартах также встречаются сюжеты, когда они чудесным образом приобретают и демонстрируют свою волшебную физическую силу.

Помимо огромной физической силы в эпосе упоминается о других удивительных качествах организма нарттов. Так, в легенде о Быданоко повествуется о его необычайной зоркости, позволяющей ему видеть звезды в солнечный день. «Если ты видишь их в солнечный день, – напутствовала Быданоко мать, – то враг не скроется от тебя и в темную ночь» [15]. Полученная в дар волшебная физическая сила и острейшее зрение как главные средства противостоять внешним угрозам также являлись утопическим выражением желательного, но недостижимого свойства мужчины-воина – победителя врагов человеческого рода.

Еще одной утопической идеей в нартском эпосе представляются чудеса, связанные с трансформацией человеческого тела. Самый известный миф о Сосруко повествует о его рождении. По легенде он зародился в камне, переброшенном через реку красавице Сатаней пастухом, присматривающим за стадом коров. Камень, отнесенный ею домой, рос и, по мере роста, становился горячим. Через положенный срок, когда выросший камень разогрелся до красна и стал трескаться, Сатаней отнесла его богу-кузнецу Тлепшу. Тот стал откалывать куски раскаленного камня и вытаскивал на свет щипцами пылающего младенца и закалил его в сосуде с ледяной водой. Мальчик стал булатным, не боящимся быть раненым, не испытывающим физической боли. И только следы от кузнечных клещей остались уязвимым местом. Булатное тело Сосруко обеспечи-

ло ему бесстрашие и свободу действий в многочисленных подвигах и приключениях и сулило бессмертие. Если проводить аналогии с новейшими утопическими образами, то с большой долей условности можно вспомнить идеи постгуманистического плана, когда человеку станет ненужным собственное биологическое тело, его органы будут заменены на искусственные (железные), а впоследствии и вовсе исчезнут, предоставив возможность записывать сознание на материальный носитель типа флешкарты, черпающий энергию солнца, либо другого неиссякаемого источника, имеющего неорганическую природу. Наступление бессмертия постчеловека как реализованная утопическая идея диссонирует с концептом гуманизма, т. к. бессмертие как таковое обесценивает саму жизнь, духовность теряет всякий смысл, исчезает радость бытия. Условное бессмертие для героев нартского эпоса несет иной социокультурный посыл – оно дается не всем, но только тем, кто защищает интересы всего рода, кто является носителем такого свойства, как альтруизм – важнейший элемент человеческой духовности. При этом бессмертие героя не абсолютное – всегда есть возможность его утратить из-за наличия скрытого места уязвимости, что, как правило, и происходит в кризисные моменты сюжета мифа, связанные с кульминационными схватками нарта с врагами своего народа. Его гибель воспринимается трагически – как принесенная жертва во имя жизни других, что вызывает у воспринимающих эпические сказания состояние катарсиса, очищения, просветления, веры в светлое будущее.

Чудо возможности людей влиять на природные явления – утопический сюжет, часто использующийся в «Нартах». Сосруко – заглавный персонаж нартского эпоса – получил от своей матери Сатаней и бога Тлепша еще одну удивительную способность – напускать на землю туман или мороз. Так, чтобы подготовиться к поединку с иныжем, похитившим просо,

и не дать ему успеть засеять поле, нарт вызвал такой сильный мороз, что горы потрескались. В другой легенде – о красавице Адиюх – героиня ночью в окно выставляет свои белоснежные руки, превращая ночь в день, чтобы помочь своему мужу, возвращающемуся с добычей из набега, безопасно перебраться через реку. Имя героини с адыгского переводится как «Светозарная» – дарующая свет. Концепт влияния на погоду и суточные циклы в контексте источников утопического сознания сопрягает в себе смыслы, связанные с проблемой пропитания и, одновременно, с необходимостью противодействовать внешним угрозам. В контексте современного социального бытия целенаправленное изменение погодных условий из утопии стало реальностью в эпоху товарно-промышленного земледелия (разгон грозových туч с помощью специальных снарядов, тепличные хозяйства), а превращение ночи в день символически воплотилось с распространением электричества, заливающего светом цеха заводов, ночные клубы, торговые центры. Е.В. Дуков замечает, что «Если рассматривать планету из космоса, то целые континенты залиты электрическим светом. Ночь и тьма неожиданно оказались сущностно разными явлениями» [16, с. 155]. День как эквивалент света наступает на границы ночи, она становится яркой, в ее пространстве происходит множество действий, которые раньше были возможны только днем. Исследователь, ссылаясь на статистические данные, сообщает информацию о том, что за четыре года с 2012 по 2016 г. уровень ночной освещенности вырос на 110–150%, а в некоторых странах этот показатель был превышен. Однако, по справедливому замечанию Е.В. Дукова, превращение ночи в «светлое» время суток может негативно сказываться на биологических существах, в том числе на здоровье человека. Утопическая идея превращения ночи в день, явленная в эпосе адыгов, а также в мифологических

системах других этносов, реализовалась, однако ее смысловые основания претерпели трансформацию. Освещение ночью для нартов было необходимо для добывания пропитания и защиты от врагов. Данные причины в некоторой части сохранились в современности – отдельные люди используют ночь для заработка на жизнь либо проведения военных операций. Большая же часть «ночного» населения тратит время на развлечение, творчество, активный отдых, массовые культурные мероприятия, наподобие акций «Ночь музеев», «Ночь музыки» и пр. Таким образом, превращение ночи в день перестало быть утопией. Однако в результате неконтролируемого развития технологий возникла опасность экологической катастрофы, способной погрузить человечество в темную пустоту, именуемую «небытием».

В число утопических концептов нартского эпоса входит мечта о сохранении вечной молодости и красоты для женщины. В научных публикациях имеется работа Зухбы С.Л., который посвятил свое исследование идеалу женской красоты а адыго-абхазском эпосе [17]. Он указывает, что главным достоинством героинь нартского эпоса является их красивая внешность в совокупности с другими гармонично сочетающимися качествами (умом, трудолюбием и пр.). Он замечает, что нередко своим умом и смекалкой они превосходят мужчин. Автор приводит примеры, описывающие нескольких женщин – персонажей сказаний, в большей степени акцентируя внимание на литературоведческих аспектах текста. При этом С.Л. Зухба дает им характеристику по этическим критериям, говоря, что высшей ценностью для этих женщин является сохранение достоинства и моральной чистоты, продолжая мыслью, что «внешняя красота соответствует их внутреннему содержанию» [17, с. 80].

Наиболее рельефно данная идея реализуется в образе заглавной героини повествования – матери Сосруко Сатаней. По преданию в адыгской и абхазской интер-

претациях, родившись от бога и мертвой женщины, Сатаней быстро из ребенка превратилась в нестареющую женщину неземной красоты [18]. При описании ее детства в тексте легенды используется типичная для эпоса формула: «вырастая в месяц настолько, насколько положено за два месяца» [19]. Ее удивительная красота лейтмотивом звучит во всех обращениях к ней нартов. При этом она обладала бесконечной мудростью и способностью менять облики (превращаться в старуху или подростка). «Мать моя с красой девичьей! / Ты обличье изменяешь, / Ты умней мудрейших нартов, / Сатаней, гуаша нартов!» [15], – так Сосруко предваряет свой отказ рассказать ей о причине своей печали. В легенде о Быданокко дается более развернутый портрет Сатаней: «В доме Алиджа / Много красавиц, / Но превосходит / Их красотой / Та, что проходит / Лисьей походкой, / Что колдовскою / Силой владеет, / Что не стареет, / А молодеет. / Эта гуаша / С ликом девичьим, / С нежным обличьем, / Так величава! / Нартам желанна / Больше, чем слава, / Больше, чем сано, / – Мать Сатаней. / Старый и юный / Тянутся к ней!» [15]

О значении женской красоты и молодости в архаической древности можно делать предположения, не будучи полностью уверенными в их истинности. Если основываться на античном постулате о синонимичности прекрасного и полезного, то молодость и красота женщины есть наглядные признаки здоровья, являющиеся залогом появления сильного жизнеспособного потомства. Однако притом, что данный тезис в нартском эпосе подтверждается тем, что по преданию у Сатаней было 100 сыновей и одна дочка, красота ей также обеспечивала авторитет среди нартов, не связанный напрямую с фертильностью. Т. е. красота являлась неким знаком особой духовной силы, сплачивающей вокруг себя нартский народ. Косвенно об этом свидетельствует М.А. Текуева, которая исследует гендер-

ные архетипы народов Северного Кавказа на материале нартского эпоса. Она не акцентирует внимание на базовом свойстве образа Сатаней – физической красоте, но утверждает, что парадигма женского в культуре выкристаллизовывается в эпосе в форме монументального образа Великой Матери и Девы, наделяя его качеством верховного Божества в условиях матриархального типа общественных отношений [20]. Рассуждая последовательно, мы можем выстроить тождество: «божественное = прекрасное = красота», что выразилось в нартском эпосе через признание всеми и общего поклонения неземной (божественной) красоте Сатаней. М.А. Текуева высказала важную мысль, что этническое мышление, сформированное в архаические времена преобладания мифологического сознания, отражает генетически заложенное осознание гендерного равноправия, выстроенного на дифференциации социальных функций мужчин и женщин в социуме, одинаково необходимых для поддержания стабильного существования родоплеменного социума. В этом смысле женская вечная красота не может нами рассматриваться как мечта-утопия для древних адыгов, но должна быть осмыслена как естественный атрибут любой женщины-матери. Материнство – эквивалент вечной красоты, а бесконечная материнская любовь – основа нарождающейся на заре человечества духовности [21].

Сегодня мы наблюдаем наяву формирование новой утопической идеи сохранения вечной молодости не только для женщин, но и для какой-то части мужчин, которые подвергают себя косметологическим манипуляциям, претерпевая боль и неся большие финансовые затраты. Однако духовной составляющей за этим не обнаруживается, в большинстве случаев за такими действиями видится желание обрести финансовый успех для себя, продемонстрировать свой высокий имущественный статус. Еще один мотив такого

искусственного перевоплощения может быть обозначен как признак гордыни и вызов всепорождающему началу – Богу, определившему физическую конечность бытия всем живым существам. Следует признать факт, что еще никому из смертных не удалось победить в данном поединке.

Культурный код важности естественной красоты для кавказцев был актуальным вплоть до XX в., что подтверждалось этнографическими данными, когда в адыгских аулах проводились конкурсы девичьей красоты, участницы которого, помимо демонстрации своего остроумия и умения танцевать (или играть на музыкальном инструменте), должны были прилюдно умыться, чтобы доказать, что их красота природная, а не результат использования декоративных косметических средств. Остается надеяться, что мода на искусственную трансформацию тела для сохранения молодости и красоты, по-прежнему являющаяся утопией, сменится на моду на естественность, а на первый план выйдет ценность красоты духовной, без чего общество и личность рискуют приблизиться к бессмысленности существования, запуская процессы социокультурной энтропии.

Как нами уже отмечалось, праязлементы утопии в архаических текстах мифов чаще всего имели конкретно-вещное выражение, представленное через физические качества человека и формы его деятельности. Однако в нартском эпосе уже наблюдаются зачатки утопий социально-трансформационного плана, касающиеся гипотез о будущем желательном социальном укладе сообщества. Примером может служить сюжет о чудном видении Сосруко, явившемся ему перед последним боем с врагами, в котором он потерпел поражение и был заживо погребен под толщей горной породы. Повествуется, что на дороге он увидел большое дерево, у подножья которого дешевые сыромятные чухаки боролись с дорогими сафьяновыми

чувяками. Первые старались забраться на вершину дерева, а вторые препятствовали этому. «Если добирались сафьяновые до вершины дерева, листья начинали опадать, плоды сохнуть. А если хоть одному из сыромятных чувяков удавалось добраться до вершины, дерево снова зацветало» [15]. Смысл чуда для Сосруко расшифровала любящая его девушка: «Ты видел два враждебных рода. Чувяки из сыромятной кожи – бедный род, чувяки из сафьяновой кожи – богатый род. Вершина дерева, достичь которой стараются чувяки, – сама жизнь. Предстоит, значит, война между бедным родом и богатым, и победит бедный род, ибо, когда сафьяновые чувяки достигают вершины дерева, плоды гибнут, а когда вершины дерева достигают сыромятные чувяки, плоды расцветают» [15]. Данный фрагмент является мизерным элементом сказания, однако его включение в нарратив говорит о важности раздумий о несправедливости существующего социального устройства, где есть бедные и богатые. Отмечается наличие социального неравенства и символически описывается возможность и необходимость изменений посредством борьбы классов за обладание и дальнейшее развитие жизненных, прежде всего материальных ресурсов. Безусловно, данный сюжет можно экстраполировать на прокатившиеся в Европе и России в XVIII–XX вв. буржуазные, затем социалистические революции. Таким образом, были попытки утопию желания справедливого социального устройства реализовать в жизнь, но понимание сущности такой справедливости все время меняется, вследствие чего конкуренция между различными слоями общества, а также между разными обществами продолжается бесконечно. При этом есть понимание, основанное на диалектике, что наличие противоречия есть необходимое условие развития.

Заключение. Рассмотрение проблемы анализа соотношения утопии и мифологического сознания, воплощенного в

эпосе «Нарты», дает повод для некоторых обобщений, касающихся вопросов как эмпирического, так и теоретического плана в контексте социогуманитарного знания. Исторически миф более ранняя форма объектированного общественного сознания, чем утопия, вследствие чего будет справедливым считать, что именно в мифе заложены зерна будущих утопий. При этом ставшие уже классическими труды по теории мифа постулируют мысль о том, что миф есть символическое отражение объективных представлений о социальной реальности (А. Лосев [22], М. Мамардашвили и А. Пятигорский [23]), т. е. его содержание не направлено на предсказание будущего, а полностью локализуется в настоящем, принимая как данность нормы актуальных на тот период общественных отношений. Утопии же условно отрицают идеальное качество существующей социальной модели и предлагают новые принципы построения совершенного общества и цивилизационных условий его существования. Такое положение дает повод исследователю Н.Г. Митиной рассматривать утопию «как превращенную форму мифа» [24]. Миф как модель картины мира строится в сознании социума посредством творческого осмысления реальности, включающей элементы фантазии и мечты о лучшей жизни. Именно это рождает в мифах образы, отвечающие характеристикам идеала, являющиеся импульсами для развития общества в определенном направлении. Что касается идеальных образов в нартском эпосе, то по большей части они имеют вещно-объективный характер. Однако все удивительные мифические трансформации конкретных явлений в сказаниях значимы не сами по себе, а в той мере, в какой они могут быть полезны для всего социума. Так, сюжеты с волшебными трансформациями продуктов питания в сторону многократного увеличения, либо заключения огромного энергетического потенциала в минимальном количестве еды направлены на базисную

человеческую потребность в сохранении физической жизни. Разного рода трансформации организма нарттов (булатное тело, небывалая физическая сила, орлиная зоркость и пр.), а также способность влиять на погоду и суточные циклы призваны помогать героям в борьбе с внешними врагами, что тоже является необходимым механизмом самосохранения рода. Перечисленные вещно-материальные утопии представляются факторами текущей жизни, гипотетически реализующиеся в конкретной повседневности. Современная же утопия сохранения молодости и красоты для женщины, что для предков адыгов не являлось утопией, а было реальной характеристикой материнства, в архаическом сознании была устремлена в будущее – на продление и бессмертие рода. Осмысление утопических перемен социальных уложений выходят за грань материально-вещных воззрений, поэтому оно выражено не в конкретике социальных взаимодействий нартских персонажей, а метафорически, в символической форме раскрывая сущность отношения к социальному неравенству (борьба сыромятных и сафьяновых чувяк). Зерна утопий, заключенные в нартском эпосе, на всем историческом пути его бытования приняли различную форму реализации: некоторые из них осуществились и перестали быть утопиями (в частности, некоторые технологические идеи утопического характера), другие превратились из осознаваемых как реальные явления в утопические (незем-

ная красота и долгосрочная молодость женщины). Утопические же идеи, связанные с переустройством общества, так и остаются утопиями вследствие того, что социальные идеалы все время меняются, появляются новые противоречия, которые и становятся главным детерминантом социального развития отдельных сообществ и всего человечества.

Актуализация комплексных социокультурных исследований золотого фонда культурного наследия сегодня необходима для укрепления национальной идентичности народов России. Нартский эпос является бесценным достоянием культуры Северного Кавказа, обладание которым в форме разнообразных практик (чтения, использования сюжетики в других видах искусства, применения в системе образования, научного анализа, в том числе с позиций генезиса утопического мышления, и пр.) имеет важное значение для формирования перформативной национальной идентичности (т. е. сближения индивидов и малых групп посредством общих форм деятельности в большую социальную группу [25]), сплачивающей сообщество перед многочисленными вызовами, которые сейчас испытывает наше государство. Актуализированное научное знание о нартском эпосе откроет его для представителей других этнических групп, что явится одним из значимых оснований культурного диалога, взаимопонимания и взаимодоверия между разными этнокультурными сообществами.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Магомедова М.З. Традиционная культура народов Северного Кавказа как фактор противодействия экстремизму в молодежной среде // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сборник научных статей по итогам Международного научного форума. М., 2019. С. 424-431.

2. Медведева Т.Б. Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: техно-прогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115). С. 45-61.

3. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. 2-е изд. М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2013. 496 с.

4. Паниотова Т.С., Санникова Е.В. Утопия после «конца утопий» // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 3(40). С. 119-124.

5. Оглоблина Е.А. Введение четырехдневной рабочей недели в России: утопия или реальная необходимость? // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2022. № 40. С. 404-414.

6. Лячин Ф., Щербаков В. Безопасные лифты России: утопия или реальность? // Стандарты и качество. 2007. № 8. С. 12-16.

7. Карпеев Э.П. О возникновении утопии в человеческом сознании и об утопии марксизма и религии // Евразийский союз ученых. 2015. № 12-4(21). С. 70-73.

8. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. 2-е изд. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 240 с.

9. Федина О.В. Утопия как форма социокультурного ожидания [Электронный ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 4(29). С. 26. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43075238_30596291.pdf (дата обращения 24.10.2024).

10. Куёк А.С. О мотивах в адыгском нартском эпосе // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. 2019. Т. 19, № 1. С. 54-63.

11. Куёк А.С. Эпический герой и восстановление космического порядка в адыгском нартском эпосе // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2019. № 19(43). С. 39-43.

12. Унежев К.Х. Адыгский нартский эпос и его историко-культурное значение // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. 2021. Т. 21, № 1. С. 74-83.

13. Хаджиева Т.М. Мотив чудесного рождения в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10, № 4. С. 134-139.

14. Зангиева З., Кочиева И.В. Система питания в нартском эпосе осетин // Функциональное питание и проблема специфических заболеваний (Экопрофилактика качества продуктов питания и проявление специфических заболеваний): сборник докладов III Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2020. С. 74-79.

15. Нарты. Адыгский эпос [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/narty-adygskij-epos-read-180652-8.html> (дата обращения 24.10.2024). [Название с экрана]

16. Дуков Е.В. Ночь и ее индустрии // Художественное образование и наука. 2020. № 4 (25). С. 155-164.

17. Зухба С.Л. Идеал женской красоты в нартском эпосе абхазо-адыгских народов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия, 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 80-83.

18. Батукаева Х.Х. Нартский эпос как основа для зарождения северокавказской литературы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pedopyt.ru/categories/19/articles/1595> (дата обращения 24.10.2024).

19. Бухуров М.Ф. Формулы быстрого роста героя в сказках и нартском эпосе адыгов // Эпос единения и дружбы: материалы Международной научной конференции. Нальчик, 2013. С. 45-50.

20. Текуева М.А. Гендерные архетипы народов Северного Кавказа (по нартскому эпосу) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 6-1 (68). С. 154-158.

21. Бахофен И.Я. Материнское право. Исследование гинекократии древнего мира в соответствии с ее религиозной и правовой природой: в 3-х т. Т. I. СПб.: Quadrivium, 2018. 384 с.

22. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: АСТ, 2023. 448 с.
23. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Языки русской культуры, 1997. 224 с.
24. Митина Н.Г. Миф, идеал, утопия. Проблема времени // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С. 42-46.
25. Снегур М.Р. Концепт перформативной национальной идентичности: теоретико-методологические основания // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 132-140.

REFERENCES

1. Magomedova M.Z. Traditional culture of the peoples of the North Caucasus as a factor in counteracting extremism among young people // Cultural heritage of the North Caucasus as a resource for interethnic harmony: a collection of scientific articles following the results of the International Scientific Forum. Moscow, 2019. P. 424-431. (In Russ.)
2. Medvedeva T.B. Technological utopia and forms of its representation in modern culture: technoprogressivism, transhumanism and digital utopia // Scientific bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law. 2011. Iss. 20 (115). P. 45-61. (In Russ.)
3. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy. The Formation of Homo Typographis. 2nd ed. M.: Akademicheskiiy Proekt, Gaudeamus, 2013. 496 p. (In Russ.)
4. Paniotova T.S., Sannikova E.V. Utopia after the “end of utopias” // Humanitarian and socio-economic sciences. 2008. Iss. 3 (40). P. 119-124. (In Russ.)
5. Ogloblina EA Introduction of a four-day working week in Russia: utopia or real necessity? // Modern problems of linguistics and methods of teaching Russian in universities and schools. 2022. Iss. 40. P. 404-414. (In Russ.)
6. Lyachin F., Shcherbakov V. Safe elevators in Russia: utopia or reality? // Standards and quality. 2007. Iss. 8. P. 12-16. (In Russ.)
7. Karpeev EP On the emergence of utopia in human consciousness and on the utopia of Marxism and religion // Eurasian Union of Scientists. 2015. Iss. 12-4 (21). P. 70-73. (In Russ.)
8. Bacon F. New Atlantis. Experiments and instructions: moral and political ones. 2nd ed. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1962. 240 p. (In Russ.)
9. Fedina O.V. Utopia as a form of socio-cultural expectation [Electronic resource] // Scientific notes of Novgorod state university. 2020. Iss. 4 (29). P. 26. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43075238_30596291.pdf (date of access 24.10.2024). (In Russ.)
10. Kuek A.S. On the motives in the Adyghe Nart epic // Reports of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences. 2019. Vol. 19, Iss. 1. P. 54-63. (In Russ.)
11. Kuek A.S. Epic hero and restoration of cosmic order in the Adyghe Nart epic // Bulletin of Science of the Adyghe Republican Institute of Humanitarian Research named after T.M. Kerashev. 2019. Iss. 19(43). P. 39-43. (In Russ.)
12. Unezhev K.Kh. The Adyghe Nart epic and its historical and cultural significance // Reports of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences. 2021. Vol. 21, Iss. 1. P. 74-83. (In Russ.)
13. Khadzhieva T.M. The Motif of a Miraculous Birth in the Nart Epos of the Karachays and Balkars // Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Social Sciences and Humanities. 2016. Vol. 10, Iss. 4. P. 134-139. (In Russ.)
14. Zangieva Z., Kochieva I.V. The Nutrition System in the Nart Epos of the Ossetians // Functional Nutrition and the Problem of Specific Diseases (Eco-Prevention of Food Quality and Manifestation of Specific Diseases): Collection of Papers from the III International Scientific and Practical Conference. Vladikavkaz, 2020. P. 74-79. (In Russ.)
15. Narty. The Adyghe Epos [Electronic Resource]. URL: <https://www.rulit.me/books/narty-adygskij-epos-read-180652-8.html> (accessed 24.10.2024). [Title from the screen] (In Russ.)

16. Dukov E.V. Night and its industries // Art education and science. 2020. No. 4 (25). P. 155-164. (In Russ.)
17. Zukhba S.L. The ideal of female beauty in the Nart epic of the Abkhaz-Adyghe peoples // Bulletin of the Adyghe State University. Series, 2: Philology and art criticism. 2012. Iss. 2. P. 80-83. (In Russ.)
18. Batukaeva H.Kh. The Nart epic as the basis for the emergence of the North Caucasian literature [Electronic resource]. URL: <https://www.pedopyt.ru/categories/19/articles/1595> (date of access 24.10.2024). (In Russ.)
19. Bukhurov M.F. Formulas for the rapid growth of a hero in fairy tales and the Nart epic of the Adyghe // The Epic of Unity and Friendship: Proceedings of the International Scientific Conference. Nalchik, 2013. P. 45-50. (In Russ.)
20. Tekueva M.A. Gender archetypes of the peoples of the North Caucasus (according to the Nart epic) // Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2015. Iss. 6-1 (68). P. 154-158. (In Russ.)
21. Bachofen I.Ya. Maternal law. A study of the gynocracy of the ancient world in accordance with its religious and legal nature: in 3 volumes. V. I. St. Petersburg: Quadrivium, 2018. 384 p. (In Russ.)
22. Losev A.F. Dialectics of Myth. Moscow: AST, 2023. 448 p. (In Russ.)
23. Mamardashvili M.K., Pyatigorsky A.M. Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language. Moscow: Languages of Russian Culture, 1997. 224 p. (In Russ.)
24. Mitina N.G. Myth, ideal, utopia. The problem of time // Humanitarian vector. 2011. Iss. 2 (26). P. 42-46. (In Russ.)
25. Snegur M.R. The concept of performative national identity: theoretical and methodological foundations // Bulletin of Maikop State Technological University. 2024. Vol. 16, Iss. 1. P. 132-140. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Аминет Магаметовна Сиюхова, доктор культурологии, профессор кафедры философии, социологии и педагогики. Майкопский государственный технологический университет, г. Майкоп, Российская Федерация, e-mail: amins@mail.ru

Ирина Аминовна Абдокова, преподаватель. Адыгейский республиканский колледж искусств им. У.Х. Тхабисимова, г. Майкоп; магистрант Краснодарского государственного института культуры, г. Краснодар, Российская Федерация, e-mail: irinaabdokova@yandex.ru.

Aminet M. Siyukhova, Dr Sci. (Culturology), Professor, Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy. Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation, e-mail: amins@mail.ru

Irina A. Abdokova, Teacher, Adyghe Republican College of Arts named after U.Kh. Tkhabisimov, Maikop; Master student, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, the Russian Federation, e-mail: irinaabdokova@yandex.ru.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 10.08.2024

Поступила после рецензирования 14.09.2024

Принята к публикации 15.09.2024

Received 10.08.2024

Revised 14.09.2024

Accepted 15.09.2024

Научное издание

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

Том 16 № 4 2024

Издательство ФГБОУ ВО «МГТУ»

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191.

Подписано в печать 24.12.2024 г.

Бумага Херох Performer. Печать цифровая.

Гарнитура Times. Усл. п. л. 21,39. Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета

на участке оперативной полиграфии ИП Кучеренко В.О.

385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, 403/33.

Тел. для справок 8-928-470-36-87.

E-mail: slv01.maykop.ru@gmail.com